60
601.

КУРСЪ ПСИХОЛОГІИ

сочиненіе

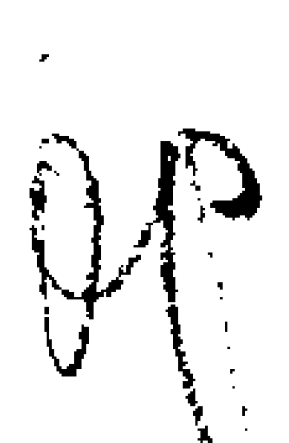
ИВАНА КЕДРОВА

Вонми себе и снабди душу твою зѣло. Второз. гл. IV. ст. 9.

ЯРОСЛАВЛЬ

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи, представлено было въ цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ Августа 5 дня 1843 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ нѣкоторыхъ временъ стало болѣе появляться въ нашемъ отечествѣ книгъ собственнó философскихъ. Это признакъ, что наступила пора намъ заниматься фундаментальными науками. Но изъ всѣхъ руководствъ по Психологіи нѣтъ еще у насъ ни одного, которое было бы приспособлено къ понятіямъ не учащихъ, а учащихся въ среднихъ заведеніяхъ. Восполнить этотъ недостатокъ,—главная цѣль настоящаго сочиненія. Сколько успѣлъ сочинитель въ своемъ трудѣ, оцѣнятъ люди ученые и благонамѣренные: Чѣмъ пользовался, увидятъ мужи опытные въ наукѣ о душѣ человѣческой. Его единственное желаніе-быть полезнымъ юношеству.

Сочинитель.

The nobelst study of mankind is man.

Pope.

Благороднѣйшій предметъ ученія для человѣка —человѣкъ.

Познай самого себя.

ПСИХОЛОГІЯ

ВВЕДЕНІЕ

§ 1. Психологія есть наука, раскрывающая существенныя свойства души человѣческой и силъ ея, изъясняющая взаимное отношеніе между способностями, показывающая причины многоразличныхъ состояній душевныхъ, равно какъ условія и цѣль существованія нашего на землѣ.

§ 2. Такимъ образомъ, главный и общій предметъ всѣхъ психическихъ изысканій составляетъ душа человѣческая—существо одаренное способностію мыслить, желать, чувствовать и

отличать себя какъ отъ внѣшнихъ предметовъ, такъ и отъ своихъ собственныхъ дѣйствій и движеній.

§ 3. Источники психическихъ изслѣдованій суть:

1) Наблюденіе наше надъ самими собою, надъ обнаруженіями собственной жизни. Безъ него мы незнали бы ничего о своей душѣ; оно же есть ключь къ уразумѣнію и другихъ людей. Печаль, любовь, негодованіе и другія душевныя движенія ихъ возбуждаютъ въ насъ извѣстныя мысли и чувствованія только по тому, что болѣе или менѣе мы знаемъ оныя по собственному опыту. Не будь этого опыта, слова и тѣлодвиженія, служащія къ выраженію психическихъ состояній, были бы для насъ неразгаданными знаками чего-то неизвѣстнаго,—и покушаться быть психологомъ безъ наблюденій надъ своею душою, значило бы хотѣть изучить душу безъ души.

2) Наблюденіе надъ душевными свойствами и состояніями другихъ людей. Извѣстно, что въ каждомъ народѣ, въ каждомъ городѣ и селеніи, въ каждомъ семействѣ и недѣлимомъ много особенностей. Нравы, обычаи, привычки, страсти, характеры, темпераменты людей, такъ разнообразны, что, вѣроятно, не найдется нисколько лицъ совершенно похожихъ другъ на друга по духовной жизни. Посему недостаточно было бы

посвятившему себя на изученіе души человѣческой ограничиться наблюденіями надъ однимъ собою. Онъ долженъ обнять и исчерпать всю полноту жизни духовной въ безчисленныхъ ея формахъ и видоизмѣненіяхъ, не исключая изъ своихъ наблюденій ни пола, ни возраста, ни разныхъ степеней образованности. Только такимъ образомъ можетъ быть пріобрѣтено сколько нибудь удовлетворительное познаніе о душѣ человѣческой. Кромѣ того, наблюденіе за другими необходимо и потому, что многихъ состояній душевныхъ мы не имѣемъ возможности извѣдать на самихъ себѣ, каково наприм. состояніе во младенчествѣ, въ душевныхъ болѣзняхъ и т. д.

3) Не безполезно также для психолога обращать вниманіе на историческое развитіе человѣчества въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ, на общественную жизнь народовъ какъ политическую, такъ и религіозную; ибо здѣсь заключается богатый рудникъ матеріаловъ для Психологіи. Даже путешествія, жизнеописанія и образцовыя произведенія поэзіи должны подвергаться изслѣдованіямъ того, кто занимается наукою о душѣ человѣческой; въ этихъ сочиненіяхъ часто неподражаемымъ образомъ обрисовываются характеры

великихъ людей и раскрываются тайныя пружины человѣческой дѣятельности.

Примѣчаніе. Тѣ, которые превозносятъ Френологію или думаютъ по физіономіи тѣлесной узнать душу человѣческую, забываютъ, что безсмертный нашъ духъ одаренъ свободою независимо отъ какихъ-либо органическихъ предрасположеній и даже наперекоръ имъ начинать во всякое время тотъ, или другой рядъ дѣйствій, и впадаютъ въ суевѣрный фатализмъ, который годится развѣ для гадательныхъ книгъ, а не для науки.

4) Но признавая совершенно необходимою наблюдательность надъ душою человѣческой, не должно чуждаться и умственныхъ соображеній, способствующихъ къ уразумѣнію духовной нашей жизни и дѣятельности. Опытъ безъ умозрѣнія, равно какъ и умозрѣніе безъ опыта есть односторонность, недостатокъ въ наукѣ, дѣлающій ее неполною и неудовлетворительною. Чистыя умствованія суть паутины ума, которыя рвутся отъ небольшой опытности; а опыты, не возведенные при помощи умственныхъ соображеній къ единству, составляютъ груду матеріаловъ, которая требуетъ разработки и безъ того подавляетъ мысль нашу. Да и можетъ ли быть опытное ученіе о душѣ безъ всякаго умозрѣнія,

или умозрительное безъ опыта? Что возвышеннѣе въ человѣкѣ разума, свободы и личности? Но мы неможемъ сказать объ нихъ ничего достовѣрнаго безъ помощи опыта. Что ближе къ опыту чувственнаго воспріятія и волненій сердечныхъ? Но рѣшеніе этихъ предметовъ неразрывно соединено съ вышеопытными воззрѣніями на душу человѣческую. Такимъ образомъ, опытъ и умозрѣніе въ нашей наукѣ должны итти рука объ руку къ общей цѣли и опираться другъ на друга, чтобы шествіе ихъ было правильнѣе и свободнѣе отъ заблужденій.

Примѣчаніе. Посему, обыкновенное доселѣ дѣленіе Психологіи на *опытную* и *умственную* неосновательно. Сами принимающіе его часто въ опытной психологіи съ первой страницы излагаютъ понятія о душѣ вышеопытныя, а въ умозрительной нисходятъ обратно въ опытъ.

§ 4. Судя по источникамъ Психологіи, легко понять, что изученіе ея соединено съ большими трудностями.

1) Кто незнаетъ, какихъ усилій и какого самоотверженія стоитъ наблюденіе надъ движеніями своего духа? Съ самаго дѣтства мы естественно привыкаемъ заниматься внѣшнимъ міромъ, въ которомъ заключаются первоначаль-

ныя наши радости и огорченія, который не требуетъ особеннаго напряженія умственныхъ способностей и притомъ развлекаетъ насъ даже и въ то время, когда мы стараемся устремлять вниманіе на внутреннюю жизнь свою. Отъ сего—то большая часть людей проводитъ всю жизнь свою не входя въ себя, не заботясь о самопознаніи. Но и тѣ избранные, которые часто наблюдаютъ за самими собою, могутъ ли подмѣтить и сказать свѣту всѣ задушевныя тайны? Съ одной стороны, психическія явленія такъ быстры и неуловимы, такъ часто и скоро смѣняютъ одно другое, что съ большимъ трудомъ можно слѣдить за ними, тѣмъ болѣе еще, что въ одно и тоже время надобно быть и наблюдателемъ и предметомъ наблюденія. Съ другой стороны, обыкновенно, люди хотятъ казаться всѣмъ, лишь бы не собою; они скрываются сами отъ себя, чтобы быть спокойнѣе духомъ. Наконецъ и то невыгода, что психологъ не имѣетъ надъ душою той власти, какую физикъ имѣетъ надъ природою видимою; онъ не можетъ производить опытовъ своихъ когда и какъ ему хочется.

2) Съ неменьшими трудностями сопряжено и наблюденіе за другими. Сердце человѣческое

глубоко; кто можетъ проникнуть во всѣ изгибы его? Кто можетъ разгадать тайныя біенія его? Узнать, какими чувствами наполнена душа человѣка, пекущагося, по видимому, болѣе о благѣ ближнихъ, чѣмъ о себѣ; отличить усердіе отъ тщеславія, искательство отъ простаго радушія и притворство отъ искренности; понять, какъ злоба умѣетъ скрываться подъ личиною дружества и какъ месть является подъ видомъ правосудія, наконецъ опредѣлить: какія причины и сколько участвовали въ томъ или другомъ поступкѣ человѣка,—что надобно тутъ приписать свободѣ, характеру, темпераменту, воспитанію, религіозному убѣжденію и т. под.—все это составляетъ такой трудъ, который если не совсѣмъ не возможенъ, то по крайней мѣрѣ требуетъ усилій необычайныхъ, ума тонкаго, глубокаго и прозорливаго. Да и то надобно замѣтить, что тотъ бываетъ несравненно скрытнѣе, кто подозрѣваетъ за собой наблюдателей.

5) Неопредѣленность терминологіи составляетъ новое неудобство для тѣхъ, кто посвятилъ себя изученію Психологіи; здѣсь, чуть-чуть не повторяется смѣшеніе языковъ, бывшее при столпотвореніи и заставившее строителей разойтись въ разныя стороны. Слова: смыслъ, умъ,

разумъ, воля, свобода, сердце и т. п. до того различно понимаются, что необходимость заставляетъ значенія ихъ признать условными.

§ 5. Впрочемъ, какъ ни велики трудности которыя должно преодолѣть Психологу, онѣ недолжны отнимать у него охоты къ занятіямъ, а напротивъ должны еще усиливать оную.

1) Ибо надобно помнить, что Психологія, какъ и вообще наука, развивается и совершенствуется не вдругъ и не частными какими либо усиліями недѣлимыхъ; нѣтъ, потребны цѣлые вѣка и общее, дружное стараніе мыслителей, чтобы подвинуть ее впередъ, еще болѣе довесть до процвѣтанія.

2) Это поприще дѣятельности не теперь только открылось уму человѣческому. Психологія наука не новая; ею съ древнихъ временъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ занимались ученѣйшіе изъ рода человѣческаго и, какъ высоко цѣнили ее въ древности, можно судить изъ того, что даже на фронтонѣ Дельфійскаго храма поставлена была надпись: познай себя. Въ новѣйшія времена, особливо въ нашемъ вѣкѣ, обращена полная забота на изученіе человѣка; познанія, относящіяся къ духовной жизни его довольно обогащены изслѣдованіями, которыя

могутъ быть хорошими пособіями для желающихъ заниматься Психологіею.

Примѣчаніе: Изъ древнихъ философовъ первый обратилъ особенное вниманіе на душу человѣческую Сократъ, а за нимъ Платонъ и Аристотель. Изъ новѣйшихъ занимались психическими изслѣдованіями: Локкъ, Декартъ, Вольфъ по Лейбницу, и Кантъ; въ послѣднее время Карусъ, Вейсъ, Фрисъ, Вейлеръ, Шульце, Эшенмайэръ, Гейнротъ, Гербартъ, Бенеке, Мусманъ и другіе.

3) И самъ Промыслъ облегчилъ для насъ изученіе души человѣческой, давъ возможность распространять Психическія наблюденія за недѣлимыми на весь родъ, на всѣхъ полосахъ земнаго шара. Если бы разныя племена имѣли свое особенное произхожденіе по душѣ, то небыло бы никакой возможности составить одну общую науку о душѣ человѣческой. Но по достовѣрнымъ преданіямъ историческимъ всѣ люди произошли отъ одной четы, разродившейся въ безчисленное семейство племенъ и поколеній, которое впрочемъ удержало за собою общія, характеристическія черты. Этому не противурѣчитъ и опытъ. Ибо, какъ ни разнообразна духовная жизнь людей, все впрочемъ по сущест-

ву своему они одинаковы. Творецъ не отказалѣ ни одному поколѣнію въ разумѣ и свободѣ, не отнялъ ни у какого племени ни языка, ни способности усовершенствованія. Различный цвѣтъ кожи, разная длина и нѣжность волосъ, видъ черепа, ростъ и соразмѣрность въ членахъ-все это можетъ зависѣть отъ многихъ внѣшнихъ причинъ, но не опровергаетъ ни людскости, ни усовершимости самыхъ дикихъ и безобразныхъ племенъ человѣческихъ. Каждый дикарь можетъ сказать о самомъ себѣ съ знаменитѣйшимъ изъ поэтовъ: homo sum, humani nihil a me alienum puto. Итакъ, нѣтъ нужды въ Психологіи того или другаго племени, той или другой породы людей; наблюденія надъ самими собой и надъ другими ближайшими къ намъ людьми могутъ быть приложены ко всему роду человѣческому, хотя то несомнѣнно, что чѣмъ болѣе собирается свѣдѣній объ индивидуальныхъ проявленіяхъ жизни Психической, тѣмъ полнѣе она можетъ быть обнята и точнѣе опредѣлена въ разныхъ ея состояніяхъ и частностяхъ.

§ 6. Что касается до употребленія Психологіи, то оно сколько важно столько же и обширно. Въ порядкѣ знаній оно составляетъ такое звѣно, къ которому прикрѣпляются всѣ

науки. Отъ ея изученія зависитъ вѣрный взглядъ на природу и жизнь вселенной, на нравственность рода человѣческаго и воспитаніе его, на судьбы народовъ и необычайные перевороты въ Государствахъ; она помогаетъ Богослову отличать истинную религію отъ ложной и фанатизмъ отъ здраваго состоянія духа, предостерегая въ тоже время отъ мечтательности, мистицизма и кичливаго мудрованія въ предметахъ вѣры, отъ ригоризма и отъ ревности не по разуму. Она предохраняетъ Философа отъ безполезной игры понятіями, показывая къ чему онъ долженъ стремиться въ своихъ изысканіяхъ и чего ожидать отъ трудовъ по своимъ силамъ. Она повѣдаетъ Оратору тайны сердца человѣческаго и чрезъ то покаряетъ ему слушателей; безъ ея знанія, моралисты, политики, педагоги и врачи никогда не могутъ быть опытными въ своемъ дѣлѣ; самые естествоиспытатели имѣютъ нужду въ Психологіи, для того, чтобы видѣть цѣль своихъ изысканій, которая заключается въ душѣ человѣческой.

Въ отношеніи къ жизни, знакомство съ Психологіею также весьма благодѣтельно. Только съ нею мы можемъ основательно знать свое мѣсто въ ряду тварей и назначеніе, правильно

цѣнить другихъ и видѣть отношенія ихъ къ намъ, употреблять надлежащимъ образомъ силы свои и ограничивать свои безпредѣльныя, часто суетныя желанія. А умѣнье обращаться съ другими и дѣйствовать на нихъ волю—сколько зависитъ отъ знанія свойствъ души человѣческой! Мы справедливо удивляемся тѣмъ необыкновеннымъ явленіямъ, которыя производятся по волѣ человѣческой физическими силами. Но не болѣе ли дивные феномены въ духовномъ мірѣ могутъ быть слѣдствіемъ тончайшихъ познаній психической жизни человѣка? Не безъ основанія говорятъ, что (*) »кто изучитъ сердечныя движенія, съ коими сопряжены наши мысли и желанія и будетъ благоразумно пользоваться ими, тотъ въ состояніи будетъ творить чудеса между людьми.» И безъ причины ли самопознаніе издревле считалось началомъ и концемъ мудрости человѣческой?

§ 7. Главная задача Психологіи состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворительно отвѣтить на вопросы: что такое душа человѣческая, какъ она живетъ и какое ея назначеніе? По сему все ученіе о душѣ можетъ быть раздѣлено на три части, изъ коихъ въ первой можно говорить о

(*) Слова Еккартгзгауз.

существѣ души человѣческой; во второй о ея силахъ и различныхъ состояніяхъ; въ третьей о цѣли существованія нашего на землѣ. Но такъ какъ сознаніе составляетъ краеугольный камень для Психологіи, то оно по всей справедливости должно быть ея исходнымъ пунктомъ.

ГЛАВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ.

О сознаніи, какъ исходномъ пунктѣ Психологіи.

§ 8. Сознаніе—это начало и конецъ всѣхъ дѣйствій душевныхъ есть нечто иное, какъ вѣдѣніе самаго себя во всѣхъ родахъ дѣятельности. Оно

1) Есть познаніе самое непосредственное; ибо сознавая самихъ себя, мы не представляемъ себя различными отъ него, и его отъ насъ. Одно и тоже *я* сознаетъ и какъ бы созерцаетъ себя въ самомъ себѣ и изъ себя.

2) Если въ сознаніи о чемъ нибудь мысленно отдѣлить это что нибудь, то оно будетъ несложно, просто. Въ немъ нельзя примѣтить ни однородныхъ, ни разнородныхъ элементовъ; оно всегда, при всѣхъ измѣненіяхъ нашей духовной дѣятельности, равно самому себѣ, всегда единично

и цѣло. Съ поры, когда человѣкъ начинаетъ понимать самаго себя и до минуты, въ которую разстается съ здѣшнимъ міромъ, онъ въ сознаніи самаго себя всегда одинъ и тотъ же, нисколько не измѣняется.

3) Начало и продолженіе сознанія находится въ немъ самомъ. Отъ пробужденія до сна, нынѣ и завтра и такъ цѣлую жизнь человѣкъ самъ собою приходитъ къ сознанію самаго себя и часто не можетъ отклонить его, если бы даже захотѣлъ.

4) Законъ сознанія есть законъ противуположенія, безъ котораго оно не можетъ возникать и продолжаться. Посему, еслибы мы не могли противуполагать себя себѣ самимъ въ сознаніи, то распространяя познанія о внѣшнемъ мірѣ, незналибы ничего о внутреннемъ и наша душа дѣйствительно, какъ нѣкоторые думали, уподоблялась бы оку, которое внѣшніе предметы созерцаетъ, а само себя не можетъ видѣть.

§ 9. Безспорно, что сознаніе всегда одно и тоже; но поелику въ него входитъ безчисленное множество явленій, то по мѣрѣ и важности ихъ, оно можетъ развиваться отъ первой минуты появленія до конца жизни; не безъ основанія, значитъ, дѣлятъ его *на высшее и низшее.*

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ присмотрѣться не къ дѣтямъ только, но и къ большей части рода человѣческаго, чтобы видѣть, какъ различно и однакожъ какъ немного развито въ людяхъ сознаніе о самихъ себѣ. Не дѣтское ли это сознаніе—обращаться постоянно въ кругу видимыхъ предметовъ, увлекаться обычаями и модами свѣта часто пустыми до невѣроятія, находить удовольствіе тамъ, гдѣ существуетъ одинъ призракъ его, короче сказать, жить безъ сознанія въ себѣ высшихъ потребностей духа и необходимаго имъ удовлетворенія? *Высшее* сознаніе, которое можно назвать *самосвѣдѣніемъ*, есть не простое знаніе своего бытія и дѣйствованія въ мірѣ, но совершенное уразумѣніе своей зависимости и тѣсной связи съ Божествомъ, своего назначенія и образа дѣятельности намъ естественнаго. Это-то сознаніе Сократъ и почиталъ за одно съ добродѣтелію.

§ 10. Достовѣрность чего либо, основанная непосредственно на сознаніи, есть достовѣрность самая непреложная. Ибо она есть плодъ самаго внутреннѣйшаго убѣжденія, происходящаго изъ тожества нашего *я* съ тѣмъ, что оно непосредственно сознаетъ. Наше сознаніе никогда не вводитъ насъ въ обманъ и потому самому, что оно

есть самое последнее начало, на которомъ можетъ основаться достовѣрность нашихъ познанiй. Отвергнувъ сiе начало мы изгнали бы истину изъ послѣдняго ея убѣжища, подорвали бы самое главное и единственное ея основанiе. Это было бы безусловное торжество скептицизма, если бы можно было допустить, что мы сознаемъ что нибудь не такъ, какъ сознаемъ. Послѣ сего не осталось бы никакой причины вѣрить въ бытiе не только внѣшняго мiра но и самой души.

Что же значитъ, что люди часто съ полнымъ повидимому, сознанiемъ лгутъ и отъ-чего родились у насъ выраженiя: онъ имѣетъ хорошее, онъ имѣетъ дурное сознанiе?—Это значитъ то, что сознанiю приписываютъ не его дѣйствiя. Когда правду говорятъ, что человѣкъ извѣстный лжетъ съ совершеннымъ сознанiемъ, то значитъ онъ обольщается, онъ не довелъ предмета до своего сознанiя, не извѣдалъ истины, но по предубѣжденiю, возведенному, можетъ быть, на степень фанатизма, говоритъ и дѣлаетъ то, чего сознанiе его въ другомъ состоянiи души никакъ бы не позволило. Таковыми являлись лжепророки. Вообще, сознанiе само по себѣ не можетъ быть дурно; оно называется такимъ, когда причиняется ему насилiе. Доказательствомъ тому служатъ

люди безсовѣстные, которые не потому безсовѣстны, чтобы въ нихъ не было сознанія, но потому, что они прямо идутъ противъ своего сознанія.

§ 11. Дѣйствительно, сила сознанія о предметахъ и большій или меньшій объемъ сего сознанія зависятъ отъ настроенія прочихъ способностей души. Ибо

1) Въ сильныхъ порывахъ страстей, въ глубокомъ, какъ говорится, раздумьѣ, передъ припадкомъ обморока и т. п. мы сознаемъ почти только самихъ себя; все прочее смѣшивается и помрачается въ мысляхъ; самыя дѣйствія наши намъ не замѣтны бываютъ.

2) Высочайшій степень смущенія въ нашемъ сознаніи бываетъ тогда, когда мы предаемся крайней печали, или необычайной радости, меланхоліи или иступленію. Въ это время мы не сознаемъ почти и самихъ себя; наше сознаніе какъ бы колеблется въ какой то неопредѣленности между *я* и предметомъ ощущенія.

3) Продолжительная растроенность силъ душевныхъ сопровождается временною потерею сознанія.

4) И наоборотъ, во время правильнаго теченія мыслей и спокойнаго состоянія духа, съ

сознаніемъ о себѣ въ насъ соединяется много такого, что относится къ настоящей или прошедшей нашей жизни, къ началамъ, принятымъ нами за правило дѣйствованія, къ планамъ начертаннымъ нами, къ нашимъ заслугамъ и нашему состоянію въ обществѣ гражданскомъ. Здѣсь сознаніе ясное и полное; оно свободно, можетъ быть направлено къ изслѣдованію извѣстнаго предмета, и сіе-то намѣренное усиленіе его называется у насъ *вниманіемъ*.

§ 12. Сознаніе человѣческое ограничивается въ отношеніи къ міру видимому тѣмъ, что непосредственно подлежитъ чувствамъ; въ отношеніи къ своей организаціи чувствами вообще, и въ частности ощущеніями здоровья и боли, голода и жажды, теплоты и холода; наконецъ, въ отношеніи къ самой душѣ, перемѣнами происходящими въ ея силахъ и состояніяхъ. Что происходитъ внѣ сихъ границъ, то непосредственно подлежать ему не можетъ. Оно покидаетъ насъ, когда намъ хочется знать основу видимаго міра, связь души съ тѣломъ, происхожденіе понятій и темныхъ ощущеній или что нибудь о мірѣ духовъ безплотныхъ. Промыслъ конечно не безъ причины поставилъ наше сознаніе въ столь тѣсныхъ предѣлахъ; можетъ быть,

деи бы мы могли имъ жить въ мірѣ идеальномъ и духовномъ, то оно погрузилось бы тамъ въ постоянное созерцаніе сверхчувственныхъ предметовъ и наша дѣятельность духовная убила бы тѣло.

§ 13. За то сознаніе весьма важно въ психическихъ отправленіяхъ, ему подлежащихъ. Оно даетъ единство нашимъ мыслямъ, нашимъ желаніямъ и нашимъ чувствованіямъ; въ немъ разнообразныя и разнородныя явленія души, какъ нити, связываются и скрѣпляются однимъ узломъ. Предположите отсутствіе сознанія,—тогда вся дѣятельность души должна прійти въ разстройство. Мысли, если онѣ могутъ быть, потекутъ отдѣльно; желанія будутъ обращаться вкругъ своихъ предметовъ; воображеніе, память, чувства, все прійдетъ въ движеніе совершенно безпорядочное, несвязное, хаотическое. Такъ стали бы двигаться планеты, если бы солнце неудерживало ихъ въ своихъ орбитахъ. Такъ мятутся народы, когда ими не управляетъ единая мощная сила, когда они наказываются отъ Бога глумленіемъ.

§ 14. Не безъ основанія дѣлятъ сознаніе на *теоретическое* и *практическое*. Но мы привыкли первое просто называть сознаніемъ, а

послѣднее *совѣстію*. Сознаніе есть зерцало, доносчикъ и свидѣтель всѣхъ нашихъ дѣйствій,— а совѣсть ихъ судія. Обыкновенная награда ея- спокойствіе и услажденіе духа, а наказаніе—душевныя скорби. О достовѣрности законовъ, свидѣтельства и суда, происходящаго въ нашемъ сознаніи нѣтъ нужды говорить. Кто испыталъ это на себѣ, въ минуты спокойствія отъ страстей, которыя обыкновенно заглушаютъ голосъ совѣсти, тотъ знаетъ, какъ нелицепріятенъ и правосуденъ Судія, живущій въ насъ. Посему-то Сенека называетъ его Богомъ, обитающимъ въ душѣ человѣческой. Если это преувеличено, по крайней мѣрѣ то рѣшительно вѣрно, что совѣсть наша есть гласъ Божій, хотя часто вопіющій въ безплодной и дикой пустынѣ сердца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О существѣ души человѣческой.

§ 15. Говоря о существѣ души человѣческой, разсмотримъ: 1) основу ея бытія 2) разныя начала ея жизни 3) соотношеніе этихъ началъ между собою и 4) соприкосновеніе къ міру.

ГЛАВА I.

Объ основѣ Психическаго бытія.

§ 16. Основа души человѣческой не состоитъ ни въ мышленіи, какъ нѣкоторые полагали, ни въ ощущеніи, ни въ желаніи, въ какомъ бы смыслѣ ихъ не принимали и какую бы не усвояли имъ дѣйствительность. Ибо ни одно изъ сихъ явленій психической жизни не только не можетъ служить основою этой жизни, но даже само несвободно отъ полярной съ другими противуположности. Мышленіе наприм. убиваетъ ощущеніе, и обратно въ сильныхъ ощущеніяхъ и пожеланіяхъ или мало, или вовсе нѣтъ

мѣста размышленію. Съ другой стороны, когда я мыслю, то дѣйствительность мышленія утверждаю на дѣйствительности своего *я*, а не вывожу неоспоримости существованія своего изъ мышленія, которое составляетъ частную, и, если можно сказать, прерываемую принадлежность души человѣческой и существуетъ только подъ условіемъ ея *самостоятельной* жизни. Итакъ *я* предполагаетъ личную *самостоятельность*, а мышленіе, желаніе и чувствованіе *несущественность* души человѣческой. Сіи-то свойства и составляютъ основу ея бытія.

§ 17. Самостоятельность есть существованіе въ себѣ и по себѣ. Въ этомъ смыслѣ имѣютъ ее всѣ твари, потому что каждое созданіе Божіе, не отторгаясь отъ родовой жизни, имѣетъ и свою недѣлимую. Но душѣ человѣческой свойственна *самостоятельность личная*, по которой она нетолько не смѣшивается съ другими предметами и лицами, но еще имѣетъ сознаніе о своей особности, о своемъ природномъ благородствѣ, и никогда не теряетъ, подобно вещамъ или неразумнымъ животнымъ, своей индивидуальной жизни; ея самостоятельность есть свойство коренное, существенно, а неслучайно, только на нѣкоторое время ей принадлежащее,

хотя и не безусловное; ибо отъ себя и чрезъ себя существуетъ одинъ Творецъ вселенной.

§ 18. Допустить личную самостоятель-ность души человѣческой необходимо. Ибо, если отвергнуть ея самостоятельность, то пропадаетъ дѣйствительность ея существованія; а отказавъ въ личности, должно съ натуралистами признать ее временнымъ обнаруженіемъ всеобщей жизни, которое возвратится опять въ ея же сумму. На то и другое предположеніе согласиться невозможно. Самостоятельность есть принадлежность не только души, но и каждой вещи, безъ чего всякое недѣлимое превращалось бы въ нѣчто только мыслимое, мечту, грезу. Личность есть непосредственное себя-сознаніе души нашей не вещію, а существомъ, чувствующимъ свое превосходство надъ земными тварями,—сознаніе столь дѣйствительное, столь самостоятельное, что никакая противудѣйствующая метафизика ослабить его не можетъ. На семъ необходимомъ соединеніи самостоятельности съ личностію въ душѣ человѣческой утверждаются слѣдующія истины:

1) Личная самостоятельность, или самостоятельная личность полагаетъ безконечное разстояніе между человѣкомъ и животнымъ. Тутъ че-

ловѣкъ дѣлится съ самимъ собою, убѣждаясь съ одной стороны въ томъ, что онъ принадлежитъ къ числу земныхъ тварей, а съ другой стороны въ томъ, что въ душѣ его заключается сѣмя высшей, не земной жизни, въ которой впрочемъ самое земное его существованіе получаетъ высокое значеніе.

2) Какъ личность упрочиваетъ самостоятельность души человѣческой на вѣчность, въ противуположность самостоятельности вещей, такъ точно сознаніе неразрывно съ личностію души; ибо душа наша потому имѣетъ личность, что сознаетъ свое превосходство предъ другими земными созданіями; и наоборотъ она потому сознаетъ, что имѣетъ личность.

3) Отсюда ясно, что ученіе новѣйшихъ натуралистовъ, старающихся представить нашу душу развитіемъ всеобщей жизни природы и въ нее же опять обратить, прямо противорѣчитъ внутреннему убѣжденію нашему въ своей личности; мы никогда не теряемъ сознанія о самихъ себѣ, какъ о лицахъ, а не вещахъ.

§ 19. Будучи недѣлимою особою, душа человѣческая имѣетъ отношеніе и связь съ своимъ родомъ жизни, а не отдѣляется отъ него, какъ нѣчто совершенно чуждое. Эта

связь состоитъ въ правахъ и обязанностяхъ, общихъ всему роду человѣческому и простирающихся не только на практическую дѣятельность, но и на самыя мысли, желанія и чувствованія. Право есть доказательство того, что наша способность не поглощается общею жизнію; имѣть право, значитъ имѣть законную возможность требовать отъ другихъ извѣстнаго удовлетворенія. Обязанность наоборотъ даетъ намъ знать, что индивидуальное наше существованіе не отторгается отъ общей жизни разумныхъ тварей, и что они имѣютъ такъ же свои права въ отношеніи къ намъ, какъ мы въ отношеніи къ нимъ. Такимъ образомъ, во взаимномъ обмѣнѣ индивидуальныхъ лицъ правами и обязанностями заключается неразрывный союзъ человѣчества, связующій весь родъ нашъ въ одно цѣлое, въ которомъ не уничтожается и частная жизнь недѣлимыхъ.

§ 20. Невещественность души состоитъ въ совершенной ея простотѣ, свободной отъ всякаго сложенія частицъ, сколько бы онѣ тонки не были воображаемы. Правда, въ извѣстномъ отношеніи усвояютъ простоту и тѣламъ, но эта простота есть нечто иное, какъ отрицаніе дѣлимости или предѣлъ ея. Напротивъ

душа есть существо простое положительно, такъ что представляя ее должно удалять изъ мыслей всякую возможность матеріи, всякую фигуру и протяженіе, вообще все, что какимъ ни есть образомъ подлежитъ пространству; простота ея есть то же, что духовность (spivitualitas).

Принять это свойство въ душѣ необходимо потому, что дѣйствія ея не имѣютъ ничего общаго и сходнаго съ обнаруженіями матеріи. Мышленіе, желаніе и чувствованіе суть такія психическія отправленія, которымъ ничего подобнаго въ веществѣ нѣтъ и быть не можетъ. Конечно мы не можемъ ясно представить себѣ духа, но тѣмъ не менѣе начало невещественной дѣятельности должно быть въ насъ духовно, и, лучше никакъ не представлять его, чѣмъ представлять физическимъ. Всѣ покушенія матеріалистовъ отвергнуть невещественность души напрасны; ученіе ихъ не имѣетъ прочнаго основанія ни въ разумѣ, ни въ опытѣ. Важно впрочемъ то, что на этомъ свойствѣ души опирается ученіе о будущей нашей жизни, а посему не необходимо показать, какъ неосновательны мнѣнія о матеріальности души человѣческой.

§ 21. Душа, говорятъ матеріалисты, есть

разультатъ органическихъ отправлений, плодъ особеннаго сопряженія матеріальныхъ частей. Но а) неслыхано, чтобы гдѣ нибудь и какъ-нибудь соединеніе извѣстныхъ стихій производило нѣчто отличное совершенно не только отъ каждой изъ составныхъ частей, но и отъ цѣлаго состава. Смѣшайте кислоту со щелочью выйдетъ третіе тѣло, лишенное качествъ той и другой, однакожъ изъ соединенія ихъ состоящее; соедините часть крѣпкой водки съ поташемъ, вы получите селитру, новое тѣло, но составныя части его отнюдь не новыя. Какимъ же образомъ отъ особеннаго сочетанія вещества можетъ произойти и организованное тѣло и нѣчто отъ него различное, не имѣющее никакихъ его свойствъ—ни размѣра, ни вѣса, ни цвѣта, ни фигуры? б) Никакая матеріальная дѣятельность никогда не производила умственнаго явленія и не раждала вѣры въ ея бытіе: нельзя высказать сего безъ противорѣчія. Это очевиднѣйшая нелѣпость, чтобъ существо, несознающее въ себѣ никакой сложности, понимающее, сравнивающее и умозаключающее, находящееся въ тѣлѣ и въ тоже время обтекающее мыслію вселенную могло быть плодомъ матеріи.

2) Матеріалисты полагаютъ, что гдѣ нѣтъ

вещества, тамъ нѣтъ дѣйствительнаго бытія; и что духъ, не имѣющій никакихъ свойствъ физическихъ есть выдумка, мечта.» Напротивъ а) легче усумниться въ бытіи матеріи, чѣмъ въ бытіи духа, ибо о бытіи вещества мы знаемъ посредствомъ умственной своей дѣятельности, а въ существованіи души увѣрены по собственному непосредственному сознанію, съ которымъ неразрывно соединено знаніе, что мы мыслимъ. б) Скорѣе можно сказать, что въ веществѣ менѣе дѣйствительности, нежели отвергнуть дѣйствительность духа; потому что вещество можетъ то прибывать, то убывать, то соединяться, то разлагаться на части, но въ существѣ души ни когда этого быть не можетъ; ея невещественность освобождаетъ ее отъ всѣхъ измѣненій—мѣры вѣсу, состава, фигуры и симъ подобныхъ свойствъ, принадлежащихъ однимъ физическимъ предметамь.

3) Матеріалисты говорятъ, что душа вмѣстѣ съ тѣломъ подвержена болѣзнямъ, возрастанію и упадку силъ, даже можетъ быть раздѣлена на части, что доказываютъ ощущеніемъ въ разсѣченныхъ членахъ тѣла; слѣдовательно она не есть невещественна. Но доказывать матеріальность души вліяніемъ на нее тѣла, значить то же, что геній художника почитать одного свойства

съ орудіями, отъ которыхъ много зависитъ его искуство. Слѣды же жизни въ разсѣченныхъ членахъ тѣла суть явленіе, ничего болѣе не доказывающее, какъ продолжительность раздраженія нервовъ, которое вдругъ не можетъ быть прервано и происходитъ вслѣдствіе прежней дѣятельности души, управлявшей нервами.

ГЛАВА II.

О различіи началъ духовной жизни въ человѣкѣ.

§ 22. Въ душѣ человѣческой усматриваются два начала: земное и небесное, животное и разумное. Первое называется душою, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, а послѣднее духомъ.

§ 23. Душа есть жизненное начало, движущее поддерживающее и, въ случаѣ болѣзни, возстановляющее организмъ тѣлесный. По различію разкрытія, она называется или органическою жизнію, или душою *животною*, въ отличіе отъ духа человѣческаго, который въ словесномъ выраженіи часто не различаютъ отъ души; но въ сущности своей одинакова. Ибо жи-

вотное есть такой же организмъ, какъ и растеніе, только жизненная сила природы въ немъ развилась болѣе, нежели въ послѣднемъ. Существо просто органическое не имѣетъ самодвиженія и чувственности, но животное движетъ тѣломъ и чувствуетъ чрезъ посредство его органовъ. Почему чувственность, управляемая инстинктомъ и нѣкоторою смышленостію, составляетъ отличительный характеръ души животной, и жить душею, въ этомъ ея значеніи, есть то же, что жить одною чувственностью и для одной чувственности или плоти.

§ 24. Въ семъ отношеніи человѣкъ есть не болѣе, какъ совершеннѣйшее животное, соединяющее въ себѣ всѣ наклонности и побужденія одушевленныхъ существъ и превосходящее ихъ смышленостію и хитростію, когда предстоитъ нужда для удовлетворенія чувственнымъ пожеланіямъ. Опытная птица держитъ полетъ свой выше и далѣе ружейнаго выстрѣла; хитрая лисица, чтобъ обмануть охотника, ведетъ его въ противную сторону отъ своего постояннаго мѣстопребыванія,—орелъ преслѣдуетъ свою добычу съ удивительнымъ искусствомъ; о собакѣ разсказываютъ бездну примѣровъ вѣрности и смышлености, какъ и объ зодчествѣ

насѣкомымъ. Но человѣкъ есть малый міръ, въ которомъ и изобрѣтательность пчелы, и хитрость лисицы, и жестокость тигра, и всѣ качества животныхъ могутъ быть найдены въ совокупности. Отъ сего неудивительно, что онъ, по земному своему происхожденію, есть опаснѣйшее существо,—вооруженное къ защищенію себя и къ погибели другихъ душевными способностями, болѣе, чѣмъ всѣ животныя.

§ 25. Впрочемъ, въ Психической жизни нашей есть начало не земное, чисто-духовное, которое возвышаетъ насъ надъ животными, не животными склонностями и побужденіями, но высокими своими потребностями, уподобляющими Существу безконечно—совершеннѣйшему. Это начало мы называемъ обыкновенно духомъ, котораго отличительныя черты суть: 1) разумность и 2) свобода.

§ 26. Разумность духа человѣческаго есть такое свойство, по которому онъ, будучи побуждаемъ какимъ-то внутреннимъ, непреодолимымъ влеченіемъ, всегда, вездѣ и при всѣхъ перемѣнахъ стремится къ уразумѣнію бытнаго. Вслѣдствіе этого свойства его, мы называемся существами разумными, то есть способными познавать какъ самихъ себя, такъ и все насъ окружающее.

Небудь въ насъ разумности, тогда бы мы были чистыя животныя, смотрѣли бы на чудеса премудрости Божіей, такъ обильно и повсюду разсѣянныя одними глазами, безъ всякаго понятія. Правда, есть случаи, что разумность въ нѣкоторыхъ людяхъ не обнаруживается; но не можетъ быть, чтобы ея въ комъ-либо не было, или чтобъ она уничтожилась. Ибо примѣровъ уничтоженія мы не видимъ и въ мірѣ вещественномъ; тѣмъ болѣе ихъ быть не можетъ въ мірѣ духовномъ, гдѣ больше дѣйствительности [§ 21]. А что каждый съ жизнію получаетъ разумность, это такъ вѣрно, такъ неоспоримо, что начала ея можно замѣчать во всякомъ младенцѣ, хотя не въ одинаковомъ степени. Видимое же лишеніе ея не есть существенное и зависитъ или отъ неправильнаго употребленія способностей, или отъ разстройства въ организмѣ тѣлесномъ, которое легко сопровождается поврежденіемъ умственной дѣятельности. Впрочемъ и при самомъ лишеніи ума можно замѣчать въ человѣкѣ проблескъ разумности если не во всякое время, то покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыя минуты душевнаго облегченія и особенно въ послѣднія минуты жизни. Притомъ же, по свидѣтельству опытныхъ врачей, больной какъ бы ни былъ разстроенъ душевными

силами, религія никогда его не оставляетъ; она безотлучная его спутница, если неруководительница до самаго гроба. Короче сказать, нѣтъ и не бывало такихъ примѣровъ, чтобы человѣкъ могъ сдѣлаться въ собственномъ смыслѣ животнымъ, точно такъ, какъ ни одно безсловесное никогда не предвосхищало и не можетъ предвосхитить разумности у человѣка самаго неразумнаго.

Примѣчаніе. Трудно судить о душахъ животныхъ, однакожь можно утвердительно сказать, что въ нихъ есть одно только стремленіе къ мышленію, а самое мышленіе, какъ совокупленіе, отвлеченіе и обобщеніе представленій несовершается; они не имѣютъ разума, но одно только сходство съ нимъ (analogon rationis) или нѣкоторую природную смышленость къ предохраненію себя отъ вреда и къ поддержанію жизни. Несовершенство организаціи ихъ не есть важное возраженіе противъ этого; потому что устройство ея должно быть сообразно съ ихъ физіологическою жизнію. Несогласно съ здравымъ смысломъ думать, чтобы Творецъ посылалъ разумную душу въ тѣло какого-либо безсловеснаго, гдѣ нѣтъ возможности показать ей своихъ высшихъ способностей. Мнѣніе Окена, будто разумное начало

животныхъ нечто иное, какъ частица разумнаго начала въ человѣкѣ, подобно тому, какъ тѣло ихъ только часть совершеннѣйшаго т. е. человѣческаго организма, также весьма странно. Ибо съ развитіемъ какого-либо особаго органа въ животномъ надобно присвоить ему и особенный разумъ, какъ-то: печеночный, легочный, мозговой и такъ далѣе.

§ 27. Свобода духа человѣческаго состоитъ въ самоопредѣляемости его къ дѣйствованію; одушевленная идеею блага, она влечетъ человѣка къ одному благу, несмотря ни на какія препятствія. Это понятіе о свободѣ несогласно съ мыслями тѣхъ, которые полагаютъ ее въ произволѣ человѣка дѣлать добро и зло, однакожъ оно есть самое вѣрное. Ибо

1) Свобода, въ высшемъ ея развитіи, есть произвольная необходимость дѣлать одно доброе непомышляя ни о чемъ зломъ. Такова свобода Божественная. На низшемъ степени, она есть начало духовное, борющееся съ влеченіями страстей и побѣждающее ихъ. Такова должна быть свобода наша человѣческая въ настоящемъ состояніи. Когда же бываетъ съ нами наоборотъ, тогда свобода наша страждетъ; тогда мы становимся своевольными рабами грѣха, хотя не ли-

шаемся возможности быть опять свободными падами Божіими.

2) Если бы свобода наша не заключала въ себѣ характера необходимости, призывающей насъ къ одному святому, тогда бы она обратилась въ своеволіе и при томъ такъ, чтобы мы не могли чувствовать въ самихъ себѣ никакого наказанія за дурные поступки; потому что, они не были бы проступки, но дѣйствія, вытекающія изъ естественнаго свойства свободы—дѣлать, что намъ хочется.

3) Необходимость свободы совершенно противуположна необходимости физической. Первая происходитъ отъ разумнаго убѣжденія и состоитъ въ самопроизвольной рѣшимости—обречь себя на то, чтобы поступать *нравственно* такъ, а не иначе. Послѣдняя есть нечто иное, какъ принужденіе кого-либо къ тому, на что нѣтъ у него никакого желанія и согласія.

§ 28. Для тѣхъ, которымъ вовсе нехочется допустить свободы, надобно замѣтить:

1) Что понятіе о ней родилось не въ слѣдствіе какой-либо теоріи; напротивъ оно есть плодъ неудобоизъяснимой, но тѣмъ не менѣе сильной и повсемѣстной увѣренности въ самоназначеніи къ извѣстному дѣйствованію, встрѣ-

вающейся у самыхъ дикихъ людей, какъ это можно видѣть изъ ихъ образа сужденій о предметахъ, имѣющихъ вліяніе на личность.

2) Надобно помнить, что свобода въ существѣ души и свобода въ явленіяхъ психическихъ не одно и то-же; будучи неотъемлемою, всегдашнею принадлежностію духа, она можетъ не обнаруживаться во многихъ психическихъ дѣйствіяхъ и состояніяхъ, потому самому, что—свобода человѣческая—небезусловная. Такъ и бываетъ. Во снѣ и въ бреду она прекращается; въ размышленіи она ограничивается очевидностію сужденія; въ чувственноети—страстями; въ поступкахъ силами, окружающими ее и опредѣляющими кругъ ея дѣятельности. Но эта ограниченность свободы даетъ ли какое-либо право заключать, что въ насъ вовсе ея нѣтъ?

3) Равнымъ образомъ, воспитаніе и образованіе много имѣютъ вліянія на нашъ образъ дѣятельности, но даютъ еще мѣсто и свободѣ. Иначе нельзя понять, какимъ образомъ между людьми грубыми, не получившими никакого воспитанія и преданными разврату являются примѣры благородныхъ намѣреній и даже пожертвованій.

4) Человѣкъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ

обстоятельствами, побуждающими его къ тѣмъ или другимъ поступкамъ. Но сіи обстоятельства суть или плодъ прежней его свободной дѣятельности, или поводы только располагающіе его къ принятію извѣстныхъ намѣреній, при которыхъ рѣшимость свободы остается неприкосновенною.

5) Свобода человѣческая не противурѣчитъ ни предвѣдѣнію, ни предопредѣленію Божію. Ибо мы не потому такъ или иначе поступаемъ, что Богъ прежде зналъ наши намѣренія и по своему предусмотрѣнію отъ вѣчности опредѣлилъ намъ участь существованія,—напротивъ потому предусмотрѣлъ наши дѣйствія и предопредѣлилъ намъ ту или другую будущность, что Онъ прежде нашего рожденія видѣлъ, какъ мы станемъ вести себя въ жизни. Притомъ, знаемъ ли мы къ чему насъ Промыслъ предназначилъ? Знаетъ ли весь родъ человѣческій какую задачу онъ рѣшаетъ своимъ бытіемъ? Если же предопредѣленіе Божіе касательно насъ намѣ неизвѣстно, то мы не можемъ жить по немъ и слѣдоват. остается намъ жить по своей свободѣ.

6) Съ уничтоженіемъ свободы уничтожилось бы все благородное и возвышенное въ поступкахъ человѣческихъ. Человѣкъ не сталъ бы

знать никакого различія между добромъ и зломъ, между справедливостію и жестокостію; ему нельзя бы предписать, какъ животному, никакихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; на немъ не лежалъ бы никакой долгъ и отчетъ въ поступкахъ; его ничто не могло бы расположитъ къ предпріятіямъ смѣлымъ и отважнымъ, требующимъ самопожертвованія: одна дикая необузданность была-бы его руководительницею и наставницею.

7. Наконецъ самое ученіе, отвергающее свободу и извѣстное подъ именемъ фатализма, причиняетъ большой вредъ какъ недѣлимымъ, такъ и цѣлымъ народамъ. Ясное доказательство этому представляетъ Востокъ, гдѣ вѣра въ судьбу хотя не совсѣмъ еще подавила естественный смыслъ людей, но держитъ ихъ въ совершенной неподвижности умственнаго развитія и въ какой-то мертвенности общественной жизни. И можетъ-ли раскрыться дѣятельность тамъ, гдѣ господствуетъ рабская покорность мысли, что счастіе придетъ къ тому, само собою, кому оно предопредѣлено, и что никакія усилія человѣческія не въ силѣ извлечь изъ бѣдствій того, кому до-рожденія еще опредѣлилъ страдать Брама, или Ал-лахъ?

§ 29. Показавъ различіе между душою и духомъ человѣческимъ, нетрудно понять, почему заблуждаютъ тѣ мыслители, которые хотятъ изъяснить происхожденіе душъ человѣческихъ или отъ Бога чрезъ сотвореніе (hypothesis creationis), или отъ родителей посредствомъ сообщенія при рожденіи дѣтямъ ихъ (hypothesis traducianorum). Причина сего заблужденія заключается въ темномъ понятіи о разныхъ началахъ психической нашей жизни. Если душа и духъ по свойствамъ своимъ различны и даже нѣкоторымъ образомъ противуположны, то всего прямѣе и яснѣе допустить происхожденіе души, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ взятой, отъ родителей, а духа отъ Бога. Это мнѣніе, сверхъ того, что вытекаетъ само собою изъ нашихъ понятій о существѣ души человѣческой, имѣетъ и другія основанія.

1) Человѣкъ какъ существо земное и раждается земнымъ образомъ, получая отъ родителей не только живой организмъ, но почти всегда и природныя ихъ предрасположенія, склонности и недостатки. Инаго способа рожденія и представить невозможно. Ибо все, раждающееся для планетнаго существованія, является на свѣтъ съ душою или покрайней мѣрѣ

органическою жизнію, нося на себѣ болѣе или менѣе ясныя черты своего рода. Но въ духѣ человѣческомъ часто усматриваются дары очевидно свыше посылаемые, а не отъ родителей заимствованные и не пріобрѣтенные съ возрастомъ. Сіи таланты небесные, въ разныхъ степеняхъ получаемые людьми, не доказываютъ ли, что духъ нашъ непосредственно происходитъ отъ Бога?

2) Духъ никогда не творился и не раждался; это—дыханіе Божества ему одному отъ вѣчности принадлежащее и имъ однимъ человѣку сообщаемое при рожденіи. Всѣ мы обладаемъ симъ Божественнымъ даромъ, получая свыше, но передавать его другимъ не можемъ; потому что Божественное начало жизни Божественнымъ а не плотскимъ образомъ должно передаваться, какъ сообщается душа родителей ихъ дѣтямъ.

3) Ипотеза, старающаяся доказать происхожденіе души и духа отъ родителей, очень много усвояетъ человѣку и даръ небеснаго его происхожденія обращаетъ въ земный образъ рожденія. Предположеніе, что Богъ творитъ духъ и душу каждаго человѣка, напротивъ отнимаетъ у человѣка естественный способъ рожденія, который свойственъ ему на равнѣ съ про-

чими тварями нашей планеты. Но когда допускается, что духъ происходитъ отъ Бога, а душа отъ родителей, то не приписывается ни болѣе, ни менѣе роду человѣческому, и между тѣмъ рожденію дѣтей дается глубокое, таинственное значеніе.

4) Самое сильное возраженіе противъ нашего мнѣнія состоитъ въ томъ, что будто-бы оно поставляетъ Творца въ зависимости отъ человѣка. Но Творецъ всегда неизмѣнно вѣренъ самому себѣ; какъ отпечатлѣлъ онъ свой образъ въ душѣ перваго человѣка, такъ отпечатлѣваетъ и въ душѣ каждаго, не потому чтобы Онъ зависѣлъ отъ человѣка, но потому, что Онъ такъ однажды на всегда захотѣлъ, а Его воля есть вѣчный и неизмѣняемый законъ для него самаго. Притомъ, развѣ Богъ не наказываетъ родителей иногда безчадіемъ?

Примѣчаніе. Древняя и любимая ипотеза Платона о предсуществованіи душъ человѣческихъ есть нечто иное, какъ искаженное вѣками преданіе о блаженномъ состояніи человѣка въ раю и объ изгнаніи его по паденіи.

ГЛАВА III

О соотношеніи между душою и духомъ человѣческимъ.

§ 30. Не смотря на различное происхожденіе души и духа, они такъ тѣсно соединены въ особѣ человѣка, что составляютъ не два, но одно существо духовное. Единство сихъ двухъ началъ психической нашей жизни рѣшительно доказывается единствомъ и тожествомъ самосознанія. Правда, мы безпрестанно измѣняемся, различныя состоянія возрастовъ, перемѣны здоровья, пищи, климата и многія другія обстоятельства то приносятъ что нибудь въ насъ, то уносятъ у души нашей; но душа въ существѣ своемъ никогда не измѣняется, всегда одна и таже, по личному каждаго убѣжденію. Въ этомъ отношеніи тѣло наше можно уподобить стеклянной призмѣ, посредствомъ которой одинъ нераздѣльный лучь души преломляется и обнаруживается во множествѣ явленій. Какъ отъ чистоты и прозрачности призмы хотя зависитъ игра цвѣтовъ, тѣмъ не менѣе однакожь лучь свѣта остается лучемъ: такъ отъ органическихъ отправленій разнообразятся относительныя каче-

ства душй, но, несмотря на то, она въ существенныхъ своихъ свойствахъ всегда одна и неизмѣнна. Можетъ человѣкъ быть умнѣе, или глупѣе, добрѣе или злѣе; можетъ нынѣ чувствовать то, а завтра другое; но его *я*, которое находится въ основѣ всѣхъ мыслей, желаній и чувствованій, никогда не двоится, никогда ни приращается ни убываетъ,—словомъ сказать, всегда одно и тоже. Противорѣчить сему столько же не возможно, какъ отвергать свое собственное бытіе; ибо сознаніе каждаго съ тою же ясностію увѣряетъ, что *онъ* прежде существовалъ, съ какою во всякое настоящее время убѣждаетъ въ несомнѣнности *его* бытія.

§ 31. Тѣ, коимъ хочется допустить двоякую природу въ душѣ человѣческой или, лучше, раздѣлить самое существо души отъ существа духа, обыкновенно указываютъ на борьбу между ними, которой дѣйствительно никто отвергать не можетъ. Духъ и плоть заклятые враги между собою; ихъ брань производитъ столько постыдныхъ и достохвальныхъ явленій часто въ жизни одного лица, что въ немъ видишь совершенно двухъ противуположныхъ человѣковъ и незнаешь чему удивляться,—величію ли его духа, или слабостямъ жизни [Алькивіадъ, Людовикъ XIV].

Но этотъ антагонизмъ природы человѣческой ничего не доказываетъ, кромѣ неестественнаго, испорченнаго состоянія нашей души. Не двѣ но одна душа, и не въ существѣ своемъ, но только въ обнаруженіяхъ жизни не согласуется съ собою; потому что потеряла надъ силами своими полновластіе. Да и въ самомъ растройствѣ естества духовнаго еще не трудно замѣтить его единство, стоитъ только быть неблюдательнѣе. Когда человѣкъ возвышается духомъ къ небу, то возвышается всею природою; а когда преклоняется долу, то преклоняется опять всемъ существомъ своимъ, чего никогда не могло быть, если бы духъ и душа существенно раздѣлялись между собою,

Примѣчаніе: Изъ древнихъ Философовъ замѣчательно Платоново изъясненіе антагонизма природы человѣческой, находящееся въ его *Федрѣ*. Составъ человѣческій, говоритъ онъ походитъ на колесницу, везомую конями, бразды которыхъ держитъ душа. Колесницу эту влекли два равносильныхъ коня въ разныя стороны; одинъ въ горняя, куда слѣдуетъ, а другой къ землѣ, куда не слѣдуетъ. Центръ, вкругъ котораго должна обращаться колесница, составляютъ: самосущая премудрость, правда и красота, на которыя душа

не можетъ съ услажденіемъ насмотрѣться. Пока душа ввѣрялась преимущественно первой высшей ея силѣ—уму, до тѣхъ поръ путь ея былъ правиленъ, созерцанія—свѣтлы, блаженство—полно. Но какъ скоро другая, пожелательная сила души взяла верхъ надъ первою, то колесница своротилась съ своего пути и душа, какъ неискусная возница, въ наказаніе за то, заключена въ тѣло, какъ въ темницу.

§ 32. Хотя душа человѣческая по существу своему есть духъ, отметающій всякое понятіе о матеріи, но духъ ограниченный и одной стороною, такъ сказать, приспособленный къ чувственной природѣ. Слѣдовательно она должна существовать въ пространствѣ и во времени, гдѣ нибудь и какъ нибудь, или, другими словами, имѣть организацію тѣлесную. Съ другой стороны, и органическое тѣло безъ души, безъ жизни есть химера,—выдумка. Значитъ, душа человѣческая и тѣло взаимно предполагаютъ и требуютъ другъ друга. Это—не теорія, но совершенный фактъ. Философы, искавшіе связи между душою и тѣломъ не иное что дѣлали, какъ разсѣкали на части живое, созданное Богомъ прекрасное твореніе и хотѣли, не имѣя творческой силы, возсоздать сіи части по прежнему

Богъ не создалъ ничего мертваго; природа кипитъ жизнію безконечно разнообразныхъ существъ одно изъ другаго возникающихъ и плодотворящихся; нѣтъ и не было ни одной минуты, чтобы раждательная сила не производила новыхъ существъ въ мірѣ Божіемъ, или чтобъ прерывала свою плодотворность; изъ самыхъ безжизненныхъ по видимому труповъ, возникаетъ свѣжая жизнь, хотя другаго рода. По сему же общему всей природѣ человѣческой закону неистощимой плодотворности и въ родѣ человѣческомъ никогда, вообще говоря, не прекращалась жизнь чувственно—духовная, но размножалась и по нынѣ размножается. Итакъ, вопросъ о связи души съ тѣломъ, надъ которымъ столь усильно и напрасно трудились многіе мыслители, лучше можетъ быть превращенъ въ слѣдующій: почему человѣкъ, созданный существомъ духовно-тѣлеснымъ не остается такимъ навсегда, но разлучается съ своимъ земнымъ жилищемъ?

§ 53. Этотъ вопросъ стоитъ вниманія и безъ особеннаго труда разрѣшается. Богъ, какъ Существо безконечно—премудрое и Всеблагое, что создалъ, то создалъ, безъ всякаго сомнѣнія для вѣчной жизни; онъ не творецъ смерти. Посему человѣкъ долженъ быть созданъ для безсмертія какъ ду-

ховнаго, такъ и тѣлеснаго. Но онъ умираетъ: откудажъ это зло? Какимъ образомъ одно нераздѣльное по природѣ существо раздѣляется на двое? Причины этому надобно искать въ самомъ человѣкѣ, а не въ Творцѣ вселенной, который неизмѣненъ. Человѣкъ растлилъ душу свою тѣломъ и грѣхомъ; отсюда естественное слѣдствіе —смерть. Но зло ли еще и смерть? Напротивъ крайнее зло было бы для насъ, если бы эти наши тѣла, подверженныя часто нестерпимымъ болѣзнямъ, осуждены были на безсмертіе. Еслижъ и зло то, что мы умираемъ, то зло временное. Человѣкъ всегда остается человѣкомъ, а не безплотнымъ духомъ; Творецъ никогда не можетъ измѣнить своихъ намѣреній или отступить отъ своихъ плановъ. Слѣдовательно, съ полною увѣренностію можно думать и надѣяться, что смерть есть только перемѣна грубаго и болѣзненнаго тѣла души человѣческой на тончайшее и безболѣзненное.

§ 34. Тѣснѣйшее соотношеніе между духомъ, душою и тѣломъ объясняетъ собою отношеніе между различными областями существованія психическаго. Духъ по природѣ своей долженъ бы обитать въ мірѣ безплотныхъ духовъ; душа которой существенное свойство есть

чувственная, плотская дѣятельность, должна бы обрѣтаться въ мірѣ тѣлесномъ. Но поелику тотъ и другая составляютъ одно существо, то изъ сочетанія ихъ происходитъ третья общая имъ область дѣятельности, называемая *отвлеченною* Въ этой сферѣ они совпадаютъ и взаимно сопроникаются, такъ, что какъ высшіе помыслы о мірѣ духовномъ, такъ и чувственныя созерцанія равно могутъ быть обращены въ отвлеченныя понятія, и, какъ первыя могутъ быть низведены въ міръ *чувственный,* такъ послѣдніе возведены въ міръ *горній.* Впрочемъ, отъ сего соприкосновенія теряется коренная первообразность и духа и души. Духъ, соединенный съ душою чувственною и сопроникнутый ею, не моможетъ быть чистымъ духомъ; его духовная область переходитъ и какъ-бы ниспадаетъ въ идеальную, гдѣ онъ лишается непосредственно общенія съ міромъ духовнымъ. Зато душа, чрезъ соприкосновеніе съ духомъ по естеству, далеко возвышается надъ чисто-животною; въ самыхъ грубыхъ ея пожеланіяхъ и склонностяхъ скрывается хотя искаженное стремленіе къ идеальному. Отсюда ясно заключается, что человѣкъ по своей природѣ ни ангелъ, ни животное; единая въ сущности своей душа человѣческая обитаетъ въ

трехъ областяхъ дѣятельности, кои суть: *чувственная, отвлеченная и идеальная.*

ГЛАВА IV.

Объ отношеніи души человѣческой къ міру.

§ 35. Поелику душа наша находится въ тѣснѣйшей связи съ организмомъ тѣлеснымъ, то должна по необходимости имѣть къ нему ближайшее отношеніе, а чрезъ него и къ міру видимому.

§ 36. Нельзя сказать, что душа находится исключительно въ мозгу или въ сердцѣ, или въ другомъ какомъ-либо органѣ, ибо все тѣло ея органъ; однакожь главныя и сознательныя отправленія психическія находятся въ ближайшемъ соотношеніи къ тремъ нервнымъ системамъ организма человѣческаго. Почему, несомнѣнно можно утверждать, что

а.) Умственныя отправленія имѣютъ свое мѣстопребываніе въ мозгу. Это доказывается 1) напряженіемъ во лбу, отягощеніемъ головы и нерѣдко сильною болью ея, когда долго размышляемъ; 2) большею или меньшею ограничен-

ностію ума при неправильномъ образованіи мозга и при различныхъ его болѣзняхъ; 3) наблюденіями врачей, по которымъ, люди, одаренные превосходными способностями ума имѣютъ больше мозгу въ сравненіи съ величиною нервовъ и становой жилы, нежели прочія животныя; 4) развитіемъ умственныхъ способностей съ младенчества, совершающимся всегда сообразно съ раскрытіемъ органовъ мозга.

б.) Чувственность всегда обнаруживается въ груди. Ибо 1) всѣ сильныя ощущенія сопровождаются потрясеніями въ грудныхъ внутренностяхъ. Въ радости и надеждѣ сердце бьется скоро, въ печали медленно, въ гнѣвѣ сильно, въ страхѣ неправильно; 2) сильная печаль и тоска, долго не оставлявшія человѣка, почти всегда имѣютъ слѣдствіемъ легочную чахотку или другія сердечныя болѣзни, и на оборотъ болѣзни сердца сопровождаются угрюмостію, тоскою, робостію, унылостію духа; 3) у людей, при жизни замѣченныхъ въ безчувственности, не рѣдко оказывались при вскрытіи физическіе недостатки въ сердцѣ; наконецъ 4) на общемъ языкѣ, самое слово: *сердце* употребляется въ смыслѣ способности чувствованія.

в.) Вожделенія души производятъ волненія

въ чревѣ. Такъ 1) голодъ, жажда и прихоти тѣлесныя всегда сопровождаются большимъ въ немъ ощущеніемъ, которое въ сильныхъ похотяхъ доходитъ до ярости; 2) продолжительныя вожделенія производятъ брюшныя болѣзни, каковы бездѣйственное равнодушіе, неистовство и проч. И наоборотъ, страждущіе недугами желудка весьма склонны къ похотѣніямъ, сильно желаютъ удовлетворенія имъ и скоро отвращаются; 3) у людей, надъ которыми имѣли сильную власть похотѣнія, не рѣдко находили по смерти значительные недостатки въ животѣ.

§ 37. Душа находится въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ тѣлу, не основанномъ ни на чемъ третьемъ; въ слѣдствіе чего она сознаетъ его своимъ, признаетъ свое единство съ нимъ и хотя находитъ природу его неодинаковою съ своею, впрочемъ, вмѣстѣ съ нимъ взятая, составляетъ не два, но одно существо.

2) По двойственности природы въ человѣкѣ, душа находится въ двоякомъ отношеніи къ своему организму—*дѣятельномъ и страдательномъ*. Какъ дѣятельное начало, она побуждается нѣкоторою внутреннею, непреодолимою силою— приводить въ движеніе нервную систему и чрезъ то обнаруживать себя въ различныхъ дѣйствіяхъ.

Предметы ея дѣятельности безконечны: она можетъ, если хочетъ, выступать изъ самой себя и сосредоточивать вниманіе свое на любой вещи; можетъ и, не выходя изъ самой себя, заниматься пріобрѣтенными понятіями, — строить, исправлять, разрушать и вновь созидать міръ вѣдѣнія. Тутъ она полновластна. Но душа бываетъ въ страдательномъ состояніи, когда дѣятельность ея возбуждается какою-либо посторонне силою чрезъ тѣло. Здѣсь, начало духовное непроизвольно принимаетъ впечатлѣнія, при возбужденіи органовъ тѣлесныхъ отвнѣ, или отъ самаго организма, и, только облекая ихъ своими формами обращаетъ въ собственность. Ясно, что, такъ называемая, страдательность души есть нечто иное, какъ отрицательный способъ ея развитія. Какъ въ растеніи находится нѣкоторая внутренняя сила, стремящаяся раскрыться во внѣ и не можетъ достигать этого разскрытія, если не будетъ внѣшнихъ возбужденій; такъ точно и вся жизнь души нашей состоитъ изъ безпрерывной смѣны внутреннихъ побужденій и внѣшнихъ возбужденій отъ тѣла и чрезъ тѣло.

3. Впрочемъ, правильное отношеніе души къ тѣлу не есть ни исключительно дѣятельное, ни исключительно страдательное. Безпрерывная

дѣятельность духа убиваетъ тѣло; безпрерывная страдательность его обращается во вредъ ему самому. Только умѣнье пользоваться той и другою поставляетъ въ правильное соотношеніе душу съ тѣломъ.

§ 38. На дѣятельномъ и страдательномъ отношеніи души къ тѣлу своему основывается отношеніе ея и къ цѣлому міру, именно:

а) душа чрезъ посредство тѣла вступаетъ въ ближайшую связь съ міромъ. Будучи вѣнцомъ земнаго творенія, она составляетъ его украшеніе и владычествуетъ надъ природою силою знанія,— изчисляя звѣзды, измѣряя бездны, повелѣвая громами, обуздывая неукротимыхъ животныхъ. И на оборотъ, природа, раба наша, есть вмѣстѣ и наставница и питательница; отъ ней мы получаемъ первые уроки; она служитъ для насъ источникомъ радостей и печалей, съ ней мы неразлучны отъ начала до конца жизни; ей неохотно мы отдаемъ прахъ свой и съ прискорбіемъ отходимъ на свою родную сторону—къ Отцу небесному.

б.) Это отношеніе наше къ міру есть необходимое,-ибо, обложенные плотію, мы не можемъ отказаться отъ всѣхъ связей съ міромъ;—но впрочемъ обусловливающееся формами пространства и времени.

в.) Наконецъ, это отношеніе не есть какое-либо мнимое; самое первое появленіе души въ свѣтъ сопровождается возбужденіемъ ея дѣятельности отвнѣ, которое повторяется въ продолженіе всей жизни; слѣдовательно душа наша имѣетъ дѣло съ внѣшнимъ міромъ дѣйствительно существующимъ, а не ею творимымъ.

§ 39. Всегдашнее обращеніе души съ міромъ и въ мірѣ физическомъ производитъ то, что сообщеніе ея съ міромъ духовнымъ, удаленнымъ отъ чувствъ тѣлесныхъ весьма затруднительно. Отягченные плотію наши мысли не могутъ съ быстротою и легкостію устремляться въ міръ горній. Мы не можемъ умомъ своимъ переступать за границы пространства и времени; мы не можемъ ничего представить себѣ безъ чувственныхъ образовъ; все что мы ни знаемъ, что ни понимаемъ и что ни воображаемъ—все носитъ на себѣ характеръ образности, формальности, чувственности. Еще чистые сердцемъ могутъ прозирать во область духовъ или, лучше сказать, духи сами имъ открываются; но люди обыкновенные, мудрецы не мудрые въ вѣрѣ вращаются и утопаютъ въ чувственномъ, какъ въ пучинѣ морской. Вся жизнь ихъ протекаетъ въ одѣлкахъ общежитія, они не хотятъ да и не-

могутъ понимать ничего, что выше ихъ чувствъ. Отсюда-то проистекаютъ такія философскія системы, которыя дышутъ невѣріемъ и матеріализмомъ.

§ 40. Но какъ бы кто ни разсуждалъ,— всегда есть возможность съ основательностію предполагать существованіе міра невидимаго, неподлежащаго чувствамъ плоти, или міра чистыхъ духовъ. Ибо

1. Цѣлая природа, сотворенная Богомъ, слишкомъ обширна для человѣка. И на землѣ участокъ, обитаемый разумными существами, едва ли можетъ превзойти пятую долю всего шара, тогда какъ остальныя части его наполнены всякаго рода тварями, которыя вкушаютъ сладость жизни въ полной независимости. Что же сказать о небѣ? Для чего существуютъ эти міріады свѣтилъ, плавающихъ въ пространствѣ несравненно обширнѣйшемъ, нежели какое занимаетъ наша планета? Ужели для того только, чтобы доставлять удовольствіе нашему зрѣнію, питать воображеніе и предостерегать путниковъ отъ совращенія со слѣдовъ человѣческихъ во время ночи? Нѣтъ; тамъ должны быть небожители, наши братія по естеству, принимающіе участіе въ нашей часто бѣдственной долѣ.

2) Міръ Божій составляетъ одно стройное цѣлое, котораго малымъ органомъ предназначено быть нашей землѣ. Если же и въ этомъ не большемъ органѣ обнаруживается разумно-свободная жизнь, то можно ли воображать отсутствіе ея во всѣхъ прочихъ частяхъ необъятнаго организма природы?

3) Кромѣ того, богатство и разнообразіе жизни неразумно-органической въ мірозданіи предполагаетъ такое же богатство и разнообразіе въ существахъ разумно-свободныхъ. Страшно подумать, что среди огромнѣйшихъ, невообразимыхъ массъ вещества въ малѣйшей части его обитаетъ одинъ родъ человѣческій. И ужели Творецъ, не ограничась сотвореніемъ одной земли, могъ ограничиться созданіемъ разумнаго существа только на нашей планетѣ? Это была бы несообразность между міромъ духовнымъ и физическимъ. Итакъ, отраднѣе для сердца и согласнѣе съ разумомъ предположить, что человѣкъ есть звѣно, связующее землю съ небомъ, и что имъ начинается рядъ существъ разумныхъ болѣе и болѣе приближающихся умственными и нравственными совершенствами къ своему Создателю,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О силахъ и состояніяхъ души человѣческой.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О силахъ душевныхъ.

§ 41. Подъ силами или способностями души человѣческой разумѣются не самостоятельные какіе-либо дѣятели, зависящіе отъ одного главнаго и подчиненные ему для порядка въ общей дѣятельности, но просто различныя обнаруженія одной и той же души, или даже самыя возможности (potentiae) психическихъ дѣйствованій и явленій. Допустить эти силы въ душѣ нашей необходимо. Ибо въ духовной дѣятельности своей мы замѣчаемъ различныя и часто одно другому противуположныя явленія, которыхъ не можемъ и не должны сливать между собою; а, какъ всякое изъ нихъ должно имѣть свою причину, то мы и поставляемъ оною силы или способности души. Безъ сего различенія психическихъ обнаруженій мы потерялись бы въ нихъ и не могли бы ничего сказать о душѣ съ достовѣрностію.

§ 42 Впрочемъ, при дѣленіи силъ душевныхъ, надобно поступать съ большою осторожностію; надобно, чтобы ихъ допущено было ни больше, ни меньше. Излишняя дробность, кромѣ того, что напрасна, производитъ запутанность и можетъ служить началомъ важныхъ заблужденій въ изъясненіи дѣятельности душевной. Напротивъ, когда число способностей уменьшается, тогда многія явленія по необходимости должны остаться не объясненными, или изъяснятся съ принужденіемъ и натяжкою, не изъ тѣхъ причинъ, изъ которыхъ они вытекаютъ. Таково напримѣръ, дѣленіе древнихъ души на двѣ главныя способности: познавательную (intellectum) и желательную (voluntatem). Имъ исключаются всѣ явленія, происходящія въ сердцѣ, какъ способности чувствованій, и, если изъясняются, то перехищренно.

§ 43. Мы избѣжимъ обѣихъ сихъ крайностей, если станемъ разсматривать душу въ трехъ отношеніяхъ: 1) какъ способность *разумѣнія*, 2) какъ способность *желательную* и 3) какъ способность *сердечнаго ощущенія*. Это дѣленіе силъ обнимаетъ всю душу и имѣетъ отношеніе къ тремъ главнымъ системамъ человѣческаго организма, какъ бы особенно предназ-

наченнымъ для тройственнаго обнаруженія души. [§ 56] Сверхъ того надобно замѣтить, что каждая изъ сихъ трехъ главныхъ способностей имѣетъ свое мѣсто во всѣхъ трехъ областяхъ психическаго существованія подъ своими наименованіями.

Для яснаго понятія предлагается здѣсь таблица, изъ которой можно видѣть, что душа

Способности душевныя.	Область чувственная души.	Область отвлеченная.	Область идеальная.
Способности познавательныя	Чувственное воспріятіе.	Разсудокъ.	Разумъ.
Способность желательная.	Инстинктъ.	Произволъ.	Свободная воля.
Сердце.	Предчувствія	Сердечные порывы.	Воодушевленіе.

наша, единая въ существѣ своемъ, трижды тройственна въ своихъ способностяхъ.

ГЛАВА I.

О способностяхъ познавательныхъ.

§ 44. Познавательная способность души человѣческой [§ 26] обнаруживается въ трехъ главныхъ видахъ: 1) въ способности *чувственнаго воспріятія* (facultas percipiendi) 2) въ разсудкѣ (intellectus) и 3) разумѣ (ratio). Очевидно, что всѣ сіи виды способности разумѣнія сходствуютъ между собою, имѣя одну цѣль—познаніе истины; но отличаются различными сферами дѣятельности, орудіями и пріемами познаванія предметовъ.

§ 45. Способность чувственнаго воспріятія состоитъ въ пріемлемости впечатлѣній, получаемыхъ отъ внѣшняго міра посредствомъ чувствъ. Недолжно смѣшивать чувствъ съ ихъ органами; первыя принадлежатъ душѣ, послѣднія тѣлу. Ибо не глазъ собственно видитъ, не ухо слышитъ, не ноздри обоняютъ, не руки осязаютъ, не языкъ ощущаетъ вкусъ—все это относится къ одной и той же душѣ, различно впрочемъ ограничивающейся въ воспріятіяхъ внѣшнихъ впечатлѣній различными частями тѣла. Но на простомъ языкѣ, подъ чувствами

разумѣются обыкновенно и самыя воспріятія души, и тѣ органы посредствомъ коихъ воспринимаются сіи различныя впечатлѣнія предметовъ. Такимъ образомъ, оныхъ чувствъ считается пять: 1 вкусъ, 2 обоняніе, 3 осязаніе, 4 слухъ и 5 зрѣніе.

§ 46. Вкусъ происходитъ посредствомъ химическаго разложенія вкушаемыхъ веществъ въ слюнѣ. Это раствореніе, производя раздражительность въ нервныхъ сосочкахъ, находящихся во множествѣ на языкѣ и полости рта, составляетъ то самое, что мы называемъ вкусомъ. Имъ мы узнаемъ, что кисло, солено, сладко горько, остро и т. д. Ибо, нельзя выразить всѣхъ, такъ сказать, постепенностей вкуса утонченнаго, за недостаткомъ словъ въ языкѣ. Но бываетъ, что мы или вовсе теряемъ вкусъ или имѣемъ, только ложный. Это тогда, когда языкъ находится въ болѣзненномъ состояніи, или нервы вкуса болѣзненно раздражены. Во всякомъ случаѣ, положеніе сего органа при началѣ пищепріемнаго канала показываетъ, что вкусъ намъ данъ для испытанія вреда, или пользы пищи. Общее правило здѣсь, которому слѣдуютъ животныя и люди необразованные, состоитъ въ томъ, что полезна всякая пища, которая имѣетъ

пріятный, или покрайней мѣрѣ, не чрезъ мѣру непріятный вкусъ. Но человѣкъ образованный и достаточный находитъ въ этомъ чувствѣ богатый источникъ утонченныхъ наслажденій, и нерѣдко, вмѣсто сохраненія тѣлеснаго здоровья, оно дѣлается орудіемъ его разрушенія. Неизлишне замѣтить, что Промыслъ въ самомъ наслажденіи вкуса далъ урокъ умѣренности человѣку: продолжительная пріятность его переходитъ въ непріятность.

§ 47. Обоняніе происходитъ отъ раздраженія обонятельнаго нерва, простирающагося по внутренней сторонѣ слизистой перепонки, покрывающей пустоты поздрей. Способъ раздраженія сего впрочемъ не химическій, какъ во вкусѣ, но динамическій. Извѣстно, что пахнутъ только тѣла горючія, электрическія; посему обоняніе есть нечто иное, какъ электрическое, при посредствѣ воздуха совершающееся взаимное дѣйствіе между пахучимъ тѣломъ и органомъ обонянія. Это дѣйствіе возможно только до тѣхъ поръ, пока носъ и имъ вбираемый воздухъ находятся въ противуположныхъ состояніяхъ. Въ противномъ случаѣ запахъ пропадаетъ,-и-вотъ причина, почему люди живущіе въ удушливомъ воздухѣ не чувствуютъ его заразительности.

Запахи бывають весьма разнообразны: роза, жасминъ, бергамотъ, гвоздика, лилія, резеда, померанецъ,—все имѣетъ свой запахъ, но изъ смѣшенія всѣхъ благовоній, по наблюденіямъ знатоковъ, выходитъ всегда запахъ амбры, которая, будучи соединена съ разными непахучими тѣлами, производитъ множество чудныхъ запаховъ.

Соединеніе носовой полости съ полостью рта посредствомъ каналовъ, снабженныхъ нервомъ, показываетъ, что чувство обонянія отчасти имѣетъ одно назначеніе со вкусомъ. Но преимущественно оно необходимо къ сохраненію нашей жизни тѣмъ, что даетъ намъ знать качество воздуха, которымъ мы дышемъ и предостерегаетъ насъ отъ веществъ вредныхъ, въ немъ находящихся. Впрочемъ, и это чувство суетность человѣческая обратила въ источникъ наслажденій, отъ которыхъ оно повреждается.

§ 48. Осязаніе состоитъ въ соприкосновеніи тѣлъ съ нервами, распростаняющимися по всему тѣлу и закрытыми съ верху кожицею. Сіи нервы въ раздраженіи различно придавляются, поднимаются и потрясаются. Они особливо раздражительны въ концахъ пальцевъ

Осязаніе хотя есть грубѣйшее изъ чувствъ, но важно въ отношеніи къ прочимъ а) тѣмъ, что

оно одно рѣшительно удостовѣряетъ насъ въ бытіи внѣшнихъ предметовъ, показывая ровность, гладкость или шероховатость, мягкость или жестокость, густоту или жидкость тѣлъ. Всѣ чувства какъ бы суть виды осязанія, глазами ли, слухомъ ли, носомъ ли, или языкомъ и руками мы ощущаемъ предметъ; во всякомъ случаѣ, безъ осязанія въ обширномъ смыслѣ взятаго, воспріятіе чувственное не возможно. Посему и нельзя представить бѣдственнѣе того человѣка, который бы вовсе лишился осязанія.

Это чувство хотя не даетъ намъ знать, подобно вкусу и обонянію, что полезно и вредно для нашей организаціи, однакоже производитъ въ ней часто важныя перемѣны. Причина сего заключается въ раздражительности нервовъ, которая бываетъ весьма разнообразна и притомъ или слишкомъ сильна, или очень слаба. На высшей степени ея одно легкое прикосновеніе къ предмету можетъ произвести сильныя потрясенія въ организмѣ. Венцель разсказываетъ, что другъ его, докторъ Хловки, при всемъ насилованіи себя, не могъ дотрагиваться до бархату, не падая въ нѣкоторый родъ обморока. На низшемъ же степени и при совершенной раздражимости нервовъ, бываетъ наоборотъ. По сему-то,

что бы привесть въ чувство омертвѣвшихъ напримѣръ утопленниковъ, обыкновенно трутъ ихъ сукномъ или фланелью.

§ 49. Чувство слуха имѣетъ внѣшнею своею причиною сотрясенія воздуха, которыя происходятъ отъ дрожанія тѣлъ твердыхъ, упругихъ. Эти сотрясенія, достигая до уха ударяютъ въ барабанную перепонку, отъ которой, идя по ряду слуховыхъ косточекъ, входятъ въ такъ называемый лабиринтъ и здѣсь приводятъ въ движеніе водяную жидкость, находящуюся въ соприкосновеніи съ головнымъ мозгомъ, которая такимъ образомъ доставляетъ намъ ощущеніе *слуха*. Можетъ быть, близкое положеніе сего органа къ мозгу служитъ причиною того, что тоны имѣютъ большое вліяніе на внутреннее чувство: это показываютъ съ одной стороны непріятныя впечатлѣнія, которыя невольно испытываютъ люди съ раздражительными нервами, напр. при скрипѣ грифеля или пробки, когда ее рѣжутъ, при царапаніи стекла или бересты; съ другой стороны то глубокое впечатлѣніе, которое производитъ въ человѣкѣ рѣчь, пѣніе и вообще музыка. Природа не много говоритъ слуху, за то Орфеи своею игрою сдвигаютъ съ мѣстъ лѣса и горы, пробуждаютъ камни. Нѣтъ

человѣка, который бы не услаждался музыкою, не чувствовалъ ея вліянія, не покорялся ея внушеніямъ. На самыхъ дикихъ племенахъ замѣчаютъ, что они не могутъ удерживаться, при звукахъ музыкальныхъ, отъ движеній тѣлесныхъ. Такимъ образомъ слухъ въ соединеніи съ языкомъ составляетъ средство духовнаго сообщенія между людьми, ему опредѣлено вводить человѣка въ сокровенныя нѣдра жизни психической, воспринимать мысли ума, чувствованія сердца и услаждать горести наши. И надобно сказать, что ничто не способно такъ къ сей высокой цѣли, какъ тоны звука. Происходя изъ внутренности тѣла, какъ бы изъ самой души, они сами кажутся чѣмъ-то духовнымъ, парятъ въ высь, быстро пробѣгаютъ пространство, такъ что строго говоря, не принадлежатъ опредѣленному мѣсту, но въ безпрерывномъ движеніи, подобно явленіямъ міра духовнаго, подчиняются болѣе времени.

§ 50. Звукъ столько же разнообразенъ, какъ вкусъ и запахъ, роды его выражаются различными наименованіями, какъ то: свистъ, бряцаніе, шумъ, вой, стукъ, трескъ, шелестъ, хрустѣнье, скрипъ, громъ и проч. Столько же многоразличенъ звукъ различныхъ инструментовъ,

напр. флейты, скрипки, рога,—форте-піано. Самая напряженность звука дастъ намъ понятіе о различіяхъ тона громкаго и тихаго. Тонъ бываетъ тѣмъ выше, чѣмъ больше происходитъ дрожанія въ данное время, и тѣмъ ниже, чѣмъ медленнѣе сіи дрожанія слѣдуютъ одно за другимъ. Двойное число дрожаній въ данное время называется *октавою* въ отношеніи къ другому недвойному; совмѣстность тоновъ по времени—*аккордомъ*, послѣдованіе оныхъ одинъ за другимъ—*мелодіею*, а способность живо сознавать пріятности консонансовъ и непріятности диссонансовъ—*музыкальнымъ слухомъ*. Что касается до тихости и пронзительности тоновъ, то они зависятъ отъ природы тѣла, происходящаго въ воздухѣ сотрясенія.

§ 51. Орудіе зрѣнія есть глазъ, органъ души премудро устроенный.—Кромѣ собственно зрительнаго нерва, выходящаго изъ мозгу въ видѣ пучка жилокъ или волоконъ и распространяющагося въ глубинѣ глаза на подобіе сѣточки онъ снабженъ еще такимъ количествомъ нервовъ, какого не имѣетъ ни одинъ органъ человѣческаго тѣла, по отношенію къ величинѣ своей. Этому органу принадлежитъ способность принимать свѣтъ,—жидкость лучистую, одаренную чрезвы-

чайною разширительностію, которая, выходя изъ самосвѣтящихся тѣлъ и распространяясь прямолинейно по всѣмъ направленіямъ въ воздухѣ, болѣе или менѣе проникаетъ тѣла прозрачныя, а отъ непрозрачныхъ частію отражается, частію ими поглощается. Такимъ образомъ, когда лучи свѣта въ движеніи своемъ касаются глаза, то раздражаютъ зрительный его нервъ, чрезъ что мы получаемъ ощущеніе цвѣтовъ, притомъ познаемъ ихъ, какъ нѣчто внѣ насъ существующее и признаемъ какъ свойства вещей.

§ 52. Нѣтъ ни одного чувства благороднѣе зрѣнія, ибо ему мы одолжены не только большею частію познанія вещей земныхъ, но и непосредственнымъ разумѣніемъ тѣлъ небесныхъ —этихъ безчисленныхъ міровъ, о бытіи которыхъ прочія чувства не даютъ намъ никакого намека. Но съ другой стороны, едвали гдѣ встрѣчается болѣе трудностей, какъ при основательномъ изслѣдованіи сего чувства. Во 1-хъ, почему мы видимъ неизвращенными предметы, когда какъ образъ ихъ на сѣтчаткѣ извращенъ? во 2-хъ отъ чего глаза наши видятъ предметы неудвоенными? въ 3-хъ непредубѣжденіе ли, что мы непосредственно видимъ величину, образъ и отдаленіе предмета? въ 4-хъ зависитъ ли отъ глаза

цвѣтность предметовъ? Всѣ эти вопросы сами собою раждаются въ умѣ и требуютъ разрѣшенія.

1) Зрѣніе совершается по законамъ оптики, показывающей причины, въ слѣдствіе которыхъ свѣточный образъ внѣшнихъ предметовъ дѣйствительно долженъ быть извращённымъ. Но видѣть предметы извращёнными мы стали бы только тогда, когда бы не имѣли непосредственно сѣтчатки, а въ области [illegible] отпечатлѣвающійся на сѣтчаткѣ глаза, чего однако никогда не замѣчали надъ собою [illegible] доказать не можетъ. Конечно этотъ образъ существенно важенъ, но только потому, что въ зрительномъ нервѣ и мозгу должны произвесть нужныя жизненныя напряженія, безъ которыхъ не можетъ быть ощущенія, а не потому, что бы онъ составлялъ предметъ душевнаго созерцанія. Если же (въ часъ этихъ [illegible]) мы видимъ предметы внѣ насъ находящіеся безъ всякаго посредства и не въ своемъ глазу, то видимъ ихъ такъ, какъ они существуютъ, а не какъ извращаются по законамъ оптическимъ въ свѣточномъ образѣ.

2. Труднѣе рѣшить, почему мы двумя глазами видимъ предметъ не двойнымъ. На этотъ вопросъ основательнаго можно сказать почти

только то, что когда здоровые и правильно устроенные глаза наводятъ оси своя на одну и туже тотку пространства, занимаемаго предметами, и когда образы сихъ предметовъ вмѣстѣ падаютъ на точки сѣточекъ совершенно сходственныхъ, тогда зрѣніе наше не двоится, не смотря на то, что взоръ можетъ обнимать много предметовъ. Этого мало; два премета могутъ казаться намъ однимъ. Такъ, если смотрѣть въ двустекольную трубку, положа точно въ направленіи глазныхъ осей по маленькой вещи напр. по монетѣ, то обѣ онѣ представятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ бы одна надъ другою и ихъ цвѣтъ будетъ сливаться въ одинъ общій, такъ что, когда цвѣтъ одной будетъ желтый, а другой голубой, то виденъ будетъ одинъ только зеленый. Напротивъ, если будутъ находиться предметы или гораздо далѣе или гораздо ближе разсматриваемой точки, то они раздвоятся въ глазахъ. Ибо въ обоихъ сихъ случаяхъ, по законамъ Оптики, изображенія предметовъ падаютъ на несходственныя точки сѣточки т. е. на такія, которыя не одинаково расположены въ отношеніи къ средоточію своему. Значитъ, вообще можно сказать, что въ здоровыхъ глазахъ не только средоточія сѣточекъ, но и всѣ точки

сходственныя или подобно расположенныя имѣютъ нѣкоторую симпатію, состоящую въ томъ, что образы на нихъ надающіе даютъ одинъ образъ даже и тогда, когда они происходятъ отъ двухъ предметовъ; а въ противномъ случаѣ и одинъ предметъ двоится въ глазахъ. Эта симпатія неоспорима; но въ изъясненіе ея можно привесть одно лишь сравненіе вѣтвей зрительнаго нерва съ струнами, которыя будучи приведены въ созвучіе издаютъ одинъ звукъ. Анатомія еще не разлила своего свѣта на это явленіе.

Примѣчаніе Нѣкоторые физики (см. физ. Ленца) думаютъ, что мы видимъ предметы неудвоенными по привычкѣ, но это мнѣніе опровергается слѣпорожденными, кои съ первой минуты прозрѣнія видятъ предметы не вдвойнѣ. Фризъ приписываетъ не удвоенное зрѣніе творческому воображенію независимо отъ всѣхъ физіологическихъ объясненій, но ничего тѣмъ не объясняетъ дѣла. Ньютонъ остроумно замѣтилъ что при соединеніи обоихъ нервовъ въ мозгу нервныя волокна, идущія отъ соотвѣтственныхъ мѣстъ сѣточныхъ перепонокъ, соединяются въ одну нить и симъ производятъ симпатію. Но у многихъ лицъ не замѣчено тѣснаго соединенія

обоихъ зрительныхъ нервовъ, а у нѣкоторыхъ они даже совершенно раздѣлены.

3) Что касается до непосредственнаго познанія чрезъ зрѣніе величины, фигуры и отдаленія предметовъ, то допускать сего нѣтъ ни какихъ основательныхъ причинъ. Съ самаго дѣтства мы привыкли соединять представленія, полученныя зрѣніемъ, съ представленіями, доставляемыми намъ осязаніемъ и сопровождающимися движеніемъ, которое опредѣляетъ и измѣряетъ предметы; но, несмотря на этотъ навыкъ, легко замѣтить, что мы приписываемъ просто глазу такія познанія, которыя суть плодъ многихъ отправленій нашего духа. Одно то, что слѣпорожденные, получивъ прозрѣніе, непосредственно получаютъ понятіе только о цвѣтахъ, а познаніе фигуры, величины и отдаленія должны пріобрѣтать упражненіемъ, доказываетъ истину нашей мысли, которая становится еще достовѣрнѣе, если прибавимъ, что понятія о протяженіи и пространствѣ имѣютъ свое основаніе не въ чувствѣ.

4) Наконецъ еще одно недоумѣніе, которое касается не только зрѣнія, но и всѣхъ чувствъ: вкусъ, запахъ, цвѣтъ и проч. суть-ли что-нибудь само по себѣ въ вещахъ существующее, или

только видоизмѣненія насъ самихъ, такъ существующія до тѣхъ поръ, пока мы ихъ ощущаемъ? Судя по простому смыслу человѣческому, кажется, что напримѣръ роза и тогда красна, когда никто ее не видитъ и что, если ударить въ колоколъ, то онъ и тогда будетъ звучать, когда никто его не слышитъ. Но думать такъ было бы не совсѣмъ основательно, равно, какъ неблагоразумно было бы переносить въ себя самихъ красное и голубое, горькое и сладкое, уничтожая совершенно ихъ предметную дѣйствительность. Та неизвѣстная причина, почему намъ вещь представляется красною, а не голубою или желтою, безъ сомнѣнія, въ ней остается одинаковою, смотримъ ли мы на нее, или нѣтъ, но что бы лучи свѣта сдѣлались цвѣтомъ, необходимъ глазъ; что бы потрясенія эластическихъ тѣлъ обратились въ звукъ, нужно ухо. То же самое должно сказать и о прочихъ чувствахъ. Такимъ образомъ, запахъ, вкусъ, звукъ и цвѣтъ суть совокупныя произведенія неизвѣстныхъ намъ причинъ, находящихся въ вещахъ настроенія или расположенія нашихъ чувственныхъ органовъ.

Примѣчаніе. Кромѣ показанныхъ пяти чувствъ Скалигеръ признавалъ особеннымъ чув-

ство, происходящее отъ щекотанія подъ мышками; Шубертъ—чутье, Ванин—чувство половое, а новѣйшая натуральная философія—чувство теплоты и холода. Но эти чувства суть нечто иное, какъ видоизмѣненія одного общаго чувства, именно чувства тѣла, и если-бъ искать, то нетрудно бы найти ихъ и болѣе. Сюда напр. можно бы отнесть чувства жажды и холода, ушиба и озноба, бодрости и вялости и т. д.

§ 53. Дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, имѣющихъ столь много разнообразія, соединяется въ одномъ, такъ называемомъ, общемъ чувствѣ, которое извѣщаетъ каждаго человѣка о состояніи и перемѣнахъ его организма. Оно даетъ намъ вѣдать, что тѣло наше есть составная и нашему лицу принадлежащая часть, половина насъ самихъ, и что всѣ состоянія и отправленія органическія суть наши собственныя. Имъ мы чувствуемъ, что тѣло наше существуетъ, хотя-бы не видѣли и не осязали его, ощущаемъ даже самый составъ внутреннихъ частей тѣлесныхъ, кои неприступны ни для какого другаго чувства. Этому-то общему чувству мы усвояемъ ощущеніе теплоты и холода, жажды и голода, насыщенія и освѣженія, пріятнаго и непріятнаго щекотанія, озноба, боли, крѣпости и ослаб-

ленія мускуловъ, бодрости и вялости. Органы его суть нервы, распространенные по всему нашему тѣлу и находящіеся въ тѣснѣйшей связи съ органами внѣшнихъ чувствъ.

Отличительный характеръ общаго чувства составляетъ темнота, по причинѣ которой представленія, доставляемыя имъ, бываютъ большею частію весьма неопредѣленны, хотя ощущенія тѣмъ не менѣе, если не болѣе, сильны. Совокупность всѣхъ сихъ ощущеній опредѣляетъ въ каждую минуту наше благосостояніе и имѣетъ большое вліяніе на расположеніе нашего духа. Неудивительно, что веселость сама себя поддерживаетъ и питаетъ: она много способствуетъ оживленію духовной дѣятельности, а чувство этого оживленія сопровождается возвышеніемъ чувства жизненнаго.—По той же самой причинѣ печаль и уныніе мало по малу ослабляютъ и наконецъ вовсе убиваютъ человѣка, если онъ не имѣетъ твердой воли, могущей управлять ощущеніями сего рода и отклонять отъ нихъ вниманіе.

§ 54. Всѣ внѣшнія чувства имѣютъ между собою сходство въ томъ, что

1.) Они суть видоизмѣненія (modificationes) одной и той же дѣятельности душевной,

названной нами способностію чувственнаго воспріятія.

2.) Они подлежатъ однимъ общимъ законамъ т. е. для ощущенія [illegible] впечатлѣній необходимо, что-бы нервы были раздражены, происшедшія отъ сего въ нихъ напряженія коснулись мозга и образовавшееся такимъ образомъ представленіе принято было въ сознаніе.

3.) По самой связи нервовъ, они дѣйствуютъ болѣе или менѣе дружно. Обоняніе помогаетъ вкусу, слухъ зрѣнію, осязаніе всѣмъ имъ служитъ основаніемъ и опорою.

4.) Отсюда потеря одного органа часто сопровождается ослабленіемъ другаго ближайшаго къ нему, но не рѣдко болѣе или менѣе и вознаграждается тонкостію прочихъ менѣе связанныхъ чувствъ, какъ это бываетъ напр. съ глухонѣмыми и слѣпыми.

5.) Такимъ образомъ нетрудно понять и то, почему человѣкъ всѣми чувствами, въ совокупности взятыми, далеко возвышается надъ животными, а въ отдѣльности уступаетъ имъ и числомъ органовъ и остротою ощущеній. Онъ не имѣетъ орлинаго взора и обонянія собаки; у него нѣтъ, какъ у піявицы, 10-ти глазъ.

6.) Далѣе, всѣ чувства внѣшнія могутъ быть

усовершаемы упражненіемъ, но болѣе всего они зависятъ отъ устройства тѣлесной организаціи и естественной раздражительности нервовъ; такъ, нѣкоторые слѣпорожденные могутъ, при помощи одного осязанія, узнавать цвѣты, буквы и карты, изучать и различать такія вещи, какія наприм. находятся въ механизмѣ карманныхъ часовъ. У иныхъ обоняніе такъ нѣжно, что они ощущаютъ мясниковъ, егерей и смертоубійцъ по тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ послѣдніе сидѣли. Одинъ докторъ въ Галѣ, входя въ комнату больнаго, узнавалъ болѣзнь его по обонянію. Объ другомъ молодомъ человѣкѣ разсказываютъ, что однажды, прогуливаясь въ саду, онъ по испаренію, которое видѣлъ, узналъ и точно указалъ мѣсто, гдѣ было зарыто мертвое тѣло.

7.) Наконецъ, въ человѣкѣ, не какъ въ животномъ, всѣ чувства внѣшнія имѣютъ ближайшее отношеніе къ чувствованіямъ сердечнымъ и вожделѣніямъ души, а отсюда получаютъ нравственный характеръ. Можно ли смотрѣть, какъ на добраго человѣка, на того, кому наприм.; пріятно видѣть муки умирающаго и слышать его хрипѣніе? Можно-ли безъ отвращенія вспоминать о той женщинѣ, которая, не бывъ ни на что сердита, колола подчиненныхъ своихъ

булавками въ самыя чувствительныя мѣста, для того только, чтобы имѣть удовольствіе видѣть кровь ихъ и страданія? По судьбамъ Божіимъ, человѣкъ долженъ быть существомъ нравственнымъ въ самой животной сферѣ его дѣятельности,—и здѣсь отъ безсловесныхъ отличаться

§ 55. Но при всемъ сходствѣ наружныхъ чувствъ, легко видѣть различіе ихъ,

1.) По кругу дѣятельности. Ибо каждому чувству опредѣлено познавать свои свойства предметовъ, внѣ насъ находящихся; осязаніе даетъ намъ знать жесткость и мягкость, гладкость и шероховатость вещей, обоняніе—запахъ ихъ; вкусъ—горечь, пряность или остроту;—слухъ—звуки, глазъ—цвѣты.

2.) По способу раздражительности, который въ осязаніи механическій, во вкусѣ химическій, въ обоняніи, въ слухѣ и зрѣніи динамическій.

3.) По свойству впечатлѣній, которыя въ осязаніи гораздо предметнѣе (объективнѣе), чѣмъ въ зрѣніи и вкусѣ, обратившемся въ пословицу: de gustibus non est disputandum. Слухъ и обоняніе могутъ стоять въ этомъ случаѣ между осязаніемъ и зрѣніемъ, которое сколь далеко обнимаетъ предметы, столь же легко и ошибается въ нихъ.

4.) По свойству дѣятельности душевной, которая въ однихъ чувствахъ имѣетъ болѣе страдательности, чѣмъ въ другихъ. Такъ, мы можемъ, по своему произволу, не осязать предмета подлѣ насъ находящагося, можемъ не видѣть его; можемъ не вкушать чего-либо; но не слышать напр. сильнаго грома, не обонять сильнаго запаха мы не въ состояніи, если имѣемъ здравыя чувства.

5) Наконецъ, различаются чувства и по самому своему достоинству. Въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, что всѣ они принадлежатъ къ нашему организму; но осязаніе служитъ собственно для поддержанія физическаго нашего бытія; вкусъ и обоняніе содѣйствуютъ къ сохраненію органической нашей жизни; а слухъ и зрѣніе суть орудія, при помощи которыхъ въ особенности развивается наша духовная дѣятельность.

Примѣчаніе. Довольно основательно дѣлятъ достоинство чувствъ на количественное и качественное. Количественное состоитъ въ большой объятности, качественное въ разборчивости чувствъ. Первое приписываютъ животнымъ и людямъ менѣе образованнымъ; послѣднее умѣющимъ цѣнить то, что подвергается чувствамъ.

§ 56. Для правильнаго дѣйствія чувствъ надобно,

1) Чтобы впечатлѣніе произведено было на соотвѣтстующій ему органъ и чтобы самый органъ былъ въ благопріятномъ состояніи для его принятія. Посему, никогда нельзя яснѣе уразумѣть то глазами, что должно быть познано осязаніемъ, и на оборотъ. Равнымъ образомъ, должны быть удалены всѣ препятствія къ правильному и совершенному дѣйствованію предметовъ на чувство. Сами они должны быть здоровы и остры, предметы также должны находиться въ надлежащемъ разстояніи, и всѣ помѣшательства къ ихъ ощущенію должны быть устранены.

2) Чтобы впечатлѣніе предмета соразмѣрялось раздражительности чувства. Ибо, что для одного весьма чувствительно, то для другаго можетъ казаться вовсе нечувствительнымъ. Это правило можетъ быть приложено и къ сердечнымъ чувствованіямъ. Во всякомъ случаѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ, впечатлѣніе не должно быть ни слишкомъ сильно, ни слишкомъ слабо. Сильное сильно потрясаетъ душу и, не входя въ сознаніе ея, оканчивается однимъ потрясеніемъ, часто болѣзненнымъ и несчастнымъ. Слабое

только скользить по душѣ и, какъ выражается одинъ писатель, остается въ ея прихожей.

3) Чтобы впечатлѣніе имѣло нужное продолженіе, а не быстро изчезало. Причина та, что надобно замѣтить нѣкоторыя подробности въ предметѣ; а этого нельзя сдѣлать, не употребивъ извѣстнаго времени или, иначе сказать, не продоливъ впечатлѣнія. Посему-то предметы, схваченные, какъ говорятъ, на лету, не оставляютъ по себѣ никакихъ слѣдовъ въ сознаніи, или оставляютъ что-то неопредѣленное, темное, ни къ чему основательному не ведущее, а часто вовлекающее въ несогласія и споры.

4) Надобно помнить и то, что для правильнаго восиріятія чувствъ, необходимо равновѣсіе силъ между собою. При сильномъ напряженіи разсудка, при возбужденіи страстей, въ мечтахъ и чрезвычайныхъ волненіяхъ сердечныхъ внѣшніе предметы или не производятъ никакого дѣйствія на чувства, или производятъ весьма слабое.

5) Вообще, правильно мы можемъ ощущать какой-либо предметъ тогда, когда и органы наши здоровы, и время, и пространство, и вниманіе, и спокойствіе духа, и все прочее благопріятствуетъ этому дѣлу.

§ 57. Способъ, которымъ чувственныя

впечатлѣнія переходятъ въ нашу душу чрезъ нервы и мозгъ рѣшительно неизъяснимъ. Но не менѣе загадочно и то, какимъ образомъ сущность чувственнаго познанія слагается изъ ощущенія и вмѣстѣ представленія, безъ котораго не можетъ быть познанъ ни одинъ предметъ физическій. Сія-то загадочность и была причиною того, что одни изъ мыслителей думали производить представленія изъ ощущеній, а другіе ощущенія признали за представленія; первые впали въ сенсуализмъ, послѣдніе въ идеализмъ. Какъ одобрить то, или другое направленіе? Сенсуализмъ объясняетъ всѣ высшія, благороднѣйшія потребности духа человѣческаго изъ чувственности, которую какъ бы ни старались облагороживать, все она составляетъ нѣчто общее у насъ съ животными, а слѣд. подвергаетъ опасности, противъ здравыхъ сужденій разума, быть всему существу нашему, по выраженію новѣйшей философіи, обращеннымъ въ сумму общей —земной, или космической жизни. Напротивъ того, идеализмъ, обращая чувствованія въ представленія, не можетъ помириться съ конкретнымъ бытіемъ предметовъ, внѣ насъ находящихся, и весь видимый міръ почитаетъ міромъ представленій. Избѣгая сихъ двухъ крайностей,

лучше думать, что хотя въ актѣ чувственнаго воспріятія ощущеніе сливается съ представленіемъ, однакожъ съ нимъ не одно и тоже. Ибо,

1) представленія предметовъ, намъ извѣстныхъ, можно возобновлять въ душѣ безъ самыхъ предметовъ и устранять ихъ, когда возникли, по своему произволу. Но чувствовать чего нѣтъ дѣйствительно, или остановить продолженіе ощущенія, при раздраженіи органовъ, отнюдь не въ нашей волѣ.

2) Предположивъ, что душа познаетъ все посредствомъ однихъ представленій, необходимо допустить, что и чувство ея тѣла должно состоять изъ представленій же. Но симъ образомъ отвергается всякая жизнь, кромѣ жизни представленій, и допускается, что самыя жизненныя измѣненія, какъ то: голодъ, жажда, холодъ и теплота, болѣзни тѣлесныя и изнеможенія силъ физическихъ, равно какъ бодрость и свѣжесть ихъ суть одни только представленія.

3) Справедливо говоритъ Шульцъ, (*) что когда мы открыли ошибочность, вкравшуюся въ какое нибудь представленіе, то послѣ сего тотчасъ можемъ исправить оное, какъ скоро опять при-

(*) Псих. Антропол. перев. свящ. Өеодор. Сидонск. стр. 93. Вып. 1.

ходитъ въ него та же погрѣшность. Но кто открылъ, что башня, представлявшаяся издали круглою, въ самомъ дѣлѣ угольчатая, тотъ, смотря опять на ту же башню изъ отдаленія, не можетъ исправить своего чувствованія и видѣть ее не круглою. Равно и воздушныхъ явленій или призраковъ, происходящихъ отъ преломленія лучей, нельзя отклонить отъ себя, хотя бы и извѣстенъ былъ обманъ чувствъ, здѣсь совершающійся.

4) Короче сказать, представленія принимаютъ видъ ощущеній только въ необычайныхъ состояніяхъ души и тѣла, какъ то: въ горячкѣ и психическихъ болѣзняхъ; а что бы ощущенія для сознанія нашего превращались когда-либо въ представленія,—этого не бывало и быть не можетъ.

§ 58. Познаніе, пріобрѣтаемое нами посредствомъ чувствъ,

a.) Есть познаніе относительное и, потому, что ограничивается одними относительными свойствами вещей, не касаясь ихъ сущности, и потому, что, завися отъ устройства органовъ, различается по той мѣрѣ, какъ различествуютъ между собою организмы и расположеніе сихъ органовъ болѣе или менѣе у каждаго отъ другихъ людей отлично; и потому наконецъ, что нашимъ чувствамъ подлежатъ только тѣ предметы,

къ которымъ они, такъ сказать, припарованы. Міры небесные удалены отъ насъ почти на неизмѣримыя пространства, такъ, что кажутся не болѣе, какъ блестящими точками. Царства насѣкомыхъ въ морскихъ пучинахъ и подъ ногами нашими вкушаютъ сладость жизни не довѣдомо даже для насъ; ихъ мелкость ускользаетъ не только отъ чувствъ нашихъ, но и отъ воображенія. А тѣло наше сколько вмѣщаетъ въ себѣ разнаго рода тварей, и подлежатъ ли они сколько нибудь нашимъ чувствамъ?

б) То, что мы познаемъ посредствомъ чувствъ, не есть что-либо всеобщее, но совершенно недѣлимое, конкретное. Теплота, жесткость, звукъ, цвѣтъ и величина различныхъ предметовъ, какъ бы ни сходственны между собою были, всегда въ нихъ можно замѣтить значительныя разности. Есть люди весьма похожіе другъ на друга по росту, виду и чертамъ лица, но, обращаясь съ ними, легко открыть во всѣхъ ихъ сходствахъ особенности. Впрочемъ,

в.) Хотя мы ощущаемъ предметы недѣлимыми, хотя знаемъ ихъ только отношенія къ намъ, а не сущность; не смотря на то, сіе познаніе есть дѣйствительное. Мы познаемъ вещи такъ, какъ оныя дѣйствительно ощущаемъ, а

ощущаемъ такъ, какъ онѣ на насъ дѣйствуютъ и слѣд; какъ существуютъ. Недѣлимость предметовъ не только здѣсь невредна, но даже необходима для дальнѣйшихъ соображенiй, которыхъ характеромъ должны быть: общность, удовлетворительность и совершенная отчетливость, простирающаяся на связь предмета съ другими и на взаимное отношенiе всѣхъ предметовъ нашего вѣдѣнiя. Одно только то вредно, что народъ не размышляетъ, но придерживается непосредственно даннаго въ опытѣ, привязывается къ предметамъ видимымъ и ими все измѣряетъ, ими думаетъ, желаетъ и чувствуетъ.

§ 59. Что-бы не останавливаться на познанiяхъ, прiобрѣтенныхъ способностiю чувственнаго вострiятiя, но возводить ихъ къ высшимъ соображенiямъ, для этого намъ дана отъ природы другая способность,—разсудокъ (intellectus), который собственно обнаруживается въ свободномъ мышленiи, стремясь разнороднымъ элементамъ мысли дать единство въ нашемъ сознанiи.

§ 60 Эта способность не есть какая-либо особо-главная, а только видъ одной и той же главной способности разумѣнiя [§ 42]; посему, она имѣетъ ближайшее отношенiе какъ къ

способности чувственнаго воспріятія, такъ и къ разуму. Именно, разсудокъ продолжаетъ то, что начато способностію воспріятія; матеріалъ свѣдѣній, внесенный въ душу, онъ обращаетъ въ свою собственность и располагаетъ имъ по своему произволу, имѣя дѣло уже не столько съ вещами, сколько съ понятіями объ нихъ составленными. Посему-то, познанія разсудка о мірѣ, началомъ своимъ естественно должны утверждаться на опытѣ, чтобы они не были мечтою, или бреднями. Подобное отношеніе разсудка и къ разуму. Ибо, долгъ его принять умопредставленія, развить ихъ до возможной ясности, подтвердить опытомъ и обратить въ сумму человѣческаго вѣдѣнія. Очевидно, что и здѣсь, какъ въ отношеніи къ способности воспріятія, только сверхчувственнаго, разсудокъ пользуется даннымъ ему матеріаломъ; разница въ томъ лишь, что отъ чувственнаго онъ восходитъ къ идеальному. Вотъ причина, по которой онъ называется часто способностію *посредствующею* между чувственнымъ воспріятіемъ и разумомъ.

§ 61. Не имѣя ничего собственно своего матеріальнаго, разсудокъ обладаетъ всѣмъ въ области познанія, и, налагая свои формы на чужіе матеріалы, обращаетъ ихъ въ не отъемлемую

собственность. Владычество его столь сильно, что отъ сего родилось у схоластиковъ положеніе, обратившееся въ аксіому: forma dat esse rei. Много конечно сказано въ этой фразѣ, но то несомнѣнно, что каждый предметъ является предъ зерцало сознанія нашего не иначе, какъ въ извѣстной формѣ мышленія. Такимъ образомъ, кругъ дѣятельности и власть разсудка опредѣляется кругомъ всѣхъ познаній человѣческихъ. Все, что только мы знаемъ о мірѣ, человѣкѣ и Создателѣ, знаемъ подъ формами разсудка, безъ которыхъ предметы изчезаютъ для нашего сознанія. Формы сіи суть: понятіе, сужденіе и умозаключеніе: Понятіе есть болѣе или менѣе общее представленіе, въ которомъ одинаковыя примѣты многихъ частныхъ, или нѣкоторыхъ недѣлимыхъ предметовъ приводятся къ единству сознанія. Сужденіе есть тоже понятіе, но болѣе развитое; это—приговоръ, рѣшеніе о предметѣ, извлекаемое или изъ понятія о немъ, или изъ сопостановленія его къ другимъ особеннымъ предметамъ въ извѣстномъ отношеніи. Умозаключеніе есть такое соединеніе сужденій, въ которомъ истинность одного основывается на вѣрности другаго. Частное ученіе о сихъ дѣйствіяхъ разсудка составляетъ предметъ Логики.

Замѣтимъ впрочемъ, мимоходомъ, что въ нашемъ языкѣ всѣмъ этимъ актамъ мышленія есть соотвѣтствующія слова: смыслъ, разсудокъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ взятый, и умъ.

§ 62. Не смотря на обширность и различныя видоизмѣненія своей дѣятельности разсудокъ восходитъ отъ чувственнаго къ идеальному всегда однимъ образомъ, который называется категорическимъ. Подъ категоріями мы разумѣемъ тѣ пріемы мышленія, которые, не заключая въ себѣ ничего чувственнаго, обнимаютъ собою все опытное и направляютъ отъ него разсудокъ къ идеальному, служа ему какъ-бы лѣствицею восхожденія. Такъ,

а.) По категоріи количества, разсудокъ пересматриваетъ множественность вещей и доходитъ до понятія о единомъ началѣ ихъ, безъ котораго надобно было-бы протянуть безпредѣльную цѣпь существъ и остановиться на звѣньяхъ ея, ни къ чему прочному не прикрѣпленныхъ.

б.) По категоріи качества, онъ изслѣдуетъ совершенства существующихъ въ мірѣ предметовъ и, не находя ни въ одномъ существѣ полноты совершенствъ, предполагаетъ Существо всесовершеннѣйшее.

в.) По категоріи взаимнаго отношенія, онъ ищетъ достаточной причины всѣхъ міровыхъ явленій и, переходя отъ случайнаго къ случайному, отъ причины къ причинѣ, находится принужденнымъ допустить причину всѣхъ причинъ, Существо необходимое, самобытное, дѣйствительнѣйшее (Ens realissimum).

Дойдя такимъ образомъ до разумныхъ идей о Существѣ единомъ, совершеннѣйшемъ, дѣйствительнѣйшемъ и необходимомъ, разсудокъ посредствомъ анализа разрѣшаетъ ихъ въ понятія, сужденія, умозаключенія, и нисходитъ съ ними въ опытъ, внося въ чувственный міръ гармонію и разливая яркій свѣтъ на неразгаданные безъ разумнаго озаренія вопросы: о происхожденіи Вселенной, о назначеніи души человѣческой, о цѣли настоящей нашей жизни и о судьбѣ замогильной. Изъ коренныхъ идей о Богѣ онъ образуетъ понятія о Немъ, какъ о существѣ вѣчномъ, независимомъ, всевѣдущемъ, всемогущемъ, всенаполняющемъ, всезиждущемъ и сохраняющемъ; отсюда выводитъ сужденія и умозаключенія, что міръ сотворенъ Богомъ, что въ немъ ничего не совершается безъ воли Создателя, что случай, рокъ и судьба суть пустые звуки,

придуманные невѣріемъ, что человѣкъ составляетъ предметъ особеннаго провидѣнія Божественнаго, что наконецъ всѣ несчастія наши въ настоящей жизни, какъ бы они ни были тяжки, не только не противурѣчатъ Промыслу, но еще показываютъ безконечно—премудрое попеченіе о насъ Создателя.

Примѣчаніе. Что побуждаетъ разсудокъ восходить по симъ категоріямъ отъ конечнаго къ безконечному и вмѣстѣ даетъ ему эту возможность,—показано будетъ ниже, въ статьѣ о разумѣ.

§ 63. Общій характеръ дѣятельности разсудка есть отвлеченность (abstractivitas). Судя и умозаключая, слагая и разлагая, умножая и дѣля, обобщая и классификуя понятія, онъ живетъ въ своей особой сферѣ, не привязываясь къ чувстенному. Ему пріятна эта непривязанность; ему скучно имѣть дѣло съ недѣлимыми, онъ любитъ большіе размѣры, большіе шаги мысли. Его дѣятельность устремлена преимущественно къ тому, чтобы построить храмину вѣдѣнія въ умственномъ мірѣ, гдѣ онъ постоянно пребываетъ, обращаясь къ міру вещественному, только для собранія матеріаловъ, безъ которыхъ работы его должны прекратиться. Посему,

§ 64. Познанія, пріобрѣтаемыя посредст-

вомъ разсудка, не говоря о логическихъ совершенствахъ, должны быть:

1) Основаны на опытѣ. Мыслители старающіеся построить систему истиннаго вѣдѣнія независимо отъ опыта, уподобляются наукамъ, которые развиваютъ ткань изъ самихъ себя. Ихъ ткань мышленія можетъ быть красива, узорчата, хитра, но не прочна и обманчива; одно прикосновеніе опытности ее разрываетъ, и очарованія болѣе нѣтъ.

2) Близки къ обыкновенному человѣческому быту. Ибо для чего и знать то, чего нельзя приложить къ выгодамъ жизни и благу человѣческому? такъ называемая, школьная мудрость справедливо иногда порицается, за то, что не напутствуетъ питомцевъ своихъ за двѣри училища. Опытъ показываетъ, сколь многимъ гордымъ школьнымъ мудрецамъ, вступившимъ на поприще жизни, можетъ сказать неученый, но опытный человѣкъ извѣстную схоластическую фразу: theoretice concedo; practice veto.

3) Должны быть согласны съ высшими, благороднѣйшими требованіями разума и, по возможности, удовлетворять имъ. Кто забываетъ это, и у кого, какъ говорятъ, умъ за разумъ зашелъ, тотъ сбился съ пути въ наукѣ,

не понимаетъ ни ся, ни своего назначенія, и идетъ куда и какъ попалось.

4) Наконецъ, сообразны съ Божественнымъ откровеніемъ. Истинная мудрость не кичлива, но благопокорлива и послушна слову Божію, отъ того она и бываетъ исполнена плодовъ добрыхъ.

§ 65. Какъ для способности воспріятія служатъ орудіями чувственные органы, такъ разсудокъ совершаетъ свои отправленія преимущественно съ помощію воображенія и памяти. Симъ способностямъ обыкновенно даютъ мѣсто непосредственно, послѣ чувственнаго воспріятія, на томъ основаніи, что онѣ близки къ чувственности, ранѣе прочихъ способностей развиваются въ человѣкѣ и свойственны ему, вмѣстѣ съ животными. Но здѣсь забыто главное, именно то, что воображеніе наше есть не только способность, воспроизводящая образы видимыхъ предметовъ, но и творческая сила, дающая жизнь безжизненнымъ и даже не существующимъ предметамъ, равно какъ память человѣческая есть хранительница не только чувственныхъ представленій, но и высшихъ, идеальныхъ помысловъ. Поэтому—то сліянію въ сихъ способностяхъ двухъ элементовъ духовной жизни—чувственнаго и идеальнаго, лучше, кажется, дать имъ мѣсто между разсуд-

комъ, которому онѣ такъ много помогаютъ, и разумомъ.

§ 66. Воображеніе есть способность представлять образы предметовъ. Это представленіе есть или просто возобновленіе, воспроизведеніе видѣннаго образа, или свободное, на основаніи данныхъ, построеніе образовъ, составляющихъ одно цѣлое. Въ первомъ случаѣ, воображеніе называется *воспроизводительнымъ;* во второмъ, *производительнымъ*, а высшій степень дѣятельности послѣдняго—*фантазіею*.

§ 67. Воображеніе имѣетъ большое сходство съ ощущеніемъ не только въ воспроизведенномъ имъ образѣ какого-либо предмета, но и въ самыхъ органическихъ отправленіяхъ, которыми сопровождается восприятіе впечатлѣнія. Ибо, мало того, что воображаемыя обличія предметовъ представляются внѣ насъ; часто они потрясаютъ наши нервы, точно такъ же, какъ и предметы вещественные, производя въ тѣлѣ, подобно послѣднимъ, и дрожь и отдѣленіе органическихъ влагъ, и обмороки. Равнымъ образомъ, чтобы воспламенить воображеніе, стоитъ только прибѣгнуть къ нѣкоторымъ физическимъ средствамъ,—къ тѣмъ самымъ, которыя возбуждаютъ сильную дѣятельность и въ ощущеніяхъ,

какъ матрикъ, опіумъ и вообще крѣпкіе напитки. Послѣ сего, неудивительно, что нѣкоторые почитали воображеніе только видоизмѣненіемъ ощущенія. Но это мнѣніе не имѣетъ прочнаго основанія. Потому что, разность между ощущеніемъ и воображеніемъ гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ сходство. Именно,

а) Воспринимать впечатлѣнія предметовъ внѣшнихъ мы можемъ только тогда, когда они находятся предъ нами, возбуждаютъ наши чувства; воображеніе напротивъ рисуетъ намъ образы того, что мы ощущали вчера, въ минувшемъ мѣсяцѣ, въ прошломъ году, или за нѣсколько лѣтъ, и рисуетъ часто живѣе еще, нежели ощущали.

б.) Ощущеніе всегда происходитъ не на дальнемъ разстояніи отъ предметовъ и притомъ, при содѣйствіи другихъ веществъ, какъ-то: слюны, воздуха, свѣта; но те-ли бываетъ съ воображеніемъ? Что можетъ удержать его полетъ? Одинъ мигъ,—и оно, не при физическихъ посредствахъ, перенеслось за тысячи лѣтъ; одно желаніе—и оно воспарило на небо, туда—въ безпредѣльныя пространства.

в.) Воображеніе находится въ обратномъ отношеніи къ ощущенію. Когда чувства заняты,

оно покоится; успокоились чувства, оно пробуждается. Чувства требуютъ свѣта, что бы видѣть ощущаемые предметы; воображеніе любитъ тму и уединеніе, чтобы безпрепятственнѣе играть своими образами.

§ 68. Тѣсная связь между воображеніемъ и ощущеніемъ и непосредственное ихъ вліяніе другъ на друга были причиною того, что воображенію стали приписывать необыкновенную, едва не чудесную силу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, (*) оно живитъ и мертвитъ человѣка, производитъ болѣзни въ немъ и избавляетъ отъ нихъ, сводитъ съ ума своими картинами, или дѣлаетъ равнодушнымъ несчастнаго въ самыхъ жестокихъ страданіяхъ. Были философы, которые утверждали даже то, что воображеніе можетъ дѣйствовать не только въ насъ, но и внѣ насъ—на другихъ; оно можетъ будто-бы на дальнемъ разстояніи причинить человѣку вредъ, сбросить его съ лошади, удавить, утопить или зарѣзать. (**). Очевидно, что воображеніе само себѣ присвоило такую силу и власть надъ людьми; разсудокъ и

(*) Смотр. Логик. Билліома о воображеніи.

(**) Такія странности можно читать въ соч. de viribus imaginationis. Tienus.

опытъ не могутъ подтвердить ее. Впрочемъ надобно согласиться, что гдѣ есть органическое предрасположеніе къ болѣзни, гдѣ воля несильна, тамъ, какъ говорится, думчивость дѣйствительно много можетъ произвесть зла человѣку. Имѣй головную боль, воображеніе построитъ образъ лягушки и увѣритъ, что она сидитъ въ головѣ твоей. Полюби какую-либо отвлеченную мысль, воображеніе заставитъ тебя бредить ею одною; оно представитъ со всею живостію и ясностію, что ты напр. выдумалъ новый счетъ числъ или новыя формы силлогизмовъ; оно заставитъ тебя даже роптать на то, что другіе сего не понимаютъ, подобно тому, какъ одинъ сумасшедшій жаловался на Турокъ, что они лучше понимаютъ силогизмъ палочныхъ ударовъ и посылку въ каторгу, нежели посылки Аристотелевой Логики. Наконецъ, сильныя или продолжительныя потрясенія сердечныя часто также сопровождаются разстройствомъ воображенія. Базили разказываетъ, что одинъ изъ Турокъ во время бунта Янычаръ былъ обезглавленъ въ глазахъ своего сына, который послѣ обморока увѣрился, что онъ самъ также обезглавленъ и долженъ быть въ кладбищѣ. Онъ подробно и отчетливо разсказывалъ всѣ приключенія своей

жизни, увѣряя каждаго, что у него нѣтъ голо-вы, что онъ умеръ и что его силою задержи-ваютъ между живыми. (*)

§ 69. Обыкновенная дѣятельность вообра-женія находится подъ вліяніемъ какой-либо изъ прочихъ способностей и составляетъ служебную ея силу. Такимъ образомъ дѣйствія его быва-ютъ видны:

1. На сторонѣ чувственныхъ возбужденій, когда оно рисуетъ обольстительныя картины удовольствій, чаруетъ увлекательными чертами предмета нашей склонности, и, такъ сказать, расплавляетъ душу въ живыхъ, нѣжныхъ, овла-дѣвающихъ всѣмъ существомъ ея, изображені-яхъ сладострастныхъ сценъ, сопровождающихся иногда дѣйствительными ощущеніями въ тѣлѣ.

2. Подъ вліяніемъ разсудка, въ представле-ніяхъ лучшаго состоянія жизни, нежели въ ка-комъ мы находимся; въ составленіи отвлеченныхъ, понятій, или фигуръ и линій, имѣющихъ мѣсто въ геометрическихъ построеніяхъ разсудка; въ различныхъ механическихъ изобрѣтеніяхъ, гдѣ воображеніе составляетъ образъ новаго орудія или машины, долженствующей производить из-вѣстныя явленія; наконецъ въ планахъ, методахъ

(*) Очерки Константинополя стр. 92.

точныхъ наукъ, и во всемъ томъ, что можетъ принять на себя какой-либо чувственный обликъ

3. Подъ руководствомъ разума въ строеніи идеаловъ прекраснаго и нравственнаго. Воображеніе есть именно та сила, которая старается не объемлемыя и ни чѣмъ дѣйствительнымъ невыразимыя идеи ума объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ выразить образомъ, тономъ, красками или дѣйствительными, сценическими представленіями, выбирая изъ всего этого то, что есть относительно прекраснѣйшаго, возвышеннѣйшаго, величественнаго, справедливаго, святаго

§ 70. Дѣйствуя совмѣстно со всѣми способностями души, воображеніе даетъ опредѣленный характеръ мыслямъ, желаніямъ и чувствованіямъ. Образы, построенные имъ, даютъ намъ иногда знать внутреннюю жизнь человѣка какъ умственную, такъ и нравственную. Ибо, по нимъ можно легко и основательно судить, далекъ ли человѣкъ умомъ, высокъ ли сердцемъ и нравственностію, только бы было свободное теченіе его мыслей и непринужденное построеніе образовъ. Кто любитъ благородныя, простыя, величественныя и невинныя картины природы, тотъ старается изображать въ нихъ свои мысли и чувства; въ умѣ и на языкѣ его нѣтъ мѣста

нечистымъ помысламъ. Но человѣкъ, съ испорченнымъ сердцемъ безъ принужденія открываетъ свою испорченность въ словахъ; стоитъ только быть внимательнѣе къ нему. Формы, въ которыя онъ облекаетъ свои мысли, образы употребляемые имъ для изображенія отвлеченныхъ понятій, всѣ картины мыслей носятъ на себѣ признаки нечистоты. Иногда, довольно выслушать нѣсколько словъ, что бы понять, какъ грубъ и низокъ человѣкъ.

§ 71. Воображеніе не всегда дѣйствуетъ съ одинаковою ясностію и живостію, не говоря о болѣзненномъ его состояніи, которое можетъ зависѣть отъ многихъ причинъ. Игрѣ его благопріятствуютъ:

а.) Впечатлѣнія болѣе тихія и легкія, нежели сильныя и грозныя, которыя не только не даютъ свободы душѣ заниматься мечтами, но даже тревожатъ ее, изумляютъ и поражаютъ. Вотъ почему грозныя явленія природы нравятся намъ и даютъ пищу воображенію только тогда, когда ихъ не будетъ.

б.) Занятія не столь строгія, каковы математическія и философскія. Сюда относится чтеніе сказокъ, баснъ, романовъ и частію исторій. На семъ же основаніи, въ молодости,

которая обыкновенно бываетъ легкомысленна, воображеніе свѣжѣе и живѣе, чѣмъ въ старости,

в.) Вечернее время, сумракъ, уединеніе и изнуреніе чувственно-познавательной способности; когда природа дремлетъ вмѣстѣ съ чувствами нашими, когда душа не возмущена ни какою печалію, не отягчена ни какими заботами и не тревожится ни чѣмъ внѣшнимъ.

г.) Ясныя, раздѣльныя, и частыя воззрѣнія чувственныя на предметы. Ибо, чѣмъ яснѣе чувственныя воспріятія, чѣмъ чаще какой либо предметъ подвергался нашимъ чувствамъ, тѣмъ легче намъ его вообразить. Наконецъ,

д.) Наглядность, свѣжесть впечатлѣній, занимательность явленій и образность предметовъ. Чѣмъ болѣе мы насмотрѣлись на вещь, чѣмъ свѣжѣе ея впечатлѣніе, чѣмъ болѣе она для насъ занимательна и устроена пластически, тѣмъ живѣе и яснѣе воображеніе можетъ ее представить. Иногда, черты извѣстнаго предмета такъ врѣзываются въ душу, что мы не въ силахъ бываемъ противиться воображенію ихъ и самаго предмета.

§ 72. Какимъ образомъ вдругъ возникаютъ въ душѣ нашей образы, ощущаемыхъ нѣкогда предметовъ,—это рѣшительно непонятно.

Ибо, часто намъ представляется что-нибудь безъ нашего произвола, когда вниманіе обращено на физическія дѣйствія наприм. на то, какъ мы идемъ, пишемъ, или что другое дѣлаемъ; часто въ воображеніи начинается новый рядъ представленій, тогда, какъ мы не кончили еще прежняго размышленія. Но самое сочетаніе образовъ, самая связь идей (associatio idearum) происходитъ въ слѣдствіе нѣкоторыхъ законовъ. Именно, представленія соединяются между собою въ воображеніи нашемъ, или а) по закону сопространственности, или б) по закону современности, или наконецъ в) по закону сходства.

а.) По первому закону, одно возникшее въ головѣ нашей образное представленіе о предметѣ возбуждаетъ представленія о всѣхъ прочихъ предметахъ, рядомъ съ нимъ находящихся. Такимъ образомъ, одинъ домъ можетъ воспроизвесть въ воображеніи нашемъ цѣлый городъ съ его жителями и ихъ принадлежностями.

б.) По закону современности, одинъ возникшій въ насъ образъ вызываетъ образы другихъ предметовъ, которые мы видѣли, слышали или осязали въ одно съ нимъ время. Періодъ порабощенія Русскихъ Татарамъ напоминаетъ бѣдствія народа, рабское униженіе князей, подвиги духовенства.

в) По закону сходства, возникают цѣлыя семейства представлений о предметахъ, имѣющихъ между собою близкое или дальное сродство, соприкасающихся въ какихъ либо общихъ или частныхъ, существенныхъ или случайныхъ отношеніяхъ, напоминающихъ чертами и примѣтами своими даже тѣ вещи, которыя имѣютъ съ ними сходство не сами по себѣ, но по своему переносному значенію, или имъ противоположны, такъ, что сходятся только въ высшемъ понятіи. Самое сходство въ словахъ, звукахъ и тонахъ плодитъ представленія въ головѣ нашей. Посему-то, Александръ Македонскій можетъ намъ напоминать Омира, котораго онъ любилъ читать въ походахъ; а Александра Македонскаго можетъ приводить на память Наполеонъ, столь же властолюбивый и жадный къ завоеваніямъ. Посему же, калишки напоминаютъ Калигулу, богатый столъ Вителлія; камень Петра, весна всеобщее воскресеніе, старость юношество, бѣдность богатство, безобразіе красоту.

§ 73. Пріемы воображенія, дѣйствующаго по симъ законамъ, такъ разнообразны, что оно часто въ сочетаніи образовъ совершенно не уловимо. Отсюда происходятъ самыя сложныя, самыя возвышенныя, иногда странныя, смѣш-

ныя и уродливыя картины,—идеалъ прекраснаго и гротескъ. Всѣ эти картины суть плодъ извѣстнаго настроенія способностей, обращенія съ людьми того или другаго класса, наблюденія надъ природой и эстетическаго воспитанія; а потому нѣтъ ни одного человѣка, который бы имѣлъ совершенно одинаковое воображеніе съ другимъ. Впрочемъ, и природа не всѣхъ равно надѣлила богатствомъ сей способности. Особенная вѣрность, живость, легкость и игривость, или причудливость и затѣйливость воображенія зависятъ не столько отъ упражненія его, сколько отъ природнаго настроенія. Отъ этого-то бываетъ, что талантъ драматическій, сколько бы ни употреблялъ усилій, не можетъ имѣть успѣха въ комедіи; отъ этого же сатирика видно и тогда, когда бы онъ не хотѣлъ имъ быть.

§ 74. Во всякомъ случаѣ, какого бы рода ни была дѣятельность душевная,—воображеніе, какъ непосредственное орудіе разсудка, должно находиться подъ его вѣдѣніемъ. Говоря метафорически, оно есть прекрасный слуга, когда крѣпки руки у его господина; но дать ему волю на нѣкоторое время, значитъ уступить ему неограниченность, которая скоро обращается въ необузданность, издѣвающуюся надъ всѣми уси-

ліями разсудка. Въ законныхъ границахъ, воображеніе для насъ весьма полезно; оно возвышаетъ наши помыслы и желанія за предѣлы настоящаго; оно способствуетъ къ раскрытію новыхъ свойствъ въ предметѣ, представляя всегда живописнѣе то, что мы ощущали; оно побуждаетъ и ободряетъ людей всякаго чина и званія къ лучшему исполненію обязанностей, обѣщая въ будущемъ за труды награду; оно производитъ продолжительную наклонность къ предметамъ достойнымъ нашей любви; оно наконецъ составляетъ богатый источникъ нашихъ радостей. Безъ воображенія, мы, подобно животнымъ, ограничивались бы только внѣшними и внутренними ощущеніями, не представляя ничего лучшаго и совершеннѣйшаго; безъ него мы были бы равнодушны ко всему будущему, да и настоящія удовольствія не имѣли бы для насъ той прелести, какую часто имъ придаетъ воображеніе. Но сколько и безпорядковъ происходитъ отъ воображенія! Не часто ли оно сбиваетъ и спутываетъ разсудокъ въ мышленіи, преграждая естественный ходъ его своими мечтами? Не часто ли оно заставляетъ видѣть и осязать то, что намъ только грезится? Не часто ли оно обольщаетъ насъ мнимымъ сходствомъ между вещами

самыми разнородными? Сколько зданій, сколько животныхъ, сколько фигуръ всякаго рода оно представляетъ намъ иногда въ ночномъ мракѣ, иногда въ движеніи облаковъ, паровъ и тѣней! Воображеніе же иногда отравляетъ нашу жизнь преувеличеніемъ несчастій и страданій, напраснымъ опасеніемъ и ненавистнымъ толкованіемъ предметовъ и обстоятельствъ жизни самыхъ безвредныхъ. По его мановенію, являются колдуны, чародѣи, заговорщики и вообще злые люди, съ которыми страшно бываетъ сообщаться, страшно сближаться, какимъ бы то ни было образомъ. Оно же часто дѣлаетъ ненавистнымъ весь родъ человѣческій, представляя его слишкомъ порочнымъ и развратнымъ. Наконецъ, что всего важнѣе, воображеніе легко возбуждаетъ въ насъ нечистые помыслы и вводитъ въ грѣхъ. Оно есть демонъ, зачинающій въ волѣ нашей похоти и раждающій беззаконія. Жалокъ тотъ человѣкъ, у котораго грѣхъ овладѣлъ воображеніемъ! Ему нужны необыкновенныя, чтобъ не сказать, сверхъестественныя усилія, ему нужна благодать Божія для сохраненія чистоты духовной. Вотъ почему и разумъ и Откровеніе учатъ насъ обуздывать воображеніе, какъ опаснѣйшаго нашего врага!

§ 75. Между многими средствами къ укрощенію его наилучшія суть слѣдующія:

1.) Не надобно наводить воображеніе свое на его любимыя мечты, на соблазнительные образы, изъ которыхъ оно привыкло составлять картины и увлекать ими волю; надобно удаляться, избѣгать всѣхъ состояній, которыя заставляютъ опасаться за воображеніе и его увлекающую силу. Посему,

2.) Должно останавливать свое вниманіе на предметахъ болѣе важныхъ, требующихъ глубокаго размышленія и соображенія [§ 70], при чемъ воображеніе не можетъ рисовать соблазнительныхъ картинъ.

3. Такъ какъ воображеніе весьма много зависитъ отъ органическихъ отправленій, то для правильной дѣятельности его необходимо соблюдать разборъ и умѣренность въ пищѣ и питіи; строгій постъ есть первой его врагъ.

4. Можно пользоваться и законами воображенія для истребленія вредныхъ его мечтаній; можно поражать его собственнымъ оружіемъ, заставляя представлять противное тому, что оно любитъ, или сближать опасные образы съ представленіями, ослабляющими ихъ вредное вліяніе на наши склонности.

5.) Наконецъ, когда воображеніе обольщаетъ насъ своими чарами и заставляетъ рѣшиться на беззаконный поступокъ, то должно обращать вниманіе на слѣдствія сего поступка и воображать ихъ, какъ можно, живѣе. Когда напримѣръ, воображеніе рисуетъ намъ картину сладострастія, то надобно размышлять, какъ вредно ему предаваться, какъ разслабляетъ оно тѣло, возмущаетъ спокойствіе духа и влечетъ къ погибели.

§ 76. Воображеніе имѣетъ близкое сродство съ памятію по законамъ дѣятельности, такъ, что Кардальякъ одинъ изъ новѣйшихъ мыслителей Французскихъ, сливаетъ сіи двѣ способности, называя ихъ видоизмѣненнымъ продолженіемъ ощущенія. (*) Шульце хочетъ отличить память отъ воображенія, но, справедливо назначая ей обширнѣйшій кругъ дѣятельности, напрасно называетъ ее нѣкоторымъ родомъ мышленія, стоящимъ въ ближайшей связи съ разсудкомъ, не приписывая

(*) См. Essai philosophique и у Баумейстера (стр. 326), который говоритъ, что imaginatio est continuata sensatio, хотя память старается отличить отъ воображенія.

сего воображенію. (*) Та и другая способность имѣютъ самую тѣснѣйшую связь съ разсудкомъ, но сферы дѣятельности различныя. Это различіе состоитъ въ томъ, что память сохраняетъ въ душѣ нашей и ея ощущенія, и ея свѣдѣнія, и ея желанія; а воображеніе не имѣетъ этого свойства,—оно, подобно прочимъ способностямъ, ввѣряетъ памяти свои образы, и, когда нужно, опять отъ нея принимаетъ. Посему, память есть сила души коренная (originaria vis), а не производная (derivativa); она есть способность сохранять тѣ познанія, которыя мы пріобрѣтаемъ о бытномъ, и оживлять въ себѣ истинное и ложное, ясное и темное, мечты и неподдѣльныя чувства, желанія и самыя дѣйствія.

§ 77. Зависимость памяти отъ органическихъ отправленій мозга привела многихъ мыслителей къ страннымъ мнѣніямъ о сей способности. Утверждаютъ, что она есть повторенное ощущеніе, зависящее отъ воспроизведенія въ мозговыхъ фибрахъ тѣхъ движеній, которыми сопровождалось ощущеніе первоначальное. На этомъ то основаніи Снелль совѣтуетъ подумать врачамъ о томъ, какъ бы лечить память физи-

---

(*) Псих. Антропологія стр. 139 вып. 1-й.

ческими средствами; по сей же причинѣ Гоокъ, знаменитый физіологъ, идеи или чувственныя представленія называетъ слѣдами на мозгу, и, предположивъ, что сей слѣдъ можетъ образоваться въ 20 терцій времени, вычисляетъ, сколько представленій пріобрѣсть можетъ человѣкъ въ продолженіи столѣтней жизни. (*) Но чѣмъ оправдать мнѣніе, будто на мозгу отпечатлѣваются вещественныя идеи? Анатомія ничего подобнаго не находитъ; а опыты лишенія памяти по причинѣ мозговыхъ болѣзней доказываютъ только то, что она дѣйствуетъ въ тѣлѣ, а не даютъ права утверждать, что самая дѣятельность ея сопряжена необходимо съ впечатлѣніями физическими на мозгъ. Напротивъ, въ памяти душа наша дѣйствуетъ гораздо независимѣе отъ органическихъ отправленій, нежели въ ощущеніи. Она съ такою же легкостію удерживаетъ въ себѣ отвлеченныя понятія, не имѣющія ни какихъ образовъ, какъ и чувственныя представленія, и воспроизводитъ ихъ безъ вся-

---

(*) См. Physiolog. Haller tom V. livr XVII. § 6; по вычисленію Гоока выходитъ идей 3, 155, 865, 452, гдѣ берется во вниманіе и костяной мозжечекъ

каго сотрясенія фибръ мозговыхъ, необходимаго для ощущеній,—при помощи одного соображенія. Итакъ, лучше ни какъ не объяснять образъ сохраненія понятій и ощущеній въ памяти, нежели, объясняя физически или церебрально оптически, (*) смѣшивать ее безъ основанія съ ощущеніемъ. Довольно того, что мы помнимъ многое, а какъ, это тайна.

§ 78. Память есть способность страдательная; главное свойство ея удерживать въ себѣ все то, что какая-либо изъ силъ душевныхъ передала ей для сбереженія. Почему она одна никогда недѣятельна, и матеріалы души, ввѣренныя ей, до востребованія ихъ, или до возникновенія въ ней, по какимъ либо обстоятельствамъ, остаются чужды нашему сознанію. Эта впрочемъ недѣятельность памяти самой по себѣ въ высочайшей степени для насъ благодѣтельна: ибо, что было бы съ нами, еслибы все ввѣренное памяти вмѣстѣ и во всякую минуту являлось нашему вниманію? мы незнали бы, на чемъ остановиться, и совершенно потерялись бы въ своихъ понятіяхъ.

2. Страдательностію же памяти объясняется

(*) Курсъ Философіи Жерюзе. Стр. 87.

и то, что въ ней никогда представленія не дѣлаются яснѣе и живѣе, если не часто требуются разсудкомъ и не возвращаются ей въ новой ясности и живости. Напротивъ, когда ввѣряется памяти предметъ не совершенно уясненный, то онъ легко въ ней теряется. Но

3. Что мы хорошо и твердо помнимъ, то соединено въ нашей памяти съ непререкаемою очевидностію и самоувѣренностію. Это происходитъ отъ того, что память самымъ тѣснымъ образомъ связана съ нашимъ сознаніемъ, такъ, что возобновленіе въ ней прежнихъ обстоятельствъ и пріобрѣтеніе познаній можно представлять себѣ въ видѣ проясненія минувшихъ состояній нашего лица—(Я).

§ 79. Далѣе, память наша, какъ способность страдательная, находится подъ безпрерывнымъ вліяніемъ которой-либо изъ прочихъ силъ душевныхъ.

1. Отъ способности чувственнаго воспріятія, она принимаетъ на сбереженіе многообразныя впечатлѣнія и ощущенія, производимыя въ насъ предметами, подлежащими нашимъ чувствамъ.

2. Для воображенія она составляетъ магазинъ образовъ, въ который ихъ оно складываетъ до востребованія.

3. Разсудокъ ввѣряетъ ей свои понятія и

познанія въ ихъ безконечно-разнообразныхъ частностяхъ, а разумъ идеи, приводимыя въ сознаніе. Наконецъ,

4. Она служитъ волѣ и сердцу, сохраняя чувствованія, желанія и самыя дѣйствія наши, часто со всѣми сопровождающими ихъ обстоятельствами.

§ 80. Во всѣхъ сихъ родахъ дѣятельности, память удобнѣе принимаетъ и тверже держитъ то, что въ каждой способности есть болѣе особеннаго. Находится ли она подъ вліяніемъ чувствъ? Тогда любитъ схватывать то, что сильнѣе ихъ поражаетъ,—каковы всѣ предметы новые, странные, огромные, блестящіе или льстящіе вкусу. Служитъ ли разсудку? она скорѣе принимаетъ главное, удобопонятное и складное, нежели что нибудь сбивчивое, дробное и безпорядочное или безсвязное. Соединяется ли съ воображеніемъ? охотнѣе подмѣчаетъ между образами его ясные, опредѣлительные и живые, чѣмъ темные, или неопредѣленно въ головѣ носящіеся. Помогаетъ ли волѣ? Она обыкновенно прежде всего останавливается на томъ, что льститъ нашему самолюбію и нашимъ любимымъ склонностямъ, что заключаетъ въ себѣ нравственное величіе, или безобразіе, что болѣе тревожитъ, или успокоиваетъ нашу совѣсть. Связывается ли

наконецъ съ сердцемъ? Въ ней всегда глубже внѣдряется то, что оно любитъ и что сильнѣе на него дѣйствуетъ.

§ 81. Отъ памятованія всегда различали воспоминаніе или воспроизведеніе того, что находится въ памяти. Это различеніе имѣетъ основаніе, только не должно представлять воспоминанія чѣмъ-либо особеннымъ отъ памяти, какъ способности. Само по себѣ взятое, оно не есть сила, но дѣятельность другихъ силъ, поколику онѣ вносятъ себя въ сферу памяти,—или, иначе сказать, отчетъ, требуемый отъ памяти прочими способностями, въ томъ, что ей ввѣрено. Посему, воспоминанія нельзя лучше опредѣлить, какъ назвавъ его сознаніемъ, при помощи другихъ силъ, того, что мы прежде узнали и отдали на сохраненіе памяти, или повтореннымъ памятованіемъ. Но какъ это воспроизведеніе предметовъ, въ нашей памяти находящихся, происходитъ? Это такъ же трудно рѣшить, какъ и то, какъ память сохраняетъ ей ввѣренное. Знаемъ только, что и здѣсь, какъ въ воображеніи, сродство идей играетъ важную роль (§ 69). Современность, сопространственность, сходство въ нѣкоторыхъ чертахъ предметовъ бываютъ причиною того, что одна вещь напоминаетъ

другую, одно понятіе вызываетъ другое. Не часто ли мы при всемъ своемъ старанiи что-либо вспомнить, ни какъ этого не можемъ сдѣлать? Но въ другое время, когда намъ и недумается воспоминать объ извѣстномъ предметѣ, котораго прежде доискивались, онъ самъ приходитъ намъ на память, по какому нибудь обстоятельству, возрождающему его въ душѣ нашей. Вотъ почему, при воспоминанiи вещей или понятій, затерянныхъ въ нашей душѣ мы, какъ говорится, *припоминаемъ* т. е. приводимъ на память, при какихъ обстоятельствахъ онѣ намъ сдѣлались извѣстны, чтобы перебирая эти обстоятельства воспроизвесть желаемыя понятія или предметы въ головѣ своей.

§ 82. Памятованіе и воспоминаніе, взятыя вообще и вмѣстѣ, составляютъ одно изъ чудныхъ преимуществъ нашей духовной природы; имъ предназначено сосредоточивать, сохранять, и возобновлять разнородную дѣятельность силъ душевныхъ, и, если бы представленія наши, смѣняясь одно другимъ, исчезали изъ памяти невозвратно, то невозможно было бы никакое внутренее образованіе; міръ вѣдѣнія для насъ не существовалъ бы, и не могъ бы существовать, опираясь на непрочныхъ, испытывае-

мыхъ и почти въ то же время преходящихъ состоянiяхъ духа. Положимъ, что чувствованiя, желанiя и дѣйствiя наши текли бы своею чередою; сердце наше могло бы быть невиннымъ, воля доброю, но умъ безъ памяти, какой умъ былъ бы у насъ? мы были бы безъ ней совершенными невѣждами не только въ наукѣ, но и въ обыкновенной жизни; мы начинали бы каждый день свои заботы и труды для благосостоянiя домашняго и къ вечеру всегда бы забывали, что сдѣлали для себя; намъ не было бы извѣстно наше собственное поведенiе въ отношенiи къ другимъ; мы ничего бы не знали о протекшемъ и не могли бы ни чему научиться. Эразмъ Ротеродамскiй говорилъ, что хорошую память составляютъ: разсудокъ, порядокъ и вниманiе; (*) не съ меньшею, если не съ большею достовѣрностiю можно сказать, что безъ памяти не можетъ быть ни хорошаго разсудка, ни совершеннаго порядка и вниманiя. Не ясно ли, что ей предопредѣлено быть служебною силою преимущественно разсудку? Только при помощи ея, онъ могъ такъ распространить кругъ своихъ познанiй и создать исторiю, во всѣхъ видахъ

(*) de rat. stud. § 168.

взятую; только съ пособіемъ ея онъ можетъ покорять себѣ природу наукою и искуствомъ.

§ 83. Совершенства памяти суть слѣдующія:

а.) Главное достоинство ея состоитъ въ томъ, чтобы, какъ еще Квинтиліанъ замѣтилъ, она легко принимала и долго удерживала ей ввѣренное. Надобно прибавить, чтобъ и возвращала что ей поручено, по первому востребованію, и такъ, какъ ей передано. Такую память называютъ острою, богатою, счастливою.

б.) Впрочемъ, какъ бы ни богата была память, она можетъ еще имѣть недостатокъ въ порядкѣ возвращенія идей; можетъ и скоро и легко и много помнить, но съ измѣненіемъ, или нарушеніемъ порядка, въ которомъ ей передано что либо многосложное разсудкомъ. Посему-то отличаютъ память систематическую, которая, хотя и не обширна, однако передастъ все, что въ ней есть, въ томъ порядкѣ и въ той стройности, которыхъ не нужно исправлять разсудку. Это память собственно—ученая; ее должно считать, въ сокупности съ многообъятностію, идеаломъ памяти.

§ 84. Но нѣтъ ни одного любимца природы, который обладалъ бы всѣми совершенства-

ми памяти; одинъ помнитъ многое, но не совершенно; другой помнитъ твердо, но не многое; а большею частію люди и мало помнятъ добраго, и сбивчиво воспоминаютъ. При томъ рѣдко, весьма рѣдко память простирается на всѣ предметы, а большею частію на тѣ, которыми любимъ заниматься. Поэтъ, Философъ и Естествоиспытатель, по разсмотрѣніи одного предмета, воспоминаютъ различныя стороны, въ немъ ими замѣченныя. Равнымъ образомъ, одни легче удерживаютъ въ памяти чувственные предметы, другіе способнѣе помнить отвлеченные. Сверхъ сего, одно совершенство памяти часто дѣлаетъ подрывъ другому; кто много помнитъ, тотъ рѣдко можетъ обладать совершенною отчетливостію, именно потому, что многое помнитъ и на оборотъ. [illegible] память едва ли не походитъ на басню, какъ замѣтилъ Наполеонъ. Какъ бы то ни было, только обыкновенно жалуются на плохую память не одни старые, но и молодые люди; а между тѣмъ она такъ драгоцѣнна для насъ! Пособить этому несчастію можно частію предотвращеніемъ того, что вредитъ памяти, частію исправленіемъ оной. Откуда недостатки памяти? природа рѣдко бываетъ скупа на нее; мы сами себѣ враги, —мы живемъ во вредъ

памяти. Чувственныя наслажденія, ночи, проводимыя безъ сна, вѣтренность, излишнее употребленіе горячихъ напитковъ, печали, до которыхъ по большой части сами себя доводимъ,—вотъ причины, что люди зрѣлыхъ лѣтъ часто съ восхищеніемъ говорятъ о своей юношеской памяти, и тщетно желаютъ возвратить ее, особливо при не воздержной жизни.

§ 85. Посему, кто хочетъ, чтобы память его была всегда свѣжа, необходимо долженъ вести жизнь умѣренную, трезвую и, сколько отъ него зависитъ, избѣгать всѣхъ случаевъ, влекущихъ за собою органическое разстройство, за которымъ всегда слѣдуетъ ослабленіе памяти. Это главное условіе, при которомъ счастливая отъ природы память таковою можетъ оставаться до старости; а бѣдная по крайней мѣрѣ не потерпитъ большаго оскудѣнія. Само собою разумѣется, что всегда надобно давать ей пищу, безъ которой ничто на свѣтѣ не живетъ. Но что дѣлать съ ослабшею, поврежденною памятію? Какъ возвратить ее, когда она почти потеряна? Много положено трудовъ учеными, для того, чтобы помочь этому горю, тѣмъ болѣе ощутительному въ наши времена, чѣмъ время отъ времени кругъ необходимыхъ для жизни познаній стано-

вится обширнѣе. Но все, что можно сказать на этотъ предметъ рѣшительно основательнаго, сказано еще Квинтиліаномъ, который пишетъ: memoria praecipue firmatur et alitur exercitatione. (*) Такъ называемая мнемоника, или наука о памяти занимается вопросомъ, какъ должно быть производимо это упражненіе памяти, но къ несчастію доходитъ до мелочей, вводитъ механизмъ въ душу, и забываетъ о главномъ и наилучшемъ пособіи памятованія—здравомъ обсужденіи изучаемыхъ предметовъ. Еще менѣе могутъ возвратить потерянную память выхваляемыя нѣкоторыми физическія средства. (**) Безспорно, здоровая и умѣренная пища, употребленіе чистой воды, купанье въ холодной и тому подобное, дѣйствуя благотворнымъ образомъ на освѣженіе всѣхъ силъ душевныхъ, не могутъ не производить благодѣтельнаго вліянія и на память. Но трудно, весьма трудно повѣрить, чтобы старикъ 94 лѣтъ, будучи отъ природы слабой памяти, могъ укрѣпить ее до послѣднихъ дней жизни посредствомъ эссенціи, состоящей

(*) Institut. Orat. l. 1. c. 1.

(**) Смотри: новооткрытая тайна къ пріобрѣтенію превосходной памяти. Москва 1831 г.

изъ ирнаго корня, божьяго дерева, гвоздики, лавандовыхъ цвѣтовъ, лавроваго листа и другихъ нѣкоторыхъ растеній. Короче сказать, если память ослабѣла, и если разсудокъ не помогаетъ ей, то надобно стараться скорѣе о поддержаніи ея, чѣмъ объ исправленіи или усовершенствованіи.

§ 86. Впрочемъ и слабую память можно употреблять съ такою же пользою, съ какою употребляютъ богатую.

1. Если у тебя память слаба, то не обременяй ее; ввѣряй ей понятія только основательнѣйшія и полезнѣйшія. Малый корабль не должно нагружать пошлыми вещами; а когда онъ будетъ нагруженъ драгоцѣнными предметами, то, при благоразумномъ разпорядкѣ ихъ, можетъ быть дороже, нежели корабль, вдвое болѣе вмѣщающій въ себѣ недорогаго товару.

2. Не изучай такихъ предметовъ, которыхъ знать тебѣ не должно, или которые послѣ ты самъ захочешь, но съ трудомъ можешь искоренить изъ своей памяти. Напротивъ, не опускай изъ головы своей ни одной драгоцѣнной мысли; пріобрѣтеніе ея и памятованіе важнѣе, чѣмъ памятованіе тысячи ничтожныхъ мыслей.

3. Будучи въ бесѣдѣ, гдѣ каждое слово

твое вѣсять, старайся высказывать лучшія твои мысли. Это болѣе вкоренитъ ихъ въ памяти твоей. Извѣстно по опыту, какъ твердо помнятъ пустыя головы всякой вздоръ, который онѣ плетутъ въ собраніяхъ!

4. Ты живешь въ сообществѣ съ людьми; многое тебѣ можетъ въ нихъ не правиться; на многое можешь ты досадовать, можетъ быть, и по праву;—не помнить зла на другихъ есть весьма важное облегченіе для твоей памяти. Ѳемистоклъ обладалъ необыкновенною памятью; онъ зналъ имена всѣхъ согражданъ, но, по свидѣтельству Цицерона (*), чтобъ не помнить всѣхъ ихъ дурныхъ поступковъ, желалъ научиться искуству забвенія. Для тебя это не трудно.

5. Если что учишь, учи съ разсужденіемъ и безостановочно; отрывчивость въ ученіи весьма много вредитъ слабой памяти, какъ замѣчаетъ Эразмъ Ротеродамскій, (**) и, какъ можетъ узнать это каждый на опытѣ. Впрочемъ и излишнее напряженіе сей способности сопровождается дурнотою и даже болью въ головѣ. Здѣсь каждаго должно руководствовать собственное благоразуміе.

(*) De Orat. II. 26.
(**) de ratione Stud. p. 28.

6. Наконецъ, для слабой памяти весьма полезно записывать на бумагѣ то, о чемъ размышляемъ или читаемъ; что написано собственною нашею рукою и на что слѣдовательно употреблено больше размышленія и вниманія, то помнится долго и воспоминается безъ большаго труда.

§ 87. Если слабую память можно употреблять не съ меньшею пользою, какъ и обширную, то обратно обширная память можетъ имѣть болѣе недостатковъ, чѣмъ слабая. Роскошь ея вредитъ прочимъ способностямъ, если направленіе ея дѣлается господствующимъ. Это бываетъ,

1. Когда заставляютъ дѣтей вытверживать уроки не развиваемые ни ими самими, по недостатку силъ, ни ихъ наставниками, то по недосугу, то по какому-то преступному равнодушію къ пользѣ учащихся, а иногда и къ самой наукѣ. Отсюда происходитъ, что возрастные нерѣдко должны вновь переучиваться т. е. разбирать и обсуживать то, что у нихъ находится въ памяти и,—какъ иногда бываетъ это досадно!

2. Когда люди, считающіе себя записными любителями наукъ и искуствъ, читаютъ все, что по силамъ ихъ, съ большею жадностію, но безъ

размышленія, безъ плана, безъ цѣли, для которой могло бы служить благоразумное чтеніе разныхъ произведеній, кромѣ той цѣли, чтобы казаться начитанными, образованными и способными судить о каждомъ предметѣ. Какъ много въ свѣтѣ такихъ образованныхъ особъ! Они дѣйствительно обогатили память свою множествомъ разнородныхъ матеріаловъ, и гордятся ими, не замѣчая того, что ихъ сужденія суть вздоръ, болтовня.

3.) Есть и собственно ученые мужи, которымъ слишкомъ обширная память служитъ во вредъ. Въ ихъ головахъ носится безчисленное множество идей; за которую они ни берутся, изъ ней вновь возникаютъ многія мысли, а изъ послѣднихъ раждаются свои представленія и такъ далѣе, такъ что, часто обширный запасъ свѣдѣній бываетъ въ ихъ сочиненіяхъ причиною длинныхъ эпизодовъ, уклоненій отъ даннаго предмета, излишнихъ распространеній и сбивчивости. Нѣкто изъ такихъ ученыхъ говаривалъ при сочиненіяхъ съ досадою: »дайте мнѣ планъ; не могу совладѣть съ мыслями.»

§ 88. Какъ способность чувственнаго воспріятія и разсудокъ, которому главными и непосредственными орудіями служатъ воображеніе

и память суть выраженія одной въ существѣ способности разумѣнія [§ 42]: такъ точно и разумъ не есть какая-либо отдѣльная сила души; а только высшее проявленіе разумности, обнаруживающейся въ различныхъ видахъ и способахъ познаванія. Въ чемъ же состоитъ это проявленіе? рѣшить не легко. Ибо какой классъ людей можно назвать существами разумными, въ точномъ значеніи этого слова? Тѣхъ ли, которые умѣютъ наслаждаться жизнію и удовлетворять своимъ прихотямъ? Для этого нужны только чувственныя способности и расположеніе къ сильнымъ вожделѣніямъ. Тѣхъ ли, кои разными оборотами пріобрѣтаютъ богатство? для сего потребенъ расчетливый умъ и постоянная дѣятельность. Тѣхъ ли, которые упражняются въ наукахъ и искуствахъ? Но школьная мудрость часто уподобляется лунѣ, которая свѣтитъ, а не согрѣваетъ. Если же разумъ не есть способность, прилагаемая къ чувственному и отвлеченному; то по необходимости должно уступить ему сферу сверхчувственнаго, идеальнаго. Такимъ образомъ нельзя лучше опредѣлить его, какъ назвавъ способностію идей или вышечувственныхъ представленій о предметахъ невидимаго міра.

§ 89. Эмпирики не охотно соглашаются

признать сію способность, стараясь изъяснять ея отправленія изъ разсудка или вообще изъ опыта. Не будемъ спорить, что опытъ имѣетъ большое вліяніе на развитіе разума, но можетъ ли онъ замѣнить его? можетъ ли онъ дать намъ идею о сверхъ-чувственномъ мірѣ и о существѣ безконечномъ? Отвлекайте, обобщайте, классифицируйте, какъ угодно, понятія о чувственномъ и конечномъ; опытъ самъ по себѣ намъ не даетъ ни какого намека на безконечное, И категоріи разсудка служатъ намъ лѣствицею восхожденія отъ чувственнаго къ идеальному только подъ условіемъ разума [§ 60]. Если бы въ душѣ нашей не было разумнаго инстинкта, не довѣдомо влекущаго насъ къ чему-то высшему, лучшему, несравнено совершеннѣйшему всякаго совершенства земнаго, то по категоріи количества разсудокъ нашъ не дошелъ бы до понятія о единомъ, по категоріи качества не могъ бы предполагать Существа всесовершеннѣйшаго; по категоріи взаимнаго отношенія не имѣлъ бы нужды мыслить о существѣ самобытномъ и необходимомъ. Единое, всесовѣршеннѣйшее, самобытное и необходимое,—это такія понятія, до которыхъ мы можемъ восходить отъ опыта, но которыхъ самый опытъ

намъ не сообщаетъ; они заставляютъ предполагать въ душѣ человѣческой тотъ органъ способный къ впечатлѣніямъ сверхчувственнаго міра, который мы называемъ разумомъ. Его то лучемъ освѣщаемый, разсудокъ поднимается до области идеальнаго и впечатлѣнія, принимаемыя разумомъ свыше, низводитъ въ міръ опытный. Небудь въ насъ разума, мы были бы не болѣе какъ совершеннѣйшими животными, для коихъ земля составляла бы и начало и конецъ бытія. Никакая мысль о небѣ, никакое желаніе и исканіе лучшей жизни не тревожило бы нашей души; мы были бы довольны своею участію, не понимая, сколько бы намъ ни твердили, что можно желать и стремиться къ лучшему, нежели міръ сей со всѣми его совершенствами. Такъ то бѣдны мы были бы безъ разума! И можно ли, послѣ сего, подвергать сомнѣнію его существованіе въ душѣ человѣческой.

§ 90. Начало, возвышающее разумъ надъ способностію чувственнаго воспріятія и разсудкомъ, состоитъ въ духовномъ, непостижимомъ для нашего разумѣнія воспріятіи впечатлѣній міра невидимаго, которыя оживляютъ всѣ силы душевныя не земною жизнію, освѣщаютъ ихъ свѣтомъ небеснымъ, согрѣваютъ огнемъ Боже-

ственнымъ. Эта жизнь, этотъ свѣтъ, этотъ огонь небесный ощутительнѣйшимъ образомъ обнаруживается въ высшихъ потребностяхъ нашего духа, которымъ можетъ удовлетворить одно только существо безконечное. Стремленіе къ безконечному во всѣхъ родахъ дѣятельности душевной есть печать, есть знаменіе небеснаго происхожденія нашего, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруженіе Божественнаго огня въ нашей душѣ, нудящаго, безпокоющаго, жгущаго насъ жаждою совершеннѣйшаго Существа, которое могло бы напитать, насытить духъ нашъ. »Безпокойно сердце мое Боже, пока не успокоится въ Тебѣ,» взываетъ Блаженный Августинъ. А когда оно успокоится? Конечно не здѣсь на землѣ. Если то вѣрно, что никому нехочется разстаться съ сею жизнію, то не болѣе ли несомнѣнно, что ею никто недоволенъ? Чѣмъ же объяснить это недовольство? Воспитаніемъ? Но воспитаніе не есть что-либо однообразное между людьми и притомъ оно можетъ такъ, или иначе развивать естественныя стремленія души, а сообщить ихъ ей не въ состояніи. Изъ воспитанія неудивительно изъяснить различныя виды недовольства нашего, но никогда нельзя полагать онаго въ основную, внутреннюю причину самаго

недовольства, которая находится не внѣ насъ, но въ глубинѣ нашего духа. Творческимъ воображенiемъ? Но постоянство, всеобщность и непреодолимость нашего стремленiя къ лучшему заставляютъ предполагать, что мы ищемъ добра дѣйствительно существующаго, а не созданнаго воображенiемъ, которое впрочемъ не могло бы и создать его, еслибъ въ душѣ нашей не было никакого влеченiя къ лучшему. Построенiемъ понятiй? Но оно есть нѣкотораго рода удовлетворенiе природнаго нашего настроенiя къ лучшему, а не начало; оно не только не объясняетъ нашего недовольства ни чемъ земнымъ; напротивъ и само иначе не можетъ быть изъяснено, какъ предрасположенiемъ души нашей къ чему-то совершеннѣйшему всякаго видимаго совершенства. Высшимъ нѣкоторымъ духовнымъ опытомъ? Но опытъ вообще взятый предполагаетъ способность, а способности нельзя представлять безъ внутренняго влеченiя къ раскрытiю себя въ извѣстнаго рода дѣятельности. И такъ, что же тревожитъ духъ человѣческiй и побуждаетъ его искать чего-то невѣдомаго и всегда лучшаго? Разумное начало, развиваемое при помощи внѣшнихъ обстоятельствъ,—назовите его какъ угодно,—разумнымъ инстинктомъ,

воспріятіемъ впечатлѣній высшаго міра или образомъ, стрѣмящимся къ своему первообразу. Допуская это начало, мы отнюдь не признаемъ его чѣмъ либо похожимъ на врожденныя идеи, допущенныя Лейбницемъ, а почитаемъ только отличительнымъ признакомъ дѣятельности разумной (rationis) и вмѣстѣ самою дѣятельностію разума, безъ которой не было бы нужды не только возвышать его надъ прочими способностями, но и принимать существованіе.

§ 91. Большая часть рода человѣческаго непонимаетъ или ложно понимаетъ влеченія разумнаго инстинкта, думая удовлетворить имъ чувственными предметами. Отсюда ненасытимая жажда къ пріобрѣтенію земныхъ сокровищъ, славы и почестей. Но есть люди, прояснившіе требованія разума до свѣтлыхъ умопредставленій или идей. Это проясненіе совершается подъ условіемъ правильнаго развитія и вѣрнаго направленія всѣхъ способностей, для чего, безъ сомнѣнія, потребно хорошее воспитаніе и постоянное за своими поступками наблюденіе. Симъ только образомъ темныя хотя и сильныя внушенія разумныя приходятъ мало по малу въ сознаніе и могутъ быть переведены, съ помощію опыта, на ясныя умопредставленія. Тутъ-то

открываются умственныя очи; темное чувство Существа совершеннѣйшаго преобразуется въ живую идею Божества, которая въ разсудкѣ обнаруживается идеею истины, въ волѣ идеею блага, въ сердцѣ идеею прекраснаго, подобно, тому, какъ солнце отражается тройственнымъ въ трехъ сосудахъ воды. Какъ бы то ни было, только идеями проникается и живится весь составъ, все существо души, понимающей голосъ разумный. И чѣмъ чище сердце у человѣка чѣмъ святѣе воля, тѣмъ яснѣе его умопредставленія и живѣе,—такъ, что на высшей степени ясности и живости они могутъ разрѣшаться въ видѣніе или созерцаніе духовныхъ предметовъ. Таковы видѣнія Пророковъ и святыхъ мужей. Хотя они были по особенному Божію усмотрѣнію, однако такимъ лицамъ, которыя способны были къ созерцанію вещей невидимыхъ, постигаемыхъ однимъ разумомъ.

§ 92. Идеи часто смѣшиваются съ понятіями,—напрасно. а) Понятія составляются чрезъ отвлеченіе и, будучи взяты отдѣльно отъ предметовъ, суть мертвы; въ идеяхъ напротивъ заключается полнота жизни, потому что онѣ не наше созданіе, а проистекаютъ отъ источника всякой жизни, развиваются изъ разумнаго

инстинкта, вложеннаго Творцемъ въ нашу душу. б) Понятія внѣ нашего разсудка не существуютъ, а идеи внѣдрены въ твореніе Божіе; ибо каждая тварь не есть ли живая мысль въ разумѣ Божественномъ? первыя снимаются съ предметовъ, а послѣднія разливаютъ жизнь въ природѣ и возникаютъ въ насъ изъ насъ самихъ. в) Подъ формою понятій только сохраняется то, что мы знаемъ о бытномъ, а идеи имѣютъ побудительную власть надъ нами; онѣ безотвязно требуютъ произведеній лучшихъ, совершеннѣйшихъ, образцовыхъ. г) Идея есть типъ своего предмета; ибо она обнимаетъ собою всѣ его стороны, всѣ состоянія и измѣненія, въ настоящемъ и будущемъ, въ дѣйствительномъ и возможномъ существованіи; понятіе напротивъ только стремится къ этой цѣли, никогда совершенно ея не достигая. д) Идея способна развиваться до безконечности и въ этомъ развитіи можетъ быть, не измѣняясь въ сущности, всегда свѣжа, всегда нова и занимательна; понятія же заключаются въ опредѣленныхъ рамкахъ и формулахъ и передаются однообразно изъ школы въ школу, изъ поколенія въ поколеніе; малѣйшее измѣненіе касается ихъ сущности. е) Идеи, взятыя сами въ себѣ, всегда положительнаго

свойства и всегда истинны, а понятій тьма ложныхъ, превратныхъ и отрицательныхъ. ж) Наконецъ для составленія понятій необходимо въ различныхъ предметахъ подметить общія черты и привесть ихъ въ единство сознанія, уничтоживъ мысленно черты частныя. Въ идеяхъ ничего подобнаго нѣтъ. Онѣ возбуждаются въ насъ по поводу опыта, но не самымъ опытомъ, и возникаютъ вдругъ, а не чрезъ отвлеченіе какое-либо и обобщеніе.

§ 93. Идеи безчисленны, хотя всѣ онѣ имѣютъ отношеніе къ тремъ упомянутымъ нами идеямъ истины, блага и прекраснаго, которыя можно назвать первостепенными. Ибо идеями проникаются всѣ науки и искуства; идеи составляютъ задачу, которую рѣшаетъ родъ человѣческій своимъ бытіемъ; по идеямъ все живетъ и дѣйствуетъ, весьма часто не сознавая ихъ; роза выражаетъ идею красоты, незабудка идею вѣчной дружбы и т. д. Что касается до порядка возникновенія идей въ нашемъ духѣ то ни одной изъ нихъ нельзя назвать ни первою ни послѣднею безотносительно. Всѣ онѣ, какъ въ сѣмени, заключаются въ непреодолимомъ стремленіи души нашей къ безпредѣльному и возникаютъ изъ него, входя въ составъ одна другой и

одна другую возбуждая по какому-либо поводу. Личныя свойства каждаго, воспитаніе, обстоятельства жизни, отношенія ко внѣшнему міру, привязанность къ извѣстнымъ занятіямъ и наблюдательность бываютъ причиною того, что одна изъ идей пробуждается ранѣе, другая позже, а иная вовсе остается невѣдомою; одна влечетъ къ осуществленію себя съ большею силою, другая съ меньшею, а третья только скользитъ по душѣ, не оставляя по себѣ ни какихъ слѣдовъ, или возникаетъ съ живостію, но вскорѣ подавляется низкими наклонностями либо развлеченіями. Посему разсматривая исторію народовъ, мы находимъ, что однѣ идеи у нихъ были развиты, а другія нѣтъ; въ одной націи въ жертву извѣстныхъ идей принесено все,—и капиталъ, и здоровье и самая жизнь; а въ другомъ государствѣ онѣ остались въ пренебреженіи; тамъ свои идеи одушевляли народный духъ и двигали его силы.

§ 94. Когда мы пытаемся осуществить идею, то первый опытъ, по сличеніи съ нею, обыкновенно оказывается весьма недостаточнымъ, ничтожнымъ. Новыя попытки, опять несовершенства и такъ далѣе и далѣе. Такимъ образомъ идея, въ своей неисчерпаемой полнотѣ взятая,

переходитъ въ идеалъ, въ образецъ, въ цѣль, къ которой духъ нашъ стремится и отчасти можетъ приближаться, хотя безъ надежды вполнѣ ея достигнуть. Отношеніе идеальнаго къ дѣйствительному весьма замѣчательно. Ибо 1) тутъ рѣзко обозначается какъ величіе природы человѣческой, такъ и ея бѣдность. Величіе: потому что въ ней есть внутреннее призваніе къ осуществленію, къ воплощенію безконечнаго въ конечныхъ формахъ. Бѣдность: потому что она борется, изнемогаетъ и падаетъ подъ этимъ бременемъ, на нее возложенымъ. Отсюда-то антиноміи разсудка,—которыя не умѣя согласить, онъ впадаетъ или въ отчаянный идеализмъ, или въ слѣпой эмпиризмъ. 2) Стремленіе наше къ идеальному не есть стремленіе къ чему-либо чисто воображаемому; нѣтъ, это стремленіе къ Существу безконечному, отъ котораго все произошло и къ Которому, по выраженію одного глубокомысленнаго философа, все стремится. По сему, ища безконечнаго, дѣйствительно существующаго, мы никогда вполнѣ не можемъ обрѣсти Его, не потому, что бы Оно намъ не открывалось, но потому, что мы конечны и Безконечное слѣдовательно есть безконечный для насъ идеалъ. Вотъ объясненіе того, почему истина,

благо и счастіе составляютъ для насъ недостижимые идеалы и, кажутся тѣмъ дальше отъ насъ, чѣмъ ближе мы быть къ нимъ стараемся! Если мы ищемъ истины и добиваемся какъ бы узнать то, въ чемъ ее предполагаемъ; если есть люди, которые заботятся только о томъ, чтобы быть святыми; если нѣтъ ни одного человѣка, который бы не жаждалъ счастія; короче сказать, если всѣ люди стремятся къ лучшему, а оно какъ бы удаляется отъ нихъ, то это ничего болѣе не значитъ какъ только то, что человѣкъ, какъ ни будь добръ или счастливъ, все онъ добръ и счастливъ конечно, тогда, какъ стремленіе въ немъ есть стремленіе къ безконечному. Такимъ то образомъ, 3) мы живемъ, собственно говоря, полу-дѣйствительнымъ и полу-идеальнымъ. Дѣйствительное потому только для насъ сколько-нибудь и лестно, что въ немъ мы находимъ свое идеальное; и наоборотъ, идеальное потому единственно манитъ насъ къ себѣ, что оно можетъ переходить и переходитъ въ дѣйствительность. Чѣмъ обыкновенно мы живемъ и довольствуемся? надеждами на будущее; мечтаніями, что получимъ и то, и другое и третье; что со временемъ жизнь наша перемѣнится, будетъ легче для насъ, разнообразнѣе

и пріятнѣе. Но отъчего наши надежды на будущее? Если бы дѣйствительность ничего въ пользу этого не говорила, то ихъ никогда бы не было. Итакъ пусть настоящее скудно, неудовлетворительно, но будущее радуетъ насъ. И наоборотъ, пусть будущее только радуетъ насъ, его нѣтъ; за то настоящее, каково бы ни было, дѣйствительно существуетъ, а бытіе всегда лучше небытія, которое можно только представлять лучшимъ, а неизвѣстно лучше-ли оно будетъ въ самомъ дѣлѣ.

§ 95. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы во все лишенъ бы былъ разумности, но она обнаруживается весьма разнообразно; на высшихъ степеняхъ умственной дѣятельности она является въ геніи и талантѣ.

Слово геній соотвѣтствуетъ греческому демонъ, которое у древнихъ принималось не въ одинаковомъ значеніи. Иногда подъ нимъ разумѣли добрыхъ духовъ, хранящихъ людей, присвояя не только одного; но и нѣсколькихъ одному недѣлимому лицу; въ этомъ смыслѣ греки говорили о Сократѣ, что онъ имѣетъ демона. Иногда подъ симъ словомъ понимали и противное,—духовъ злыхъ, научающихъ лукавству и самыхъ людей недобрыхъ, какъ можно видѣть

изъ многихъ мѣстъ Новаго Завѣта. Въ новѣйшія времена много и весьма различно толковали о геніи, такъ что это названіе нерѣдко обращаемо было въ иронію и шутку. Наконецъ хотя не согласились во всемъ, по крайней мѣрѣ большею частію геніемъ называютъ самый высшій даръ человѣческаго разумѣнія, въ которомъ можно усматривать какъ бы нѣкоторое участіе силы небесной, дыханіе Ангела Свѣтлаго. А слово демонъ, въ строгомъ смыслѣ, удержало значеніе противное генію,—то самое, которое находится въ Евангеліи.

§ 96. Отличительныя черты генія суть:

1. Изобрѣтательность. Онъ творитъ, а не подражаетъ тому, что уже до него сдѣлано, и производитъ всегда великое; важное въ отношеніи къ потребностямъ человѣческимъ и существеннымъ цѣлямъ рода нашего, а не мелочное, что доступно, такъ называемымъ, великимъ людямъ на малыя дѣла.

2. Неистощимость. Истинный геній отличается отъ обыкновенныхъ дарованій полнотою духовной жизни и свѣжестію идей, по которой онъ всегда молодъ и твердъ, всегда носитъ въ себѣ сѣмена для новыхъ, вѣковыхъ произведеній, сколько бы ни плодотворилъ науку или искуство. Отсюда новый признакъ его есть

3. *Всеобъятность* того предмета, который подвергается его разсмотрѣнію. Онъ производитъ всегда цѣлое, стройное, гармоническое, исчерпываетъ идею до самой глубины ея и, если касается мимоходомъ чего-либо, касается такъ метко, хотя и неожиданно, что и здѣсь оставляетъ ясные слѣды своей неподражаемости.

4. *Своеобразность или особность* по направленію. Геній походитъ на одного только себя; онъ налагаетъ на всѣ свои произведенія печать своего особеннаго, ему одному свойственнаго, характера. Оттого никакія наставленія не могутъ вдохнуть человѣку геніальности; оттого ни одинъ геній не можетъ быть подмененъ другимъ, оттого ни какой даровитый мужъ неможетъ привести къ концу недоконченнаго геніальнаго произведенія соотвѣтственно идеѣ, положенной виновникомъ его въ основаніе; оттого наконецъ нерѣдко необходимы бываютъ толкованія на творенія людей геніальныхъ.

5. Образцовость въ созданіяхъ. Что производитъ геній, то могутъ многіе посредственные умы, не понимая охуждать изъ зависти, что у нихъ отнимаютъ пальму первенства; но никогда не можетъ быть, чтобы геніальное произведеніе осталось безъ признательности и уваженія здра-

вомыслящихъ не только современниковъ, но и потомства; геніальное всегда геніально, въ какомъ бы родѣ оно ни было, въ области ли науки (геніи ученые) и искуства (геніи эстетическіе) или въ области политики, законодательства, нравственности и вѣроученія (геніи практическіе.)

6. Вообще геній оригиналенъ въ идеѣ своихъ произведеній, и въ развитіи ея, въ планѣ и его осуществленіи, въ самыхъ тонкихъ оттѣнкахъ мыслей и въ образѣ выраженія. Притомъ, онъ врагъ всякаго безсмысленнаго вольнодумства, мечтающаго отличиться предъ свѣтомъ тѣмъ, что противно здравому смыслу и существующему порядку вещей, всякаго пустаго затѣйничества, напрасно истощающагося въ проэктахъ и спекуляціяхъ, всякаго шарлатанства, думающаго удивить свѣтъ хитростями и обманомъ, наконецъ всякой неестественности, притворства, безпорядковъ, всего низкаго въ мысляхъ и поступкахъ. Но совершенную противоположность генія составляетъ кретинизмъ или безсмысліе, происходящее въ слѣдствіе органическаго разстройства, уродливостей, сильныхъ страстей и распутной жизни.

§ 97. Впрочемъ не во всѣхъ геніальныхъ твореніяхъ упомянутыя отличія встрѣчаются на

одинаковыхъ степеняхъ. Въ наукѣ, гдѣ необходима болѣе строгая точность и гдѣ сила мышленія связывается часто условными формами, изобрѣтательность и особое направленіе генія не можетъ обнаруживаться съ такою свободою и разностію, какъ въ искуствахъ. Въ практическомъ геніи главное,—не новость идей и предначертаній, а польза ихъ, удобоприложимость къ житейскому быту и усовершеніе его чрезъ вѣрное достиженіе предположенныхъ цѣлей. Равно и образцовость имѣетъ свои разности въ приближеніи къ идеаламъ истины, блага и красоты, такъ что образованіе, время и вкусъ налагаютъ на классическія творенія свои клейма, которыя никогда не изглаживаются и даютъ право имъ иногда на большее, иногда на меньшее вниманіе потомства. Тожe должно сказать и касательно обширности генія. Въ извѣстной отрасли знанія онъ можетъ обнимать болѣе или менѣе предметовъ, можетъ отличиться въ одномъ или нѣсколькихъ родахъ произведеній. Такимъ образомъ, иной писатель геніаленъ въ комедіи, другой въ трагедіи, третій въ нѣсколькихъ родахъ Поэзіи и краснорѣчія. Но, такъ называемые, всеобщіе геніи, которые будто къ чему ни коснутся въ наукахъ и искуствахъ на все на-

лагаютъ печать творчества и оригинальности, составляютъ чудо, доселѣ никогда еще не бывалое. Ибо, для генія и въ извѣстномъ только родѣ умственныхъ произведеній требуется гармоническое сочетаніе почти всѣхъ способностей духовныхъ, такъ какъ въ составъ его необходимо входятъ: глубокое чувство, живое воображеніе, здравый и тонкій вкусъ, твердость и проницательность ума, живое сознаніе въ себѣ идей, увлекающихъ къ производительности и вѣрное направленіе, соединенное съ напряженною дѣятельностію, къ достиженію одной главной цѣли, къ осуществленію одной великой мысли. Каковъ же долженъ быть геній универсальный, если онъ возможенъ? Его должны бы составлять не человѣческія, сверхъестественныя силы, отъ напряженія которыхъ впрочемъ не могла бы устоять наша организація. Въ одномъ только томъ смыслѣ можетъ быть допущена всеобщая геніальность, что иногда въ человѣкѣ скрывается такой даръ, такая непобѣдимая сила, которая порываетъ, мучитъ, нудитъ его къ занятіямъ во всѣхъ родахъ умственной дѣятельности, не даетъ остановиться надолго ни на какой опредѣленной отрасли вѣдѣнія, но влечетъ все дальше и дальше до тѣхъ поръ, пока не исто-

щитъ жизненныхъ силъ и не приблизитъ труженика ко гробу. Такимъ геніямъ суждено все начинать и, ничего не конча, отходить въ вѣчность. Таковъ нашъ Ломоносовъ, который, будучи рожденъ для славы Россіи, не показалъ себя рѣзко геніемъ ни въ одной отрасли знанія и, изнуривъ себя, умеръ съ полною преданностію наукѣ.

§ 98. Геній, назначенный Провидѣніемъ къ совершенію великаго, недолго можетъ скрываться въ неизвѣстности; еще за долго до вступленія на свое поприще, еще съ самаго дѣтства, онъ по большой части даетъ себя знать а) горячею страстію ко всему тому, что имѣетъ отношеніе къ дѣятельности, для которой онъ призванъ на свѣтъ, б) глубокою скорбію и досадою на самаго себя, при видѣ образцовыхъ произведеній въ кругу знаній, гдѣ ему суждено ознаменовать свое величіе, в) рѣшимостію слѣдовать своему внутреннему призванію, которую всѣ трудности и препятствія, кромѣ смерти, не только не могутъ ослабить, но еще болѣе возбуждаютъ и укрѣпляютъ. Бываетъ иногда, что геній обнаруживается и безъ этихъ предварительныхъ признаковъ его существованія; какъ нѣкоторый огонь, низпосланный свыше, онъ

вдругъ обнимаетъ существо человѣческое, овладѣваетъ способностями душевными, производитъ восторгъ въ самыхъ нервахъ и костяхъ, и, подобно огненной лавѣ, разливается потокомъ мыслей свѣтлыхъ, высокихъ, вѣющихъ дыханіемъ небеснымъ. Но при всемъ томъ, столь внезапное и сильное пробужденіе генія можетъ быть не иначе, какъ подъ условіемъ особенныхъ потрясеній, произведенныхъ въ немъ какими-либо благодѣтельными обстоятельствами. Къ числу сихъ обстоятельствъ относятся: 1) первыя впечатлѣнія на юной, свѣжей душѣ, которыя, какъ въ мягкій воскъ, врѣзываются въ нее глубоко, кроются долго, потомъ мало по малу усиливаются, развиваются и наконецъ воспламеняютъ геній; 2) нужды физическія, нерѣдко заставляющія человѣка въ крайнихъ обстоятельствахъ искать въ себѣ душевныхъ даровъ для облегченія своей горькой доли; 3) страсть къ славѣ и исканіе безсмертія, котораго жаждутъ самые посредственные умы, 4) соревнованіе къ тому, что отличные мужи пользуются особеннымъ уваженіемъ и вниманіемъ своихъ современниковъ; 5) великіе, разительные и близкіе сердцу предметы, возбуждающіе дѣятельность во всѣхъ умахъ, какъ напримѣръ блистательные подвиги отечест-

ва, громъ его оружія, успѣхи политики и промышленности; наконецъ 6) упадокъ нравственности въ согражданахъ и современникахъ (Сократъ), политическое разстройство (Димосфенъ) и необычайныя бѣдствія отечества (Мининъ). Въ сихъ же обстоятельствахъ, между прочимъ надобно сказать, скрываются и причины того, почему нѣкоторые народы въ извѣстное время и въ извѣстномъ родѣ были богаты людьми геніальными.

§ 99. Многіе говорятъ о слабыхъ сторонахъ генія; съ понятіемъ о немъ часто соединяютъ причудливости, странности, излишнюю раздражительность и необузданность духа; посему, на простомъ языкѣ геніальный человѣкъ часто означаетъ необыкновенно даровитаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ такого, который не можетъ ужиться ни съ самимъ собою, ни съ окружающимъ его обществомъ, ни съ существующимъ порядкомъ въ гражданствѣ,—словомъ сказать, не доволенъ ни самимъ собою, ни всѣмъ свѣтомъ. Здѣсь довольно много правды. Геній, какъ даръ небесный, какъ вѣрный инстинктъ, какъ идеалъ духовнаго здоровья, не подверженъ самъ по себѣ никакимъ недугамъ и недостаткамъ; но геніальный человѣкъ, сосудъ вмѣщающій въ себѣ генія, иное дѣло.

а.) Онъ небезпрерывно руководствуется геніемъ. Небесный гость посѣщаетъ его только въ часы уединенія, въ тиши отъ шуму свѣта и страстей, въ минуты углубленія въ самаго себя и одушевленія тою наукою или тѣмъ искуствомъ, о которомъ одномъ бесѣдовать съ нимъ инисходитъ геній. Во всякое другое время геніальный человѣкъ есть человѣкъ обыкновенный, со слабостями и страстями.

б.) Природа человѣческая не перераждается и тогда, когда управляетъ ею геній. Характеръ, склонности, привычки, любимыя мечты и привязанность къ извѣстнымъ предметамъ,—все это остается съ человѣкомъ, не уничтожается геніемъ. Напротивъ, не опредѣляется ли самый геній качествами душевными? Игривость его или меланхолія, особенная сила или нѣжность не суть ли живые отпечатки физіономіи душевной геніальныхъ мужей?

в.) Чѣмъ порывистѣе, чѣмъ безпокойнѣе начинаетъ обнаруживаться геній, тѣмъ болѣе нужно искуства въ его руководствѣ; дурное воспитаніе, испорченный духъ времени и своеволіе легко могутъ дать ему превратное направленіе и сдѣлать его не только безполезнымъ, даже еще опаснымъ для блага человѣческаго. Ис-

торія французской революціи представляетъ намъ не одинъ подобный примѣръ. Не отсюда ли и превосходная басня о разбойникѣ и сочинителѣ, которому сказала гнѣвная Мегера, что

Солнце разу не взойдетъ
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.

. . . .

А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ?

г.) Наконецъ геній самъ по себѣ всегда свѣтлый можетъ помрачаться глумленіемъ разума. Странно подумать, однакожъ нельзя не признать въ нѣкоторыхъ людяхъ геніальности, которая дѣйствуетъ замѣтно и даже неудержимо, но на перекоръ жизни (Байронъ, Гофманъ). Здѣсь человѣкъ находится въ безпрерывной борьбѣ съ собою, и, то не можетъ удержать порывовъ своего духа къ высокому, то издѣвается надъ всѣмъ священнымъ и возвышаетъ низкое. Въ душѣ его носится идеалъ великаго, но не согрѣваетъ ее восторгомъ; однѣ мрачныя думы волнуютъ ее, сквозь которыя изрѣдка, какъ сквозь густыя тучи, ярко пробиваются свѣтлыя идеи. Къ чему стремится этотъ человѣкъ? онъ самъ незнаетъ. Но настоящее всегда для него ненавистно; онъ безпрестанно освѣжалъ бы формы

своего бытія и другихъ, не ограничивая себя ни приличіями, ни принятыми постановленіями, ни цѣлями существованія человѣческаго. Его стихія—безпокойство, его характеръ—безхарактерность, его жизнь—мечты и грезы о чемъ то небываломъ; его всегдашняя задача—воспитать родъ человѣческій по новому плану, стряхнуть съ него пыль старыхъ привычекъ и закоренѣлыхъ обыкновеній. Съ этой задачею онъ не даетъ ни себѣ, ни другимъ покою, не рѣшая впрочемъ ея, самъ составляетъ для насъ задачу Замѣчаютъ въ такихъ людяхъ недостатокъ воспитанія, но избытокъ умственныхъ силъ,—вотъ главное, кажется, начало ихъ бурной жизни, непокоряющееся воспитанію!

§ 100. Талантъ, какъ и геній, есть природный даръ производить отличное въ наукѣ, искуствѣ и жизни, имѣющій также нужду въ образованіи и руководствѣ вѣрными правилами. Но онъ отличается отъ генія 1) тѣмъ, что неприсвояетъ себѣ творческой силы, но довольствуется развитіемъ и поясненіемъ съ различныхъ сторонъ идей генія. 2) Онъ имѣетъ гораздо больще приложенія къ жизни, чѣмъ геній и въ обыкновенномъ быту необходимѣе послѣдняго. 3) Геній по большой части является, подобно

метеору, и мгновенно исчезать, давая задачу таланту, которой въ короткое время не возможно рѣшить, взвѣсить и раскрыть всесторонним образомъ. Посему 4) геніи раждаются вѣками, а таланты являются во всякое время и часто въ немаломъ числѣ. Впрочемъ истинный геній всегда есть вмѣстѣ и талантъ; не укрѣпляемый послѣднимъ, онъ не можетъ раскрыться во всемъ своемъ могуществѣ и величіи.

§ 101. Талантъ обнаруживается многоразлично; но изъ всѣхъ видовъ его имѣютъ особенную важность въ наукахъ и жизни

а.) *Даръ наблюдательности.* Онъ состоитъ въ открытіи существенныхъ качествъ, еще никѣмъ неподмѣченныхъ въ природѣ и между тѣмъ имѣющихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не малую важность. Если же дѣло касается распространенія наукъ и доставленія имъ большей прочности, то талантъ оказывается не только въ нахожденіи новыхъ и имѣющихъ для извѣстной науки особливую важность сторонъ, но и самое содержаніе ея можетъ возводить на высочайшій степень достовѣрности,—что, безъ сомнѣнія, требуетъ глубокихъ предварительныхъ размышленій и соображеній. Наблюдательности противуполагается разсѣянность или вѣтренность,

не замѣчающая тѣхъ чертъ въ предметѣ, которыя прямо ей на глаза представляются.

б.) *Остроуміе.* Оно обнаруживается въ рѣзкихъ, меткихъ, игривыхъ, никакого труда для ума не предполагающихъ, но между тѣмъ замысловатыхъ сочетаніяхъ мыслей или словъ. По сему нельзя назвать остряками ни тѣхъ, которыхъ остроты слишкомъ пошлы, плоски, или не возбуждаютъ никакой игры въ умѣ, ни тѣхъ, которые даютъ ясно замѣчать, что имъ дорого стоитъ каждое острое выраженіе. Странно впрочемъ, что остроуміе, предполагающее богатство мыслей, живость и легкость воображенія, для того, чтобы сближать между собою вещи самыя разнородныя, и сверхъ того нѣкоторую природную легкость умственныхъ силъ, часто дѣлается любимымъ предметомъ людей недаровитыхъ, на которыхъ и жаль и смѣшно смотрѣть. Острота можетъ нравиться только тогда, когда она благородна, простодушна, занимательна, сказана въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Остроумію противуположно тупоуміе, зависящее или отъ органическихъ недостатковъ, или отъ природной слабости душевной, при которой человѣкъ съ трудомъ понимаетъ то, что ему вперяется въ голову и что притомъ не требуетъ почти никакого размышленія.

в.) *Проницательность.* Она познается изъ отысканія въ предметахъ, имѣющихъ большое сходство между собою, такихъ свойствъ и разностей, которыхъ обыкновенный умъ подмѣтить не можетъ. Высшій степень ея есть тонкость, состоящая въ различеніи самыхъ сходныхъ чертъ предмета, несходства которыхъ никто неподозрѣвалъ, и обращается иногда въ недостатокъ, извѣстный подъ именемъ утонченности. Очевидно, что проницательность въ противуположность остроумію, требуетъ большаго напряженія душевныхъ способностей, пріобрѣтается немалыми усиліями и утверждается навыкомъ. За то, цѣль ея не легкая, умная бесѣда, не забава, но точность и отчетливость въ наукахъ,—качества, для которыхъ она совершенно необходима. Проницательному уму противупоставляется поверхностный, который мало того, что не можетъ углубляться въ сокровенные изгибы предметовъ, даже не замѣчаетъ въ нихъ и найденныхъ уже разностей.

г.) *Глубокомысліе.* Оно состоитъ въ приведеніи къ единству того, что остроуміе забавно совокупляетъ, а проницательность тонко разъединяетъ. Его законъ есть законъ логическаго сродства или непрерывности, по которому раз-

родныя явленія природы подводятся подъ одни общіе законы; его правило находить внутреннюю связь между самыми, повидимому, не связными предметами или событіями. Ему же одолжены мы всѣмъ, что метафизика имѣетъ основательнѣйшаго, хотя нельзя сказать, чтобы и сей даръ не былъ иногда употребляемъ въ орудіе лжемудрованій. Въ противуположности къ глубокомыслію находится легкомысліе, обнаруживающееся въ кривыхъ и сбивчивыхъ толкахъ, выдаваемыхъ съ твердою увѣренностію за истины, пока не обличатъ ихъ неосновательность. Знакъ человѣка легкомысленнаго,—толковать обо всемъ на удачу, произносить дерзкій приговоръ о томъ, чего почти не понимаетъ, безпрестанно проговариваться и думать о себѣ, какъ о человѣкѣ многосвѣдущемъ, ничего хорошо не зная.

д) *Предусмотрительность.* Это—талантъ, по вѣрному познанію законовъ, лежащихъ въ основаніи явленій, или хода произшествій въ мірѣ, безошибочно предугадывать будущее. Строго говоря, будущее кому извѣстно, кромѣ Бога? Онъ одинъ видитъ грядущія судьбы народовъ и участь каждаго недѣлимаго. Но Онъ же подчинилъ все въ природѣ извѣстнымъ законамъ, ко-

торыхъ безъ особенныхъ цѣлей и причинъ не перемѣняетъ и человѣку знать не отказываетъ. Слѣдственно, даръ предвѣдѣнія, какъ плодъ зрѣлаго наблюденія надъ естественнымъ ходомъ произшествій и знанія законовъ, по которымъ они совершаются, не неестественъ человѣку и можетъ казаться чудеснымъ только для тѣхъ, которые невѣрятъ, что въ маловажныхъ, по видимому, обстоятельствахъ дальновидный умъ можетъ видѣть сѣмена будущихъ важнѣйшихъ событій. Сюда относятся предвѣщанія глубокихъ политиковъ, касательно судьбы Государствъ. Само собою разумѣется, что нельзя присвоять естественной предусмотрительности пророчествъ, касающихся такихъ событій, которыхъ ни законы, ни предыдущія обстоятельства, по которымъ бы можно было судить объ нихъ, совершенно неизвѣстны. Равнымъ образомъ, тотъ не имѣетъ таланта предусмотрительности, кто случайно или наугадъ успѣлъ предсказать что либо будущее оправдавшееся въ послѣдствіи времени самымъ дѣломъ.

e.) *Талантъ практическій или художническій.* Онъ открывается въ способности развязывать запутанныя обстоятельства, удачно подмѣчая и обращая въ свою пользу какой-либо

благопріятный случай, отъ котораго все дѣло получаетъ новый оборотъ и который, бывъ опущенъ безъ вниманія, не могъ бы быть возвращенъ. Не безъ причины сей талантъ ставятъ выше прочихъ. Если жизнь частныхъ людей, то особливо жизнь политическая, такъ многосложна, безопасность ея часто бываетъ поставлена въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, что нельзя не быть признательными къ тѣмъ героямъ, которые напр. спасаютъ отечество на краю бездны, готовой поглотить его, или возвращаютъ ему свободу и независимость, воспользовавшись выжданною минутою, безъ подлой хитрости или низкаго коварства. И наоборотъ, если соображать, сколько благихъ предпріятій въ родѣ человѣческомъ осталось безъ исполненія, или испорчено, или погибло въ самыхъ начаткахъ, то нельзя не пожалѣть, что здѣсь не доставало практическаго таланта. Неудивительно, что такого рода таланты весьма рѣдки; удивительно то, что они хотя нерѣдко, но являются. Ибо въ нихъ счастливо соединяется все,—и даръ наблюдательности и проницательность, и глубокомысліе, и предусмотрительность, нерѣдко самое остроуміе; а ко всему этому присовокупляется отличное умѣнье пользоваться

временемъ и обстоятельствами, совершать малыми средствами великія дѣла. Сколько стараній и усилій потребно, чтобы всѣ дары щедрой природы развить порознь, для этого нуженъ талантъ именно практическій.

Примѣчаніе. Нѣкоторые причисляютъ къ талантамъ многообъятный умъ. (*) Не чрезвычайная обширность познаній часто зависитъ не столько отъ ума, сколько отъ счастливой памяти; при томъ она рѣдко соединяется съ основательностію, почему и говорить объ ней, какъ отличномъ отъ прочихъ талантѣ, нѣтъ ни какой причины. Равнымъ образомъ дѣти показывающія необыкновенные успѣхи въ наукахъ или искуствахъ еще не могутъ быть признаны талантами. Ибо

а) Успѣхи ихъ обыкновенно относятся къ наукамъ и искуствамъ болѣе доступнымъ механизму и, вѣроятно, механическіе.

б) По опыту извѣстно, что преждевременное развитіе способностей въ дѣтяхъ, отъ чего бы оно не зависѣло, или стоило имъ жизни, или останавливалось вмѣстѣ съ дѣтскимъ возрастомъ; немного этому исключеній. Скорѣе можно пос-

---

(*) Картина челов. Галича стр. 545.

тавить въ ряду талантовъ *самоучекъ,* которые собственными усиліями, безъ науки, дошли до нѣкоторыхъ механическихъ открытій. Жаль, что они рѣдко слушаютъ науку!

ГЛАВА II.

О *способности желательной.*

§ 102. Способность желательная есть не что иное, какъ способность стремленій души нашей къ внѣшнимъ предметамъ и опредѣленіе ихъ по личнымъ видамъ, или безъинтерессно Она отличается отъ способности разумѣнія

а) Тѣмъ, что когда мы стараемся познать какую либо вещь, то вступаемъ съ нею въ сношеніе мыслію только или умомъ, хотя и посредствомъ чувствъ; но когда желаемъ чего либо, то не довольствуемся однѣми мыслями о предметѣ, хочемъ пріобрѣсть его, имѣть во владѣніи или въ собственности и пользоваться имъ.

б) Познанія съ желаніями находятся въ обратномъ отношеніи. Чѣмъ болѣе мы пріобрѣтаемъ познаній, тѣмъ болѣе развиваются и увеличиваюся наши желанія; и наоборотъ, чѣмъ

большаго желаемъ, тѣмъ больше побуждаемся къ распространенію познаній. Посему

в) Сила желательная служитъ и внутреннимъ побужденіемъ и цѣлію для познавательной, а познавательная поводомъ и орудіемъ для желательной. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы въ духѣ нашемъ не было ни какихъ желаній, то чтобы могло возбудить въ насъ любознательность? Съ другой стороны, для чего мы пріобрѣтаемъ познанія? Ужели для того только, чтобы знать вещи? Не въ знаніи цѣль нашей жизни, которое само по себѣ сухо, пусто и кичливо, но въ чистотѣ желаній и чувствованій, въ доброй дѣятельности. Къ сей то цѣли должно весть насъ знаніе и въ ней только одной оно получаетъ свое высокое значеніе. Отсюда

г) Знаніемъ никогда не опредѣляется безпорочность желаній, ибо самый умнѣйшій человѣкъ можетъ быть худой нравственности. Но добрыми нравами прикрываются недостатки ума не только предъ людьми, даже и предъ Богомъ.

§ 103. Основаніе желательной способности находится въ свободѣ, точно такъ, какъ познавательной въ разумности [§ 27]; ибо мы не можемъ иначе и представить обнаруженій свободы, какъ подъ формою желаній. Посему кругъ

11.

дѣятельности практической опредѣляется царствомъ свободы, а царство свободы такъ обширно, что вмѣщаетъ въ себѣ не только духовный, но и чувственный міръ, поколику онъ служитъ поприщемъ для дѣятельности разумныхъ существъ. Удивительно ли послѣ сего, что желаніямъ человѣческимъ нѣтъ конца? Впрочемъ душа наша, какъ въ хотѣніяхъ своихъ, такъ и въ самыхъ поступкахъ ограничивается познавательною способностію, которая одна даетъ поводъ намъ желать того или другаго. Есть пословица: ignoti nulla cupido. Посему расширеніе или сокращеніе желаній зависитъ отъ обширности или бѣдности нашего знанія. Что касается до различныхъ видовъ желательной способности, то они опредѣляются назначеніемъ свободы,—возвысить инстинктуальныя влеченія нашей души въ нравственныя, преобразовать необходимость природную въ необходимость разумную, моральную. Выполненіе этого назначенія можетъ быть начато не иначе, какъ съ *инстинкта природы*, который въ *нравственную необходимость* переходитъ только посредствомъ *произвола*, по большей части останавливающаго человѣка на распутіи между естественными влеченіями души и истинно свободными. Ясно, что

инстинктъ соотвѣтствуетъ въ теоретическихъ силахъ способности воспріятія; произволъ разсудку, свободная воля разуму [§ 41]. Въ сихъ-то трехъ отношеніяхъ мы и станемъ разсматривать способность желательную.

1. ИНСТИНКТЪ.

§ 104. Подъ именемъ инстинкта разумѣется нѣкоторая недовѣдомая сила природы, безотчетно и непреодолимо влекущая душу нашу къ дѣятельности извѣстнаго рода, или къ пріобрѣтенію чего либо. Виды его суть слѣдующіе:

1. *Инстинктъ чувственный.* Онъ состоитъ въ слѣпомъ стремленіи души къ развитію и поддержанію ея собственнаго организма тѣлеснаго. Мысль Шталя, что душа есть строительница тѣла, можетъ казаться съ перваго взгляда странною, потому что мы не сознаемъ себя виновниками органическихъ отправленій; но въ чемъ же и состоятъ отправленія души младенческой первоначально, какъ не въ развитіи органической жизни? Жизненные процессы въ тѣлѣ для насъ совершенно не чувствительны; но это потому, что они совершаются по законамъ необходимости. Мало ли состояній, въ которыхъ дѣятельность

души безсознательная и необходимая кажется ей чуждою (сновидѣнія, магнитизмъ)? И наоборотъ, въ сильныхъ болѣзняхъ сознаніе не доходитъ ли до ощущенія самыхъ костей, составляющихъ основу органической жизни? Мы не знаемъ въ чемъ состоитъ дѣло художественнаго образованія нашего тѣла; но знаемъ ли въ чемъ состоитъ механизмъ, напримѣръ мышленія? Короче сказать, мы не сознаемъ въ себѣ двухъ душъ, но одну, которая прежде всего обнаруживается въ стремленіи развивать и поддерживать свой организмъ (*) Отсюда Физіономика беретъ свои начала; отсюдаже объясняется и то, что человѣкъ иногда по чувственному инстинкту одну пищу обращаетъ себѣ въ необходимую потребность, а отъ другой невольно отвращается.

2. *Инстинктъ разумѣнія.* Это-необходимое влеченіе души къ познанію внѣшнихъ предметовъ, хотя безсознательное. По силѣ его, младенецъ не произвольно открываетъ глаза для замѣчанія и различенія своей матери отъ другихъ; по силѣ его, дитя старается подражать дѣйст-

(*) Это мнѣніе развито въ руководствѣ къ опытной Психологіи, сост. Орестомъ Новицкимъ.

вiямъ, которыя видитъ, и прилежно слушаетъ, что говорятъ, даже тогда, когда не понимаетъ словъ самыхъ. Этимъ инстинктомъ природа даетъ знать родителямъ; какъ необходимо для чадъ ихъ умственное воспитанiе и какъ душѣ нашей, по самой природѣ истина сродна. Имъ же изъясняется обыкновенное явленiе, что когда мы принимаемъ истину, то намъ кажется она давно уже извѣстною.

3. *Инстинктъ добра.* Онъ обнаруживается въ безотчетномъ стремленiи къ ощущенiямъ добра и зла и къ выраженiю ихъ внѣшними знаками. Доказательствомъ этого служатъ слезы, негодованiе и многiя другiя подобныя явленiя, которыя заставляютъ предполагать въ дѣтяхъ необходимое влеченiе души къ лучшему положенiю и къ проявленiю его наружу. Съ особенною силою этотъ инстинктъ открывается въ дѣтяхъ, когда родители стараются болѣе развить его въ нихъ, дѣйствуя на инстинктъ разумѣнiя.

§ 105. Сверхъ сихъ инстинктовъ, относящихся къ различнымъ способностямъ душевнымъ, есть еще три инстинкта, которые упражняютъ дѣятельность всей души, и потому могутъ быть названы общими по отношенiю къ ея силамъ. Они суть:

1. *Инстинктъ слова.* Онъ состоитъ въ стремленіи души—выражать ощущенія, желанія и состоянія свои словами, или какими нибудь знаками. Ясно, что обнаруженіе сего естественнаго стремленія предполагаетъ духовное рожденіе, или влеченіе души къ развитію жизни собственно духовной. Впрочемъ отсюда не слѣдуетъ, будто инстинктъ слова тогда начинаетъ раскрываться, когда уже мышленіе, желаніе и чувствованіе пробуждаются со всею силою. Опытъ показываетъ, что не только дѣти, еще не могущіе произносить членораздѣльныхъ звуковъ, но и животныя хотятъ выражать свои чувства различными знаками и взглядами. Только усовершеніе способности говорить зависитъ отъ развитія силъ душевныхъ.

2. Инстинктъ—*воспроизводитъ родъ свой.* Это слѣпое стремленіе, свойственное всѣмъ тварямъ природы видимой свойственно и человѣку какъ существу, обложенному плотію; оно требуетъ развитія и здороваго состоянія организаціи, потому обнаруживается послѣ другихъ инстинктовъ и оканчивается вмѣстѣ съ упадкомъ жизненныхъ силъ. Неизлишне замѣтить, что Творецъ благоволилъ возвысить родъ человѣческій

и въ дѣятельности его животной; ибо половой союзъ по ученію Божественному, есть таинство; оттого злоупотребленіе имъ вмѣняется въ неизвинительный порокъ.

3. Инстинктъ *самосохраненія.* Это-врожденное стараніе о поддержаніи своего бытія и неловѣдомая любовь къ жизни, таящаяся въ душѣ человѣческой даже тогда, когда существованіе ея на землѣ бѣдственно. Самоубійство, во всѣхъ его видахъ взятое, противно природѣ нашей; притомъ оно доказываетъ не то, чтобы человѣкъ не хотѣлъ жить, а только то, что онъ, желая жить, не имѣетъ духа къ перенесенію непріятностей, такъ часто случающихся съ нами. Неизъяснимая, но всегдашняя непреодолимость нашего убѣжденія въ продолженіи жизни, равно какъ отсутствіе уничтоженія въ цѣлой природѣ, могутъ служить доказательствомъ нашего безсмертія; и тѣ, которые думаютъ, что душа уничтожается съ тѣломъ, говорятъ противъ внутренняго своего убѣжденія, во избѣжаніе отвѣтственности за дурные поступки.

§ 106. Объ инстинктуальномъ состояніи человѣка должно замѣтить:

а) Что оно въ первоначальной простотѣ своей чуждо нашей воли. Если мы говоримъ, что

хотимъ или *нехотимъ* чего либо по инстинкту, если приписываемъ желаніе или отвращеніе самымъ животнымъ, то это не въ собственномъ смыслѣ. Ибо инстинктуальныя требованія всегда отпечатлѣны характеромъ необходимости, а не произвола нашего. Инстинктъ, самъ по себѣ взятый, ничего не избираетъ, только заставляетъ то или другое избирать, не переставая требовать, пока ему не удовлетворишъ. Впрочемъ сила его значительно измѣняется подъ вліяніемъ другихъ способностей и требованія получаютъ болѣе опредѣленности.

б) Въ инстинктѣ заключается безпрерывное, приводящее въ дѣятельность душу, начало, по которому способности ея не остаются чистыми способностями (in potentia), но обнаруживаются въ извѣстныхъ психическихъ явленіяхъ. Почему, если бы кто захотѣлъ истребить въ себѣ это начало, то возсталъ бы противъ жизни своей души, которая состоитъ рѣшительно не въ нашей власти.

в) Такъ какъ Творецъ вложилъ въ насъ весьма много стремленій, и такъ какъ они обыкновенно находятся подъ вліяніемъ высшихъ способностей духа, то одинъ инстинктъ часто слишкомъ развитый служитъ во вредъ другому.

Такимъ образомъ чрезмѣрное удовлетвореніе инстинкту чувственному вредно для инстинкта разумнаго и обратно.

г) Наконецъ, послику чистый инстинктъ есть естественная необходимость, то дѣйствія его невинны. Впрочемъ невинность сія не есть нравственно-добрая, ибо она происходитъ не отъ нашей свободы, а отъ законовъ природной необходимости.

2. ПРОИЗВОЛЪ.

§ 107. Недолго человѣкъ водится однимъ инстинктомъ; уже въ младенческомъ возрастѣ видно стремленіе поступать по своему произволу; дитя сердится, когда не удовлетворяютъ его неразумнымъ требованіямъ, знакъ, что оно хочетъ того, а не другаго. Этому такъ и должно быть. Инстинктъ, самъ по себѣ взятый, есть темное требованіе, которому можно удовлетворять безчисленными, способами. Такъ напр. естественное требованіе пищи и питія можетъ быть удовлетворено истинно безчисленными явствами и напитками. Но въ дѣйствительности, выполненіе требованій инстинктуальныхъ весьма много зависитъ отъ предрасположеній, сообщен-

ныхъ намъ родителями, отъ воспитанія, сообщества и примѣровъ. Къ симъ-то чужимъ корнямъ дѣятельности привлекается нашъ собственный произволъ, растетъ, укрѣпляется и часто доходитъ до необузданности. Его сфера дѣятельности заключается въ пожеланіяхъ или вожделѣніяхъ; онъ есть не что иное, какъ выборъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій, сопровождающійся рѣшимостію, и имѣющій основаніе въ удовлетвореніи ими инстинктуальнымъ потребностямъ нашей природы.

§ 108. Трудно слѣдить, какимъ образомъ возникаютъ и усиливаются въ душѣ нашей пожеланія такихъ вещей, которыя по свойству своему не могутъ составлять для насъ чего либо необходимаго, часто даже нужнаго въ началѣ ихъ употребленія. При всемъ томъ, можно замѣтить, что такого рода вещи сначала составляютъ предметы *прихотей*, потомъ *склонностей*, а наконецъ обращаются въ *привычку*. *Прихоть* есть своенравное хотѣніе того, безъ чего легко бы можно обойтись. Часто она кажется совершенно невинною и можетъ служить къ улучшенію еще внѣшняго состоянія; но въ ней-то и зачинается большая часть нравственныхъ золъ. Ибо одна прихоть раждаетъ другую, а неодно-

кратно повторенныя, онѣ обращаются въ *склонности*. Посему, склонность есть нечто иное, какъ усиленная прихоть, которая требуетъ себѣ пищи хотя не съ непреодолимою силою, но всегда, когда только открывается случай къ ея удовлетворенію. Другой шагъ къ порчѣ души! Правда и здѣсь еще какъ будто нѣтъ большой опасности для человѣка. Почему бы, кажется, не позволить себѣ нѣкоторыхъ удовольствій при случаяхъ? Но склонность не станетъ долго ожидать случая; она сама найдетъ его. А частое удовлетвореніе ей обращается въ привычку, которую не безъ основанія называютъ второю природою. И дѣйствительно, къ чему мы привыкли, то дѣлаемъ безъ размышленія, по нѣкоторому инстинкту, такъ, что часто и сами не замѣчаемъ, какъ дѣлаемъ. Не удивительно, что человѣкъ до самой смерти своей остается рабомъ дурныхъ привычекъ. То, что сначала бываетъ не болѣе, какъ прихотію, отъ лишенія которой мы нисколько бы не ощутили въ себѣ потери, внѣдряется въ душѣ, пускаетъ корни въ глубину ея, дѣлается роднымъ ей и стоитъ необыкновенныхъ усилій, чтобъ быть изъ ней искорененнымъ.

§ 109. Пожеланія возбуждаются, поддерживаются, расплождаются и усиливаются по нѣ-

которымъ общимъ законамъ, хотя совершенно несогласнымъ съ законами разума. Сюда относятся:

1. Желаніе всего того, что обѣщаетъ намъ если не близкое, по крайней мѣрѣ извѣстное состояніе, котораго пріятность испытана. Что угрожаетъ намъ непріятностію, того мы чувственно отвращаемся, какъ бы оно ни полезно было въ послѣдствіи. На этомъ законѣ основывается исканіе и тѣхъ вещей, которыя служатъ средствами къ достиженію положенія по чему бы то ни было для насъ вожделѣнному.

2. Желаніе того, что, льстя чувствамъ, не только возможно, но и силамъ желающаго доступно. Много есть возможнаго для удовлетворенія похотей нашихъ, но многое стоитъ истощенія силъ душевныхъ, и потому можетъ прельщать насъ, но не влечетъ къ себѣ съ непреодолимою силою.

3. Впрочемъ часто желаніе бываетъ сильнѣе, если препятствія къ достиженію предмета нашей склонности кажутся непреодолимыми. Надежда устранить оныя, а особливо нѣкоторый успѣхъ въ этомъ дѣлѣ доставляютъ большое удовольствіе и сильно располагаютъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ.

4. Съ великою горячностію мы стремимся

къ тому, что доставляло упоеніе нашимъ чувствамъ и еще обѣщаетъ новыя наслажденія, соединенныя съ лестными ожиданіями. Но еще болѣе привлекаетъ насъ къ себѣ плодъ запрещенный, потому именно, что онъ запрещенный.

5. Наконецъ склонности и привычки, возникшія изъ благоговѣйнаго подражанія старшимъ себя, какъ напр. у внуковъ несмыслей къ суевѣрнымъ дѣдамъ признаются за нѣчто священное и передаются изъ рода въ родъ.

§ 110. Изъ вожделѣній, часто удовлетворяемыхъ, образуется неудержимая и безразсудная стремительность къ привычнымъ наслажденіямъ, которая называется страстію. Существеннѣйшіе признаки страстей суть слѣдующіе:

а) Они возникаютъ почти незамѣтно, усиливаются съ каждымъ удовлетвореніемъ, вкореняются отъ частаго раздраженія и наконецъ претворяются въ жизнь души, такъ, что остаются въ ней даже тогда, когда жизненныя силы слабѣютъ и предметъ удовлетворенія уже не существуетъ. Посему, не должно смѣшивать со страстями тѣхъ сердечныхъ вспышекъ, которыя такъ же мгновенно проходятъ, какъ и появляются.

б) Сродныя страсти взаимно поддерживаютъ

другъ друга, находятъ пищу себѣ во всѣхъ явленіяхъ и обстоятельствахъ сколько нибудь соприкосновенныхъ къ ихъ обычнымъ наслажденіямъ; а противуположныя ограничиваютъ и стараются вытѣснить одна другую, ожесточаясь противъ всего, что съ видами той или другой несходно. Такимъ образомъ, пьянство поддерживаетъ сладострастіе, но съ жадностію къ золоту ужиться не можетъ.

в) Страсть не позволяетъ предметомъ своимъ наслаждаться другому; къ подобнымъ случаямъ она слишкомъ подозрительна и заблаговременно старается устранять ихъ благовиднымъ образомъ. Скряга—богачь говоритъ о своей бѣдности или разстройствѣ капиталовъ ранѣе, чѣмъ у него станутъ просить одолженія.

г.) Страсть всегда слѣпа, какъ ни смѣтлива. Ибо человѣку, по естественному настроенію природы, должно стрѣмиться къ равномѣрному удовлетворенію всѣхъ потребностей, составляющему наше благосостояніе, а страсть увлекаетъ его исключительно къ тому или другому роду наслажденій, помрачая разсудокъ, усыпляя совѣсть, заглушая чувство ко всѣмъ другимъ удовольствіямъ, несроднымъ съ нею, и доводитъ не до какого либо счастливаго состоянія, но до разстройства органическа-

го и душевнаго и оканчивается развязкою всегда плачевною.

д.) Наконецъ страсть всегда можно узнать по незаконному владычеству ея надъ всѣми способностями душевными. Она овладѣваетъ всѣмъ человѣкомъ, такъ, что онъ хотя и знаетъ о послѣдствіяхъ своей безумной привычки, однакожъ не въ силахъ противиться ея гибельнымъ приманкамъ.

§ 141. Страстей весьма много; оттѣнки ихъ безчисленны, обнаруженія многообразны до невозможности представить въ опредѣленныхъ и подробныхъ чертахъ. Исторія рода человѣческаго есть живая картина страстей, движущихъ обществами гражданскими и измѣняющихъ судьбы народовъ. Въ драмѣ человѣческой жизни, на позорищѣ цѣлаго свѣта кипѣли, кипятъ и будутъ кипѣть сердца ими, до тѣхъ поръ, пока земля стоитъ на своемъ мѣстѣ. Недостаточно вѣка нашего, чтобы показать, какъ роятся страсти въ одной душѣ, которую назовутъ, можетъ быть за то, великою. Чтожъ сказать объ изображеніи ихъ въ цѣломъ родѣ нашемъ? Чья кисть къ сему способна? Чей разумъ имѣетъ довольно для сего тонкости, проницательности и терпѣнія? Впрочемъ нельзя не замѣтить и не сказать пси-

хологу ничего по крайней мѣрѣ о главныхъ видахъ страстей. Для удобнѣйшаго описанія и для ясности мы раздѣляемъ ихъ 1) на плотскія и 2) духовныя. Первыя тяготятъ человѣка къ землѣ и уподобляютъ его безсмысленнымъ существамъ; послѣднія напыщаютъ до безумнаго боготворенія своего *я*, свойственнаго духу злобы. То и другое состояніе неестественно человѣку.

§ 112. Главные виды плотскихъ страстей суть: а) страсть къ грубымъ наслажденіямъ чувственности, б) страсть къ забавамъ и в) любостяжаніе.

а.) Сохраненіе своего тѣла есть обязанность, внушаемая намъ самою природою (§ 103); проклятіе небесное падетъ на душу самоубійцы, который захотѣлъ бы, гнушаясь жизни, лишить себя оной. Но люди не таковы въ самомъ дѣлѣ, чтобъ ненавидѣли плоть свою; по большей части они слишкомъ ее любятъ и часто, изъ угожденія ей, предаются или а) объяденію, или б) піянству, или в) сладострастію.

а) Страсть къ неумѣренному употребленію пищи можетъ происходить отъ болѣзненнаго предрасположенія къ ней внутренностей; въ этомъ случаѣ она достойна болѣе жалости, чѣмъ осужденія. Но кто запираетъ, такъ сказать,

свою душу въ желудкѣ; кто заставляетъ всѣ царства природы служить своему чреву, какъ идолу; кто живетъ только для того, чтобы ѣсть, и призываетъ для сей цѣли на помощь благороднѣйшія произведенія ума человѣческаго,— науку и искуство, на того нельзя смотрѣть безъ презрѣнія. Да и самая наружность человѣка, подверженнаго сей страсти, едва ли можетъ сказать что-либо въ его пользу: это обыкновенно рыхлая и съ трудомъ движущаяся груда вещества, въ которой духъ даетъ себя знать почти однимъ тяжелымъ дыханіемъ.

в) То же чрево, но другимъ образомъ пресыщается у пьяницъ. Страсть сія состоитъ въ частомъ и обильномъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ или одурительныхъ зелій, соединенномъ съ самыми жалкими послѣдствіями. Сколько вздоховъ исторгнуто изъ глубины сердецъ человѣческихъ, сколько слезъ пролито предъ Создателемъ отъ этой пагубной заразы! И нельзя говорить объ ней равнодушно; потому что она губитъ человѣка, часто подающаго блестящія на себя надежды и вноситъ отраву счастія въ мирныя семейства. Начало пьянства зависитъ отъ разныхъ причинъ, какъ то: отъ органическаго предрасположенія, усиленнаго неосторож-

нымъ употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, отъ неудачь по службѣ и оскорбленнаго самолюбія, отъ потери богатства, отъ лишенія лицъ, составлявшихъ единственное утѣшеніе въ жизни,— вообще отъ слабодушія въ глубокихъ горестяхъ и дурнаго воспитанія. Но какая бы ни была причина, во всякомъ случаѣ безразсудно внутренній огонь тушить спиртомъ или опіумомъ. Отъ этого организмъ тѣлесный подвергается болѣе или менѣе скорому самозгаранію, сопряженному съ многочисленными болѣзнями; разсудокъ помрачается, память теряется, совѣсть усыпаетъ, а въ замѣнъ всего этого приходятъ къ несчастному рабу позорной страсти бѣдность во всей ея наготѣ, безстыдство, отчаяніе, иногда сумасшествіе. Сердце содрогается, когда представишь, что глава семейства уходитъ изъ дому своего для того только, чтобы озаботить свое семейство, и возвращается не въ свое время, не на своихъ ногахъ, въ ужасномъ видѣ. Это жалкое положеніе пьяныхъ людей заставило искать лекарствъ отъ такъ называемыхъ запоевъ, (*) только число несчастныхъ не умаляется.

(*) Докторъ Сальватори, по точномъ удостовѣреніи въ спасительномъ дѣйствіи, купилъ у

г.) То же самое чрево, которое не способно двигаться отъ объяденія и горитъ внутреннимъ огнемъ отъ пьянства, у людей сладострастныхъ пресыщается соединеніемъ съ другимъ поломъ. Безчисленныя бѣдствія, которыми сопровождается эта ненасытимая, бѣшеная и наглая страсть должны бы вразумить каждаго подверженнаго ей. Отвратительна она въ юношѣ, сдѣлавшемся заразою семействъ, ненавистна въ дѣвицѣ, потерявшей стыдъ своего пола; ужасна тамъ, гдѣ гибнетъ беззаконный плодъ ея при самомъ зарожденіи, или появленіи на свѣтъ;

одного крестьянина за значительную сумму средство лечить отъ запоя; онъ передалъ по смерти своей женѣ, а жена сообщила его И. Филипову, который въ *Библ. для чтенія за* 1835 г. всѣмъ объявилъ секретъ свой. Вотъ онъ: возьми истертой въ порошокъ Богородской травы 1 ф.
——————————ревеню въ порошкѣ 1½ ложки.
——————————полыни———— 1½ лож.
Истерпи обѣ травы мельче и перемѣшавъ ихъ съ ревенемъ, налей смѣсь двумя штофами полугарнаго вина и, хорошенько взболтавъ, вылей все въ муравленый горшокъ, закрой его крышкою и, замазавъ ржанымъ тѣстомъ, поставь его

чтожъ сказать о мужѣ или женѣ, гонимыхъ этою страстію изъ своего дома? Какое воспитаніе могутъ получить ихъ дѣти? Какой примѣръ? и что будетъ въ обществѣ, когда въ немъ умножится число такихъ членовъ? Руссо довольно остроумно замѣтилъ, что жена должна оправдывать предъ всѣми выборъ своего мужа и дѣлать честь ему, честью ей воздаваемою. Надобно присовокупить, что если честь жены есть вмѣстѣ и честь мужа, то тѣмъ болѣе онъ долженъ сохра-

---

на трое сутокъ въ теплое мѣсто и почаще взбалтывай. По истеченіи трехъ дней процыди жидкость сквозь чистое полотенцо, весь сокъ изъ травы выжми и смѣшай его съ тою же жидкостію; получится настойка. Дѣйствіе этого лекарства обнаруживается не во всѣхъ одинаково, однихъ тошнитъ, другихъ слабитъ и т. д. Если припадки усилятся, давать больному теплый настой Богородской травы, наливая на горсть довольно мелко изрѣзанной травы четыре чайныхъ чашки кипятку. Сверхъ того, недѣли двѣ надобно постоянно поить больнаго этимъ чаемъ, давая по стакану дважды въ день. Но что всего нужнѣе, это средство надобно, для успѣшнаго леченія скрывать отъ больнаго.

нять святость брачнаго союза, чтобы не быть позоромъ женѣ своей.

§ 113. Страсть къ забавамъ раждается отъ многихъ причинъ, какъ то: отъ легкомысленнаго воспитанія, отъ веселости характера, соединенной съ привычкою обращаться въ веселыхъ домахъ, отъ скуки, не чувствующей бѣдности, отъ тщеславія предъ другими и т. под. Роды забавъ весьма различны и взятые, не какъ страсти, могутъ быть даже полезны; ибо одни изъ нихъ образуютъ тѣло, другіе изощряютъ умъ, иные питаютъ отвагу. Но во всѣхъ ихъ предпочитается дѣлу бездѣлье, которое можетъ быть невинно во время отдыха отъ занятій, а занятія на всегда не должно оставлять. Исчислимъ тѣ забавы, которыя, обращаясь въ страсть, болѣе вредны для человѣка. Сюда относятся:

1. *Посѣщеніе театровъ.* Страсть къ посѣщенію театровъ изнѣживаетъ душу, расплавляетъ сердце и заставляетъ бредить одними сценическими явленіями, въ которыхъ, строго говоря, больше соблазна, чѣмъ наставительности. Кто не упускаетъ ни одного случая тамъ быть, тотъ непремѣнно дружески разскажетъ о себѣ не одно рыцарское похожденіе, не одно романическое приключеніе, вскружившее ему голову.

2. *Балы и гости.* Человѣкъ, который не можетъ быть безъ непрерывныхъ баловъ и гостей, можетъ ли быть хорошимъ хозяиномъ своего дома? Есть ли время ему заняться службою, дѣтьми, семейными дѣлами, самимъ собою? Обыкновенное слѣдствіе этой страсти есть разстройство и потеря богатыхъ имѣній.

3. *Азартныя игры.* Страсть къ симъ играмъ сколько безумна и изнурительна сама по себѣ, столькоже и страшна по своему интересу. Игрокъ, ввѣряющій свое счастіе случаю, скоро обманывается, выходитъ изъ себя и въ бѣшенствѣ пускаетъ въ ставку все, что имѣетъ у себя драгоцѣннаго. Богачъ, которому многіе завидовали, который слылъ человѣкомъ почтеннымъ и обращалъ на себя вниманіе людей, знающихъ, кого удостоитъ своимъ вниманіемъ, въ одинъ мигъ раззоряется; пріѣхавъ гордымъ Крезомъ, отправляется домой жалкимъ Иромъ и, повергая въ отчаяніе свое семейство, тщетно раскаевается въ своемъ безуміи.

4. Наконецъ къ числу безчеловѣчныхъ забавъ принадлежитъ *свирѣпость*, терзающая созданія Божія изъ одного звѣрскаго удовольствія, показать торжество силъ своихъ и полюбоваться мученіями невинныхъ жертвъ. Эта страсть

свойственна злымъ дѣтямъ, дикарямъ, тираннамъ, разбойникамъ и крамольникамъ; особливо она свирѣпствуетъ, когда прикрывается личиною благовидною, напр. праведнаго возмездія, или священной ревности по вѣрѣ (*).

§ 114. Любостяжаніе состоитъ въ исканіи вещей часто противузаконномъ и не столько для того, чтобы пользоваться ими, сколько для того, чтобы обладать и любоваться. Это есть искаженіе естественнаго человѣческаго права, относящагося къ собственности. Искать средствъ къ своему продовольствію, пріумножать состояніе и желать приращеній имѣнія для добрыхъ цѣлей весьма естественно и добродѣтельно. Но всему есть свои границы: полагать все свое счастіе въ имѣніи и жертвовать всѣми трудами своими пріобрѣтенію вещей тлѣнныхъ, ничтожныхъ, сколько унизительно для человѣка, столько же

(*) Одна женщина, находя большое удовольствіе въ томъ, чтобъ видѣть на голомъ тѣлѣ текущую кровь, нанимала за дорогую цѣну дѣвочекъ и мальчиковъ для сего рода операцій; но одинъ разъ наслажденіе ея слишкомъ продолжалось; она умертвила дѣвочку и была за то казнена. (Ключь къ таинст. Натур. ч. 1. стр. 295).

и пагубно для него. Причинъ любостяжанія много; но главныя изъ нихъ суть а) надежда на деньги, а не на Промыслъ въ могущихъ случиться несчастіяхъ; б) сознаніе своей слабости и увѣренность, что ее можно подкрѣпить богатствомъ; в) гордое чувство независимости отъ другихъ, когда течетъ рѣкою золото въ руки и г) наконецъ услажденіе тѣмъ, что можно будетъ пожить весело, тогда какъ въ ту же ночь, можетъ быть, души мечтателя не будетъ въ тѣлѣ и богатство, собираемое имъ съ неимовѣрною заботливостію, достанется другимъ. Виды любостяжанія суть:

1. *Скупость.* Хотя есть пословица, что скупость не глупость, но правильнѣе должно бы сказать не скупость, а бережливость (аккуратность). Ибо скупымъ мы называемъ не того, кто умѣетъ жить безъ излишества и безъ лишеній въ вещахъ нужныхъ, а того, кто не только избѣгаетъ прихотей, но дрожитъ на каждую малость самую нужную, отъ денегъ терпитъ недостатокъ въ пищѣ, питіи, одеждѣ и даже иногда нищенствуетъ. Странно, что эта страсть, такъ дѣтская, обыкновенно овладѣваетъ людьми зрѣлаго возраста и мучитъ ихъ безотвязно до самой смерти; бываютъ опыты, что и самый одръ

смертный не разлучаетъ мыслей скряги отъ золота; онъ терзается не своими грѣхами, но тѣмъ, что разстается съ своими сокровищами, не имѣя возможности перенесть сундуковъ въ будущую жизнь. Говорить ли о томъ, какъ тяжела жизнь скупца? Онъ не имѣетъ никакого покоя и удовольствія, кромѣ имущества, заключеннаго въ кладовыхъ; для всего прочаго сердце его заграждено: сколькожъ ежедневныхъ заботъ, чтобъ ничего не улихло у него, и какъ часто малѣйшая потеря доводитъ его до отчаянія!

2. *Страсть къ прибыткамъ или корыстолюбіе.* Это-излишняя заботливость о пріобрѣтеніи огромнаго состоянія для того, чтобы жить въ полномъ довольствѣ и имѣть вѣсъ въ обществѣ. Не похвальна она потому что суетна, а болѣе потому, что соединена почти всегда съ низкими средствами и цѣлями. Между тѣмъ, не много найдется людей, не подверженныхъ этой страсти; и такъ какъ прямо она не можетъ никому нравиться, то обыкновенно прикрыта бываетъ какою-либо благовидною причиною. Сюда можно отнесть: подлую лесть для полученія чрезъ нее покровительства и выгодъ жизни; искательство родства со знатью для того, чтобъ выиграть въ свѣтѣ извѣстность; женитьбу на бо-

гатствѣ съ придачею калеки; злоумышленную несостоятельность въ платежѣ нахватанныхъ денегъ; налогъ безсовѣстныхъ процентовъ, отпускаемыхъ въ долгъ человѣку, поставленному въ крайнихъ обстоятельствахъ; продажу вещей необходимыхъ въ пятеро дороже, по причинѣ одной ихъ необходимости; ученое шарлатанство, выманивающее у публики деньги за книги или ничего не стоющія, или даже вовсе не существующія, а только обѣщаемыя; спекуляціи всякаго рода игрою лотерей и сбытомъ запрещенныхъ товаровъ; прижимки судей, начальниковъ и чиновниковъ, заставляющія съ ними дѣлиться золотомъ; исправленіе нѣсколькихъ должностей гражданскихъ для прибытковъ и наградъ, а не для того, чтобы успѣшнымъ прохожденіемъ ихъ быть полезнымъ обществу и т. д.

3. Къ любостяжанію же должно отнесть и *воровство*, коего причины суть или лѣнивая нищета, или страсть къ наслажденію, или наконецъ одно удовольствіе не быть пойманнымъ, раждающееся безъ сомнѣнія въ слѣдствіе удачь. Какъ глубоко эта страсть вкореняется въ душу, можно судить по тѣмъ ворамъ, которые, бывъ жестоко наказаны, обращаются опять къ своему ремеслу, зная, что воръ воруетъ, по пословицѣ,

не для прибыли, а для своей гибели. Воровство имѣетъ различныя наименованія, судя по его видамъ; оно называется *святотатствомъ*, когда простирается на вещи священныя, принадлежащія Богу или церкви; *грабежемъ*, когда производится открыто и внѣ дома нашего; *разбоемъ*, когда соединяется съ смертоубійствомъ; оно же бываетъ или *явное*, когда человѣкъ прямо покушается на вещи, или *тайное*, совершающееся подъ благовидными предлогами, каковы напр. подлоги наслѣдниковъ и душе—прикащиковъ; постройки и поставки для казенныхъ заведеній, гдѣ главная цѣль та, чтобъ только приходъ вѣренъ былъ съ расходомъ; управленіе чужимъ имѣніемъ въ свою пользу и т. под.

§ 115. Переходомъ отъ чувственныхъ страстей къ духовнымъ, можетъ служить, такъ называемая, *платоническая любовь*, въ которой половое побужденіе облагороживается представленіями изящнаго, находимаго въ другомъ полѣ. Много говорятъ и пишутъ въ пользу этой любови; безъ ней не выходитъ въ свѣтъ ни одинъ романъ, ни одна повѣсть; поэзія совершенно завладѣла ею, и, кажется, не къ большой своей чести; потому что идеальное, до котораго она должна возвышать помыслы наши и чувствова-

нія, превосходитъ всякую любовь, удовлетворяющую чувственности подъ предлогомъ эстетическихъ совершенствъ, или нравственныхъ красотъ; оно должно быть чисто духовное, чуждое всякаго соблазна и самаго повода къ оному. Только духъ времени могъ дать личину благородства тому, что въ самомъ дѣлѣ бываетъ очень не благородно; и, если сорвать эту личину, то дѣйствительность ни кого бы не порадовала. Пусть говорятъ, что идеальная любовь не только не вредна, но можетъ служить и къ усовершенію любящаго лица въ угоду любимаго имъ; что она способствуетъ къ подавленію своекорыстныхъ склонностей, къ развитію благороднѣйшихъ чувствъ человѣческихъ, къ пожертвованіямъ; мы всегда готовы стоять на той мысли, что здѣсь главнымъ образомъ человѣкъ любитъ себя или свою страсть въ другомъ, безъ удовлетворенія которой, любовь обращается въ безнадежность, въ ненависть къ вѣроломному полу и доводитъ несчастныхъ рабовъ своихъ иногда до смерти. Слѣдственно, мнимыя добродѣтели и пожертвованія въ угожденіе любимыхъ лицъ суть нечто иное, какъ угожденіе своимъ мечтамъ страсти, не имѣющее ничего общаго съ тою любовію, которая предписывается Евангеліемъ. Равнымъ

образомъ союзъ супружескій не можетъ представлять, какъ думаютъ нѣкоторые, (*) идеала страстной эстетической любви; ибо любовь супружеская не есть страсть и никогда не должна сю быть; это-постоянное чувство, переживающее все въ мірѣ; чувство безкорыстное, освященное Божественнымъ таинствомъ и въ одно соединяющее два существа на вѣки вѣковъ.

§ 116. Къ страстямъ духовнымъ должны быть отнесены 1) гордость, 2) любочестіе, 3) властолюбіе, 4) своевольство, 5) фанатизмъ и 6) ненависть.

1. Гордость есть злоупотребленіе самоуваженія или почтенія въ себѣ образа Божественнаго. Человѣкъ, имѣя преимущество предъ всѣми тварями, долженъ сознавать свое достоинство и не унижаться до степени безсловесныхъ; какъ существо разумное и нравственное, имѣющее права и обязанности къ другимъ, онъ долженъ вести себя сообразно нравственному долгу, гнушаясь всѣмъ низкимъ, возвышаясь надъ всемъ мелочнымъ. Пусть другіе живутъ, какъ хотятъ; но о себѣ каждый долженъ думать благороднѣе и стараться благородство свое оправдывать дѣ-

---

(*) См. Галич. карт. человѣка стр. 293.

лами угодными Богу. Унижать свое чисто человѣческое достоинство, значитъ унижать вообще человѣка и оскорблять Творца. Къ сожалѣнію, всего чаще человѣкъ, забывая о высокомъ своемъ предназначеніи—быть совершеннымъ, якоже Отецъ небесный совершенъ есть, уважаетъ въ себѣ достоинства болѣе надлежащаго, ставитъ ихъ предъ глазами другихъ слишкомъ высоко и требуетъ себѣ не заслуженнаго почтенія. Это-то и называется *гордостію*, которая переходитъ въ *надменіе* или *надутость*, когда гордецъ самыя несовершенства человѣческой природы вмѣняетъ себѣ въ достоинство и хвастаетъ такими превосходными поступками, которыхъ за нимъ никто не замѣчалъ. Нетрудно узнать гордеца; онъ самъ себя покажетъ а) требованіемъ, чтобъ вы только объ немъ одномъ говорили и его одного хвалили, а о прочихъ отзывались съ равнодушіемъ и даже, если можно, съ униженіемъ; б) ему хочется между своимъ обществомъ играть важную роль, ни чемъ себя не отличая предъ другими, развѣ только не заслуженнымъ авторитетомъ, важной поступью и осанкой, домогательствомъ, чтобъ кому онъ замѣтитъ, тотъ держалъ бы себя отъ него какъ можно далѣе, почтительнѣе, молчаливѣе, и не смѣлъ бы объ немъ

подумать чего-либо не добраго. в) Гордецъ требуетъ, чтобъ низшіе предъ нимъ пресмыкались, какъ самъ онъ готовъ ползать на колѣняхъ предъ высшими, и съ неблагодарностію принимаетъ услуги равныхъ себѣ; г) онъ скрытенъ, боясь показаться тѣмъ, что есть; подозрителенъ, потому что дорожитъ не заслуженнымъ о себѣ мнѣніемъ людскимъ; безсовѣстенъ, ибо готовъ расточать свое имѣніе, чтобъ показаться добрымъ, и расточенное вознаграждать неуплатою долговъ, или притѣсненіемъ бѣдныхъ; низокъ, ибо для достиженія своихъ цѣлей ловится за всякія средства, особливо когда счастіе перестаетъ ему благопріятствовать; смѣшонъ, потому что хочетъ показать значительность свою, только имъ воображаемую; наконецъ глупъ, потому что, желая господства надъ другими, легко самъ дѣлается орудіемъ людей искусныхъ въ лицемѣрной льсти.

Не безъ основанія дѣлятъ гордость а) на свѣтскую, б) школьную и в) фарисейскую или религіозную.

а.) Свѣтская гордость слишкомъ много думаетъ о своихъ титлахъ, чинахъ и внѣшнемъ блескѣ, заставляя всѣхъ судить по своему; равнымъ образомъ тщеславно бредитъ одною толь-

ко знатностію своего рода, не стараясь оправдать оную; считаетъ себя выше всякаго одобренія и порицанія, какъ будто она сама только себя можетъ одобрять и не одобрять, наконецъ обращается съ другими, тонко разбирая чинъ, званіе, богатство и вѣсъ въ обществѣ.

б.) Школьная гордость или спѣсь, называемая иначе педантизмомъ, состоитъ въ излишнемъ пристрастіи человѣка къ извѣстнаго рода занятіямъ и требованіи, чтобы всѣ отдавали ему особенное уваженіе, цѣнили бы его труды важнѣе всѣхъ, вознаграждали бы вниманіемъ всякое малѣйшее его движеніе въ наукѣ. Смѣшно слушать, когда какой нибудь напр. антикварій съ жаромъ разсуждаетъ о предметахъ своей страсти, думая, что ими только одними всѣ должны заниматься, и досадуетъ на равнодушіе его окружающихъ.

в.) Фарисейская гордость состоитъ въ самообольщенномъ почитаніи себя святымъ, которое раждается въ слѣдствіе исполненія внѣшнихъ обрядовъ. Оставляя важнѣйшее въ законѣ Господнемъ,—судъ, милость и вѣру, она думаетъ, что исполняетъ весь законъ, когда соблюдаетъ по формѣ церковныя постановленія и въ притворномъ смиреніи предъ святынею дерзаетъ

не только предъ людьми, но и предъ самимъ Богомъ хвалиться своими добродѣтелями. *Боже! хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмь якоже прочіи человѣцы* и пр. Характеръ сей гордости вполнѣ раскрытъ у Евангелиста Матѳея въ гл. XXIII.

§ 117. Любочестіе, по самому слову, есть страсть къ почестямъ, которыя отъ насъ не зависятъ; ибо наше дѣло производить добро, но похвала и слава должны къ намъ приходить отъ другихъ безъ нашихъ искательствъ. Очевидно, что эта страсть есть искаженіе благороднѣйшей естественной потребности ободренія въ поступкахъ, требующихъ большихъ усилій. Природа наша такъ устроена, что для совершенія подвиговъ нуждается не столько иногда въ силахъ, сколько во внѣшнихъ побужденіяхъ, служащихъ вмѣстѣ и наградою. А какое изъ внѣшнихъ побужденій къ добру, выше чести и славы? Не обѣщаетъ ли самъ Творецъ добродѣтельнымъ вѣнца ся? И что такое человѣкъ, забывающій о чести, какъ не существо, унизившее себя въ своихъ собственныхъ понятіяхъ предъ другими, и по сему неспособное ни къ какимъ отважнымъ предпріятіямъ? Не только недѣлимыя, но и цѣлые народы терялись, потерявъ честь свою. И это весьма естественно: посмотрите на невин-

ное дитя; оно стыдится, оно плачетъ, оно боится всякихъ неодобреній, потому что сердце его не испорчено. Откуда въ немъ все это, какъ не отъ природы? Что все это значитъ, какъ не выраженіе высокаго значенія чести? Посему тотъ, кто не дорожитъ честію, справедливо можетъ считаться человѣкомъ безнравственнымъ и потеряннымъ. Но искать одной чести и славы людской, поставлять ее цѣлію своей жизни, употреблять всякія средства для достиженія сей цѣли,—это другая крайность, это мрачная сторона любочестія, не дѣлающая ему никакой чести. Говорятъ, что слава—дымъ, честь—пустая вещь; такою не должна бы быть ни та, ни другая. Но истинной чести, вѣчной славы достойны ли: *искательность,* прибѣгающая къ низкимъ порокамъ, чтобъ заслужить одобреніе; *щегольство,* украшающее себя со внѣшности и безобразное въ душѣ; *хвастовство,* тщеславящееся своимъ родомъ, своими мнимыми заслугами, или *мнимая скромность,* унижающая свои заслуги, чтобъ болѣе ихъ превозносили; *сплетничество,* возвышающее себя порицаніемъ другихъ; *низость,* старающаяся оттолкнуть другаго отъ почетной должности, чтобъ самой чрезъ нее сдѣлаться почтенною; *суетность,* не упускающая

случаевъ показать себя свѣдущею въ дѣлахъ общественныхъ, въ предметахъ вкуса и науки, чаще приспособляясь къ выслушаннымъ мнѣніямъ у людей истинно образованныхъ, а иногда въ мелочахъ стараясь дать свое мнѣніе, чтобъ прослыть достопримѣчательною; наконецъ, *переметничество,* готовое порицать предъ вами всѣхъ, кромѣ васъ, чтобъ въ свою очередь сказать имъ ваши неосторожныя слова? Не дай Богъ, чтобы все это достигало не только истинной, но и ложной чести въ свѣтѣ.

Послику человѣкъ не можетъ самъ себѣ воздавать чести, то по необходимости, для удовлетворенія своему честолюбію, поставляетъ себя въ зависимость людскихъ мнѣній и обычаевъ, часто суевѣрныхъ. Исторія и опытъ свидѣтельствуютъ, какъ часто, вопреки всякому благоразумію, изъ одной только этой страсти люди поставляли себя въ самыя затруднительныя обстоятельства, и подвергали опасности самую жизнь свою. Извѣстно, что, для поддержанія фамильной чести, индійскія женщины рѣшаются на сожженіе или погребеніе себя вмѣстѣ съ трупомъ своего мужа; гимно-софисты, для славы въ народѣ, подъ предлогомъ спасительнаго пустынничества, суевѣрно терзаютъ свое тѣло; дуелис-

ты, для смытія позорнаго пятна, положеннаго на личную честь, прибѣгаютъ къ смертоубійственнымъ орудіямъ, безразсудно обрекая себя на явную смерть. Честолюбивый щеголь занимаетъ деньги, не смотря на невозможность возвратить ихъ кредитору; мнимо-благородный игрокъ скорѣе отдаетъ картежные долги, нежели занятые у человѣка честнаго, которому предстоитъ нужда; тщеславная Марина съ радостію дѣлается женою бѣглаго самозванца, только бы возсѣдать на престолѣ.

§ 118. Властолюбіе есть страсть, состоящая въ стремленіи господствовать надъ другими посредствомъ насилія, противъ ихъ воли. Началомъ сей страсти конечно служатъ удачи преобладанія надъ другими, зависящія или отъ стеченія обстоятельствъ, или отъ особенныхъ талантовъ властелина. Властолюбіе бываетъ двоякаго рода; ибо имѣетъ цѣлію или внѣшнее, состоящее въ наружныхъ дѣйствіяхъ, господство надъ другими, или внутреннее, простирающееся на вѣру и убѣжденіе въ истинахъ, опредѣляющихъ наружныя дѣйствія. Но въ томъ и другомъ случаѣ, властолюбецъ: а) хочетъ, чтобы ему непремѣнно все покорялось, употребляя для сего всѣ предосудительныя мѣры, и нимало не

заботясь о справедливости въ отношеніи къ другимъ. б) Малѣйшее сопротивленіе воли его дѣлаетъ изъ него или тирана, или завоевателя, стремляющагося къ преобладанію не только людьми, подчиненными ему, но и тѣми, которые не думаютъ признавать ни какой власти его надъ собою. в) По общему закону страстей, жажда къ завоеваніямъ чѣмъ болѣе удовлетворяется, тѣмъ болѣе дѣлается ненасытимою. Отсюда сколько произошло золъ! Сколько погибло въ мірѣ прекраснѣйшаго и полезнѣйшаго, чѣмъ по справедливости умъ человѣческій могъ гордиться! Наконецъ г) властолюбіе, преступивъ границы свои, погибаетъ самымъ рабскимъ образомъ. Соединясь съ надутостію и безпечностію, оно, какъ дождевой пузырь, лопаетъ. »Взыду на небо, уподоблюсь Всевышнему, мнѣ мало вселенной для обладанія,» думаетъ неудержимый въ предѣлахъ благоразумія деспотъ, и чтожъ? Онъ низвергается съ высоты величія своего въ ту самую минуту, когда хочетъ сдѣлать самый широкій шагъ впередъ. (Навуходоносоръ, Александръ Македонскій, Наполеонъ).

§ 119. Своевольство есть злоупотребленіе свободы, по которому человѣкъ почитаетъ себя независимымъ отъ всѣхъ внѣшнихъ ограниченій,

имѣющимъ право поступать по своему произволу. Индетерминизмъ или ученіе о не ограниченности свободы человѣческой противно здравому разуму; потому что, по его понятіямъ, свобода легко переходить можетъ въ необузданность, разрывающую всѣ связи общественныя, посмѣвающуюся всѣмъ законамъ человѣческимъ. Но своевольство есть именно практическій индетерминизмъ,—страсть, доходящая до буйства и возмущеній противъ порядковъ, существующихъ въ обществѣ. Тѣ, которые выхваляютъ состояніе беззаботной и своевольной жизни, обыкновенно указываютъ на дикарей, не понимающихъ выгоды общественнаго быта, и однакожъ лучше обитающихъ въ разгульныхъ степяхъ. Но стѣсняетъ ли гражданственность свободу человѣка, въ правильномъ смыслѣ понимаемую? Напротивъ, она развиваетъ ее благодѣтельными учрежденіями и ограничиваетъ только то, что не сообразно съ достоинствомъ природы человѣческой, что вредно для частной и общественной жизни, что можетъ производить какой-либо государственный безпорядокъ. Безъ сего ограниченія никакимъ образомъ обойтись не возможно, ибо и при немъ бываетъ много безпорядковъ; чтожъ сказать, если бы каждому предоставлено было жить въ

обществѣ по своему произволу? Короче сказать, страсть къ своеволію ни политически, ни морально не можетъ быть одобряема, и тотъ слишкомъ превратное понятіе имѣетъ о свободѣ, кто, увлекаясь сумазбродными мечтами о какомъ-то равенствѣ, хочетъ жить въ совершенной независимости отъ формъ гражданскихъ, или не вступаетъ въ службу общественную, чтобы не покоряться предписаніямъ высшихъ.

§ 120. Фанатизмъ есть безрасудная ревность, воспламененная мечтательными или недозрѣлыми идеями, и выражающаяся въ буйныхъ порывахъ души, неудержимыхъ на пути къ ея цѣлямъ. Его дѣлятъ а) на ученый; б) политическій и в) религіозный.

а.) *Ученый* Фанатизмъ есть слѣдствіе предубѣжденія въ пользу извѣстныхъ идей; онъ открывается въ сектантахъ, которые, бывъ твердо увѣрены въ своихъ не доказанныхъ мысляхъ, силою стараются навязать ихъ другимъ; въ противномъ случаѣ жестоко бранятся, почитаютъ невѣждами всѣхъ разномыслящихъ, преслѣдуютъ тѣхъ, въ комъ думали найти поборниковъ своего образа мыслей, но обманулись, и позволяютъ себѣ явно посягать на честь невинныхъ ихъ противниковъ.

б.) *Политическій* фанатизмъ есть слѣдствіе превратныхъ мнѣній о гражданскомъ устройствѣ; онъ является въ людяхъ, всею душою увѣренныхъ, что напр. существующій образъ правленія долженъ быть не таковъ; что на нихъ лежитъ священная обязанность обновить или создать новыя формы гражданственности, и что они, чувствуя въ себѣ къ этому высокому дѣлу призваніе, не должны быть равнодушными зрителями текущихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ возникаетъ мятежь, усиливается, и кровь человѣческая льется рѣкою. Тутъ попираются,— и священнѣйшія права человѣка, и гражданскія заслуги, и Христіанскія добродѣтели; самая Религія потрясается, и государство дѣлается добычею внѣшнихъ враговъ, или попадается въ руки деспота, выброшеннаго на видъ волнами междуусобій.

в.) *Религіозный* фанатизмъ состоитъ въ упорномъ пристрастіи къ недоразумѣваемымъ истинамъ Вѣры, которое, не жалѣя жизни, требуетъ отъ всѣхъ единства мыслей и чувствованій съ собою, а, при удобныхъ обстоятельствахъ, берется и за оружіе изъ ревности не по разуму. Ужасенъ фанатизмъ политическій; но когда онъ бываетъ соединенъ съ религіознымъ, или

когда политика служитъ орудіемъ послѣдняго, тогда колеблются престолы и милліоны людей приносятся въ жертву изувѣрства. Нѣтъ ничего гибельнѣе, какъ войнъ за религіозныя вѣрованія и убѣжденія, составляющія завѣтное достояніе души, и нѣтъ ничего горестнѣе, какъ фанатизмъ религіозный.

§ 121. Своевольство и фанатизмъ всегда сопровождаются *ненавистію* къ тѣмъ лицамъ, которыя не держатся ихъ мнѣній, почитая оныя безразсудными. Она состоитъ во враждебномъ расположеніи къ другимъ, по причинѣ мнимыхъ или истинныхъ ихъ недостатковъ, и совершенно противоположна Христіанской любви, простирающейся не только на ближайшихъ, но и на враговъ нашихъ. Бываетъ впрочемъ, что и безотчетно, по какой-то антипатіи къ извѣстному лицу, раждается ненависть, какъ будто на наружности его находится печать отвращенія. Только сія ненависть, какъ безотчетная, не можетъ доходить до степени услажденія несчастіями ненавидимой особы, тогда какъ, сильно ненавидящій брата своего, по мнимо-основательнымъ причинамъ, старается приготовить ему горе и радуется своей удачѣ.

Виды ненависти суть: а) зависть, б) враждованіе, в) мстительность и г) злоба.

Зависть есть мученіе души, происходящее отъ собственныхъ неудачь и отъ счастія ближнихъ, которое нейдетъ къ завистливому. Хорошо бы было, если бы мы соревновали нравственнымъ совершенствамъ людей добродѣтельныхъ и сокрушались о своей душевной бѣдности: это сокрущеніе конечно не осталось бы безъ добрыхъ послѣдствій; къ сожаленію, эта страсть имѣетъ предметомъ своимъ всегда внѣшнее благосостояніе человѣка, которое не достойно никакой зависти. Не низко ли, не безумно ли изъ-за вещей, которыхъ мы не можемъ взять съ собою за гробъ,—мучить себя напрасно, терпѣть безсонницу, терять позывъ на ѣду, обижать другаго злословіемъ и клеветою, строить ему ковы, терзаться душою и часто никому не открывать своей постыдной страсти? такое состояніе, по всей правдѣ, весьма незавидно!

Враждованіе есть не что иное, какъ страстное, изыскивающее средствъ желаніе дѣлать зло ненавидимому лицу. Оно противуполагается *пристрастію*, побуждающему благотворить человѣку болѣе, чѣмъ онъ заслужилъ. Отъ зависти вражда отличается тѣмъ, что предполагаетъ от-

крытно—непріязненную дѣятельность обѣихъ сторонъ, если не положительную, по крайней мѣрѣ отрицательную, тогда какъ зависть не бросаетъ никакой тѣни на особу, которой завидуютъ.

Вражда, завязавшаяся между двумя или многими лицами, легко переходитъ въ *мстительность*, которая состоитъ въ воздаяніи за причиненное истинное или мнимое оскорбленіе. Она имѣетъ цѣлію или обезпеченіе себя отъ нападеній на будущее время чрезъ уничтоженіе своего врага, или одно звѣрское удовлетвореніе себѣ, приготовленное часто самыми хитрыми и низкими средствами,—удовлетвореніе, принимающее на себя личину оскорбленной невинности. Ужасно свирѣпствовала эта страсть въ языческомъ мірѣ и почиталась нѣкоторымъ образомъ священною; но и между Христіанами, которымъ такъ ясно и убѣдительно внушается Евангеліемъ платить за зло добромъ, она не погасла; и между нами есть много злыхъ людей, которыхъ мстительность доходитъ до неимовѣрной подлости. Самая впрочемъ отвратительная черта въ мщеніи та, что оно простирается нерѣдко на лица нисколько невинныя, только близкія къ тѣмъ, которымъ предполагается отмстить; а въ

случаѣ совершенной неудачи и безнадежности человѣкъ крайне мстительный доходитъ до безумія—мститъ собственнымъ своимъ лицомъ и убиваетъ самъ себя, въ намѣреніи растерзать покрайней мѣрѣ совѣсть у обидчика.

Злоба есть верхъ страстей человѣческихъ. Въ ней,—мало того, что соединяются многія другія страсти,—находится еще прямое начало превратной жизни, постоянное расположеніе падшей души къ злу, въ которомъ сія послѣдняя постепенно и часъ отъ часу болѣе погрязаетъ, нетолько отчаяваясь за себя, но еще услаждаясь, что губя себя можетъ погубить вмѣстѣ съ собою сколько нибудь другихъ людей, опутанныхъ ложными обѣщаніями, или какими-либо соблазнами. Образецъ злобы конечно представляетъ собою князь тмы съ духами злобы поднебесными,—этотъ идеалъ зла, который не мало находитъ себѣ отмѣнныхъ подражателей въ родѣ человѣческомъ.

§ 122. Источникъ страстей человѣческихъ, отъ которыхъ бѣдствуетъ весь родъ нашъ, заключается въ поврежденіи природы человѣческой, и, слѣдовательно напрасно было бы думать о совершенномъ искорененіи всѣхъ ихъ въ со-

стоянiи душевнаго растлѣнiя. А когда человѣкъ будетъ новымъ?

Ничто не ново подъ луною,
Что есть, то было, будетъ въ вѣкъ:
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,

скажутъ, безъ сомнѣнiя, самые позднѣйшiе наши потомки въ свое время, какъ мы теперь говоримъ. Впрочемъ, къ предостереженiю отъ страстей и къ потушенiю ихъ есть же средства, предлагаемыя благоразумiемъ.

1. Надобно беречься первыхъ движенiй склонности, особливо такой, которая способна усиливаться. Она можетъ непримѣтно получить власть надъ душою и послѣ того уже трудно съ нею бороться. Благоразумiе совѣтуетъ здѣсь отказывать себѣ иногда въ удовольствiяхъ самыхъ невинныхъ и обуздывать воображенiе, представляющее запрещенный плодъ райскимъ.

2. Въ борьбѣ съ усиливавшимися уже склонностями похвальна твердая рѣшимость заглушить ихъ въ сердцѣ, чего бы то ни стоило; но не надобно забывать, что страсть есть дѣло привычки, а потому и утихать она можетъ только по немногу, когда человѣкъ постепенно отучаетъ себя отъ дурныхъ своихъ привычекъ. Мгновен-

ная побѣда надъ собою всегда почти обманчива.

3. Очень полезно отвлекать вниманіе отъ любимыхъ предметовъ и направлять его къ другимъ не менѣе интереснымъ, избѣгая всякаго повода и случая, который можетъ опять воспламенить страсть; только должно знать, что забывъ о любимой своей склонности на нѣкоторое время, мы еще не исцѣляемся отъ своего недуга. Напротивъ, не часто ли человѣкъ, долго противившійся своей страсти, вновь опаснѣе предается ей? Почему, забвеніе о ней можетъ быть только началомъ къ искорененію, которое должно быть оправдано сопротивленіемъ всякимъ соблазнамъ, до того, чтобъ не только не бояться ихъ, но даже и не чувствовать къ нимъ внутренняго влеченія.

4. Надежное и вѣрное средство къ искорененію нравственныхъ недуговъ состоитъ въ важныхъ предпріятіяхъ и въ интересныхъ занятіяхъ, отнимающихъ и время и охоту курить ѳиміамъ страстямъ—этимъ чадамъ праздности, нищеты, дурнаго воспитанія и оскорбленной ничтожности себя-любія.

5. Надобно замѣтить однакожь, что не всякая страсть и не во всякомъ человѣкѣ одинаковымъ образомъ погашается. Рѣдко притомъ

бываетъ, чтобы одна изъ нихъ не замѣнялась другою, иногда болѣе благородною, иногда болѣе низкою. Наблюдать за этимъ особенно необходимо тѣмъ лицамъ, которые или по долгу, или по человѣчеству берутся искоренить въ другомъ ненавистную страсть, овладѣвшую несчастнымъ. Ибо изгнавъ одного бѣса изъ души, легко поселить вмѣсто его цѣлый легіонъ. Здѣсь нельзя предписать никакихъ правилъ: каждаго должно руководить свое благоразуміе и своя опытность.

3. СВОБОДНАЯ ВОЛЯ.

§ 123. Свобода души человѣческой, какъ и разумность, находясь во всякомъ человѣкѣ, проявляется не въ одинакой степени. Высшій степень обнаруженія ея усматривается въ волѣ *свободной*, которой свойство есть *нравственная необходимость*, болѣе или менѣе ощутительная въ поступкахъ людей, отличающихся постоянствомъ въ осуществленіи идеи блага. Обнаруженія сей воли, соотвѣтствующія въ теоретическихъ способностяхъ генію и таланту, суть а) самопожертвованіе и б) характеръ

§ 124. Самопожертвованіе есть практическій геній и стольже рѣдко, какъ геній въ ум-

ственномъ мірѣ. Оно открывается тамъ, гдѣ, мало того, что не видно никакого корыстнаго побужденія, но еще ясно особенное возвышеніе въ поступкахъ надъ обыкновенными слабостями природы человѣческой; гдѣ,—однимъ словомъ сказать, какъ бы ангелъ дѣйствуетъ за человѣка, котораго хранитъ. Въ наше время хотятъ оспорить это свойство свободы человѣческой, думая, что самое безкорыстіе предполагаетъ тонкую и хитрую корысть. Предположеніе конечно не совсѣмъ безосновательное; потому что интересныя побужденія обыкновенно вмѣшиваются даже тамъ, гдѣ ихъ, по видимому, и подозрѣвать нельзя. Но отвергать рѣшительно самопожертвованіе въ родѣ человѣческомъ, какъ торжество свободы надъ личными видами, было бы не согласно съ безчисленными опытами. Леонидъ, идущій съ горстью своихъ соплеменниковъ на явную погибель; Анна д' Аркъ, предводительствующая французскимъ войскомъ; Сусанинъ, ведущій въ даль враговъ нашего отечества, чтобъ погибнуть отъ руки ихъ для спасенія Царя и многіе другіе примѣры, подобные симъ, не ясно ли доказываютъ, что духу человѣческому не чуждо отреченіе отъ своихъ личныхъ видовъ, даже пожертвованіе жизнію для блага и счастія другихъ?

§ 125. Самопожертвованіе имѣетъ различныя степени и относится всегда къ опредѣленному кругу дѣятельности. Оно бываетъ или въ пользу наукъ и искуствъ, или непосредственно для общественнаго блага, или наконецъ для Бога. Отсюда самопожертвованіе и героизмъ (высшій степень самопожертвованія) получаютъ различныя наименованія. Героизмъ *ученый* состоитъ въ торжествѣ свободы человѣческой надъ непреодолимыми почти препятствіями для утвержденія новыхъ понятій въ людяхъ [Коломбъ, Галилей]. Героизмъ *общественный* или *гражданственный* обнаруживается въ принесеніи имуществъ, здоровья и самой жизни на пользу ближнихъ своихъ, въ случаѣ ихъ несчастной годины. Героизмъ *воинскій* открывается въ неустрашимости духа во время жаркихъ битвъ. Наконецъ героизмъ *Христіанскій*, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ взятый, состоитъ въ торжествѣ надъ самими собою и вообще надъ врагами нашего спасенія. Этотъ послѣдній видъ героизма не виденъ въ глазахъ людей, какъ прочіе; но онъ есть самый трудный. Ибо многіе изъ героевъ, заслуживавшіе у потомства названіе великихъ, были совершенно безсильны въ дѣлахъ Христіанскаго самоотверженія. Да и церкокная исторія

свидѣтельствуетъ, что здѣсь недостаточно однѣхъ человѣческихъ силъ, а потребна помощь свыше.

§ 126. Самоотверженіе, какъ нравственное совершенство человѣческое, не вдругъ пріобрѣтается. Къ возбужденію его способствуютъ:

1. Глубокое сознаніе связи своего бытія съ существованіемъ ближнихъ и Творцемъ, какъ Существомъ правосуднѣйшимъ.

2. Нелицемѣрная любовь къ Вѣрѣ, отечеству, къ родинѣ, къ друзьямъ. Она всегда была самымъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ самопожертвованіямъ. Ею-то одушевляемый Ученикъ Христовъ взывалъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божіл?*

3. Высокіе образцы и примѣры добродѣтелей, которые весьма сильно дѣйствуютъ на людей, чувствующихъ внутреннее призваніе къ великимъ подвигамъ. Исторія первыхъ временъ Христіанства представляетъ намъ много примѣровъ того, что жестокіе гонители Христіанъ сами были наконецъ истинными послѣдователями Христа и съ радостію приняли мученическій вѣнецъ.

4. Обстоятельное изслѣдованіе образа жизни, приличнѣйшаго человѣку, какъ существу разумному. Оно довело Іустина Философа до Хри-

стіанства и мученическаго вѣнца; оно поселило во Владимірѣ Великомъ отвращеніе къ языческимъ идоламъ; оно обратило многихъ съ пути погибели на путь благочестія.

5. Впрочемъ бывали случаи, когда человѣкъ увлекаемъ былъ какъ-бы противъ собственной воли на поприще самоотверженія. Оригенъ говоритъ, (*) что многіе какъ-бы противъ воли своей обратились къ Христіанству; какая-то неизвѣстная сила истребила въ душѣ ихъ ненависть къ Христіанскому ученію и вдохнула въ нихъ ревность—жертвовать за него своею жизнію.

§ 127. Какъ бы то ни было, только каждое самопожертвованіе требуетъ

а) Твердости духа, безъ которой оно не возможно, (см. § 124) какъ высшее обнаруженіе свободной воли.

б.) Святости цѣли; ибо безразсудно было бы жертвовать собою, для достиженія какихъ либо ничтожныхъ выгодъ или изъ пустаго тщеславія, какъ напримѣръ поступаютъ тѣ, которые, безъ всякой нужды, пускаются на опасность чрезъ глубокія рѣки.

(*) Contra cels. lib. 1.

в.) Важности случая; безъ сего жертвовать своею безопасностію значило бы не дорожить своею жизнію. Противъ этого правила поступаютъ дуэлисты, напрасно подвергающіе жизнь свою опасности.

г.) Вообще сказать,—каждое самопожертвованіе должно быть въ своей мѣрѣ, въ свое время, при своихъ обстоятельствахъ.

§ 128. Самопожертвованіе въ такомъ же находится отношеніи къ характеру, въ какомъ геній къ таланту. Въ сущности своей они безразличны; ибо взаимно предполагаютъ другъ друга и не могутъ существовать одно безъ другаго. Но какъ самопожертвованіе выше характера, такъ характеръ постояннѣе самопожертвованія; отъ того первое рѣдко, а послѣдній чаще встрѣчается между людьми. Человѣкъ съ характеромъ можетъ оставаться существомъ нравственно—свободнымъ безъ самопожертвованій, но безъ характера онъ дѣлается игрою обстоятельствъ; ибо естественное влеченіе къ добру не превращается въ немъ въ моральную необходимость. Почему нельзя лучше опредѣлить характера, какъ назвавъ его постоянствомъ въ принятыхъ правилахъ жизни, которое ежеминутно опредѣляетъ собою свободный образъ дѣйствованія и

представляетъ качественный его итогъ. По этому опредѣленію характеръ обнимаетъ какъ *добродѣтели,* такъ и *пороки,* судя потому, какое будетъ употребленіе свободы,—прямое—къ добру, или превратное—къ злу.

§ 129. Характеръ или свободное самоопредѣленіе воли простирается на всю природу человѣческую, а потому можетъ быть раздѣленъ на *чувственный* и *духовный.* Здѣсь открывается число главныхъ добродѣтелей, соотвѣтствующее врожденнымъ побужденіямъ души или предрасположеніямъ, и то, какъ дѣйствія, по содержанію одинаковыя, весьма много получаютъ возвышенности чрезъ форму совершенія, которая бываетъ или природная, или усвоенная свободою.

Характеръ чувственный обнаруживается въ добродѣтеляхъ, соотвѣтствующихъ чувственному инстинкту. Такъ какъ инстинктъ сей, взятый въ совокупности съ инстинктомъ самосохраненія и воспроизведенія рода, состоитъ въ слѣпомъ стремленіи къ *движенію, питанію* и *половому совокупленію,* то, переходя чрезъ произволъ изъ своей естественной необходимости въ характеръ необходимости свободной, является въ трехъ добродѣтеляхъ: *трудолюбіи, умѣренности,* и *цѣло-*

мудріи. Симъ добродѣтелямъ противуполагаются: *лѣность, невоздержаніе* и *распутство.*

§ 130. Характеръ духовный человѣка можетъ быть раздѣленъ по способностямъ на характеръ а) ума, б) воли и в) сердца.

а.) Характеръ ума, сообразно умственному инстинкту, непреодолимо влекущему насъ къ познанію истины, обнаруживается въ преобразованномъ или свободно—необходимомъ исканіи истины. Отсюда *правдивость* и противуположенная ей *лживость* со всѣми ихъ видами.

б.) Характеръ воли, согласно нравственному инстинкту или естественному побужденію къ добру, открывается опять въ преобразованномъ волею или свободно—необходимомъ опредѣленіи себя къ добру. Отсюда раждаются *честноть, снисходительность, благородство;* противуположные имъ пороки *недобросовѣстность, притязательность* и *подлость.*

в.) Характеръ сердца, соотвѣтственно врожденной намъ любви къ прекрасному, состоитъ въ постоянномъ самоопредѣленіи человѣка ко всему возвышенному въ чувствованіяхъ сердечныхъ. Здѣсь получаетъ начало свое непорочная *любовь,* святое чувство добротѣтели, основаніе и союзъ всѣхъ совершенствъ нравственныхъ. Ей

противуположна *злость,* которой свойство—противодѣйствовать всему доброму, или въ извѣстномъ отношеніи.

§ 131. Вообще о характерѣ должно замѣтить:

1. Что онъ пріобрѣтается не вдругъ, но мало по малу, и, именно чрезъ возведеніе естественныхъ, природныхъ влеченій души въ свободно—необходимыя дѣйствія. Это возведеніе состоитъ въ преобразованіи добра субъективнаго и безсознательнаго въ предметное и сознаваемое, чрезъ что и получаетъ начало свое *нравственность.*

2. Поелику характеръ состоитъ въ самообразованіи воли; а воля человѣческая подвержена безчисленнымъ вліяніямъ на нее внѣшнихъ обстоятельствъ; то и образованіе такого или другаго характера немало зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, какъ то: отъ воспитанія, отъ религіи, отъ темперамента и т. под.

Такимъ образомъ характеръ человѣческій, не въ первообразной своей чистотѣ принимаемый, имѣетъ различныя наименованія и бываетъ то *тяжелый* или *легкій,* то *сильный* или *слабый,* то *прямой* или *хитрый,* то *холодный* или *горячій* и проч.

3. Какъ отъ высокаго одинъ шагъ до смѣшнаго, такъ и отъ величія въ характерѣ весьма не далеко до уродливости. Это бываетъ впрочемъ слѣдствіемъ особливо важныхъ постороннихъ вліяній на характеръ. (Мирабо).

4. Хотя инстинктъ и характеръ заключаютъ въ себѣ элементы природной и нравственной необходимости; однако не исключаютъ совершенно *свободы выбора.* Напротивъ какъ естественная, такъ и нравственная необходимость находятся въ зависимости отъ нея; ибо мы свободны ежеминутно, по своему произволу, измѣнять направленіе и образъ своей дѣятельности. Посему

5. въ родѣ человѣческомъ не можетъ быть ни совершеннаго добра, ни совершеннаго зла. Ему предоставлено только утверждаться въ теченіе жизни въ томъ или другомъ, и утвержденіе сіе конечно можетъ переходить различныя степени, но всегда, болѣе или менѣе, условно необходимо.

6. Наконецъ, что касается до *безхарактерности,* то она возможна была бы только при совершенномъ безразличіи добра и зла; но какъ онаго безразличія не существуетъ при свободѣ выбора и самоопредѣляемости къ тому или дру-

гому дѣйствованію: то нельзя допустить и *без-характерности*, развѣ въ томъ только смыслѣ, что самоопредѣляемость воли часто бываетъ перемѣнчива. (См. 4).

ГЛАВА III.

СЕРДЦЕ.

§ 132. Сердце, въ духовномъ значеніи, занимаетъ средину и составляетъ связь между способностями познавательною и желательною, точно такъ, какъ, въ физіологическомъ смыслѣ, оно служитъ средоточіемъ мозговой и желудочной системы. Оно-то главнымъ образомъ и составляетъ душу нашу, такъ, что все, чему надобно совершиться въ насъ и чрезъ насъ, необходимо должно коснуться сердца; иначе внутренняя жизнь наша останется не развернутою и какъ бы въ почкѣ сокрытою, для которой холодное знаніе есть тоже, что для растенія не его воздухъ. А отсюда естественное слѣдствіе, что въ сердцѣ заключается начало и знанія истиннаго, и доброй нравственности. Человѣкъ безъ сердца не можетъ быть ни умнымъ, ни добрымъ

§ 133. Сердце есть способность *сознавать* внутренния, отъ различныхъ причинъ происходящія перемѣны, движенія и состоянія нашего *духа*. Мы сказали, что оно есть способность *сознавать*; это важно: ибо не все, что въ насъ происходитъ, не всякое состояніе наше есть сердечное ощущеніе; напротивъ, гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ и чувствованія. Это легко подтверждается перемѣнами и состояніями нашего организма, которыя, находясь внѣ нашего сознанія, совершаются для насъ не ощутительно [кровообращеніе, питаніе]. Съ другой стороны, мы принимаемъ сердце за способность сознавать движенія и состоянія нашего духа, въ отличіе отъ способности чувственнаго воспріятія, которая тоже чрезъ посредство нервовъ даетъ намъ знать о внутреннихъ состояніяхъ, но только тѣла, а не души.

§ 134. Это обстоятельство весьма значительно. Потому что, какъ ни часто смѣшиваютъ означенныя двѣ способности, однакожъ безъ достаточнаго основанія. Нѣтъ спору, связь между ними самая тѣснѣйшая; но и различіе не безощутительно.

а.) Чувство тѣла и чувство чисто—духовное равно могутъ сопровождаться печалію или удо-

вольствіемъ: но эта печаль и это удовольствіе различны по существу своему; въ одномъ случаѣ они происходятъ въ тѣлѣ и имѣютъ отношеніе къ матеріальному предмету; въ другомъ случаѣ они независимы отъ тѣла и относятся непосредственно къ причинѣ духовной, нравственной.

б.) Чувственное воспріятіе, какъ и сердечное чувствованіе, независимо отъ насъ въ минуту своего рожденія; но оно продолжается до тѣхъ поръ, пока производятся на насъ впечатлѣнія; сердечныя ощущенія напротивъ могутъ быть еще сильнѣе, тогда какъ внѣшнихъ причинъ ихъ уже не существуетъ.

в.) Воспоминаніе чувственнаго воспріятія обыкновенно не приноситъ намъ ни того удовольствія, ни той скорби, которыми оно сопровождалось; но воспоминанія сердечныя часто растворяются тою же грустію или пріятностію.

г.) Воспоминаніе того, что мы просто видѣли или слышали, всегда слабѣе самаго ощущенія; напротивъ что дошло до сердца, то сохраняется долговременно въ немъ съ одинаковою силою; не рѣдко воспоминаніе сердечныхъ страданій еще увеличиваетъ ихъ тяжесть. Наконецъ

д.) Воспоминаніе ощущенія простаго совер-

менно различно отъ самаго ощущенія; а воспоминаніе чувствованія сердечнаго часто есть вмѣстѣ и самое повторенное чувство. Короче, чувственное воспріятіе скоропреходяще; чувствованіе сердечное такъ продолжительно, что иногда не оставляетъ человѣка до гроба; первое служитъ средствомъ сообщенія души съ тѣломъ; послѣднее чисто-духовно; первое поставляетъ душу въ отношеніе съ вещами физическими; послѣднее относится болѣе къ міру нравственному; первое можетъ быть орудіемъ послѣдняго или поводомъ, но никогда не можетъ быть имъ самимъ, равно какъ и послѣднее никогда не переходитъ въ первое.

§ 155. Показавъ различіе сердечныхъ ощущеній отъ чувственнаго воспріятія, естественно спросить: есть-ли жизнь сердца нашего самостоятельная, первообразная, или она состоитъ изъ сліянія теоретическихъ отправленій души съ практическими? Вопросъ весьма важный; ибо отъ рѣшенія его зависитъ взглядъ на всѣ способности. Сліяніе въ чувствованіи умственныхъ и нравственныхъ элементовъ, кажется, даетъ право на послѣднее мнѣніе, которое и принято нѣкоторыми изъ новѣйшихъ психологовъ.

Примѣчаніе. Способность чувствованій, го-

ворятъ, (*) »не есть какая либо особенная отъ познавательной и желательной стороны отличная сила души; съ первою стороною она имѣетъ одно и тоже сознаніе; а со второю одну и туже волю, съ тѣмъ только различіемъ, что два эти начала души въ способности чувствованій еще тѣснѣе между собою соединены и еще въ большемъ находятся равновѣсіи и слѣд. сознаніе здѣсь еще полнѣе волею, а воля еще сознательнѣе и ощутительнѣе.» Совсѣмъ другимъ образомъ, нежели Фишеръ, но также соединяетъ въ чувствѣ всѣ способности Кардальякъ, говоря, что и мысли, и желанія заключаются въ ощущеніи, какъ въ сѣмяни. Тотъ и другой впрочемъ согласны въ томъ, что способность чувствованій почитаютъ не силою души, но началомъ душевной дѣятельности, въ которомъ затаены силы—познавательная и желательная и въ которомъ онѣ, будучи развиты, уравновѣшиваются и вновь сливаются.

Но 1. Дѣятельность душевная вообще взятая сливается не только въ чувствованіяхъ; она тѣснѣйшимъ образомъ соединяется и въ позна-

(*) См. руковод. къ опыт. Псих. Ореста Новицкаго стр. 313. § 212.

нія и въ желаніяхъ; душа вся во всѣхъ способностяхъ, и, будучи одна въ своей сущности, тройственна въ своихъ силахъ. На этомъ основаніи, можно бы и способность познавательную почитать не первообразною силою, а составною изъ чувствованій и желаній; потому что, безъ чувствъ и безъ воли не можетъ быть представленій, и потому, что въ представленіи часто вдругъ соединяются чувства и желанія.

2. Изъ ощущенія ли, какъ изъ сѣмяни, или изъ другаго начала развиваются прочія способности? послѣднее вѣроятнѣе; ибо несомнѣнно, что хотя нѣтъ чувства безъ представленія и представленія безъ ощущенія; но они не одно и тоже. То же должно сказать и о желаніяхъ.

3. *Самовозбужденіе,* [инстинктъ] которое Фишеръ по справедливости почитаетъ корнемъ души, открывается всегда первоначально въ чувствованіи, но его нельзя, кажется, назвать способностію чувствованія, чтобъ произвесть отсюда, какъ вѣтви, силы душевныя. (*) Оно только переходитъ чрезъ чувствованіе въ познаніе и желаніе и служитъ основою чувствованія очевиднѣе лишь потому, что человѣкъ сначала жи-

(*) тамъ же стр. 290, § 197.

ветъ чувственною жизнію. Въ самомъ же дѣлѣ, не изъ способности чувствованія, а единственно изъ самовозбужденія или необходимо—естественнаго влеченія природы возникаютъ прочія способности, которыя отъ способности чувствованія зависятъ однимъ раскрытіемъ *исторически* позднимъ.

§ 136. Не увлекаясь ни какими теоріями, которыя всегда отличаются болѣе складомъ, чѣмъ ладомъ, мы признаемъ жизнь сердечную самостоятельною и первообразною, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ признаемъ самостоятельность силъ—познавательной и желательной. Вотъ основанія:

а.) Чувствованія сердечныя не могутъ быть сліяніемъ прочихъ силъ душевныхъ, потому, что они существуютъ прежде другихъ отправленій духа и независимо отъ нихъ. Анатомія утверждаетъ, что сердце старѣе и долговѣчнѣе какъ головы, такъ и внутренностей. Это же самое замѣчается и въ сердцѣ, какъ душевной способности. Ибо не часто-ли мы чувствуемъ напередъ, нежели знаемъ или желаемъ? Равнымъ образомъ и то несомнѣнно, что скорѣе мы можемъ позабыть о драгоцѣнномъ благѣ, скорѣе можемъ не желать его, чѣмъ не грустить о потерѣ того,

что сердцу нашему мило. Здѣсь нѣтъ ни какихъ элементовъ ни познавательной силы, ни желательной.

б.) Можно сказать, что въ способности чувствованія много находится противуположнаго познавательной и желательной. Дѣти и женщины, обыкновенно богатыя чувствомъ, бѣдны познаніемъ. Въ сильныхъ несчастіяхъ, когда сердце, какъ говорятъ, надрывается, человѣку ни до познаній, ни до желаній. Случается и обратно: иной много знаетъ, многаго желаетъ; слѣдовало бы слиться всему этому въ сердцѣ,—нѣтъ, сердце его безчувственно.

в.) Бываетъ то, что можно знать и хотѣть безъ всякаго чувства сердечнаго [напр. въ половомъ побужденіи]; а иногда чувствуется не зная и нехотя [предчувствія].

г.) Сердце имѣетъ въ себѣ какую-то силу непобѣдимую ни разумомъ, ни волею. Что въ самую глубину его врѣзалось, того не могутъ истребить прочія способности, какъ бы онѣ ни силились. Доказательство—страстная любовь.

д.) Рѣшительнѣе сказать,—чувствованіе сердечное въ сознаніи нашемъ составляетъ такой же независимый актъ, какъ и представленіе или желаніе, не смотря на то, что оно во многихъ

случаяхъ сливается съ ними. Чувствованіе не *есть вѣтвь познавательной способности:* ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Галичь, (*) »мы посѣщаемы бываемъ множествомъ предчувствій, причудъ и безотчетныхъ ощущеній; мы часто радуемся, еще чаще тоскуемъ и сами не знаемъ о чемъ, иногда мысли втѣсняются въ сердце наше какъ что-то ему совершенно чуждое, постылое, враждебное.» Но чувствованіе же *не есть вѣтвь и желательной способности;* потому что желаніе всегда влечетъ насъ къ внѣшнему міру, для восполненія истинныхъ или мнимыхъ недостатковъ нашего бытія; тогда какъ муки сердечныя скрываются въ душѣ, а восторгъ открывается часто безъ всякихъ желаній. Слѣдствіе очевидно.

§ 137. Какъ ни многоразличны сердечныя ощущенія, но они имѣютъ общія черты, кои суть слѣдующія:

1. Жизнь сердечная хотя преимущественно обнаруживается въ біеніи сердца и скоромъ движеніи крови, но она обнимаетъ все существо человѣка какъ тѣлесное, такъ и духовное. Когда мы бываемъ въ сердцѣ, то самыя кости, если можно сказать, проникаются его чувствами.

(*) Карт. человѣка 356 стр. § 310.

2. Продолжительныя ощущенія сердца никогда не бываютъ такъ постепенны, какъ мысли и желанія. Въ нихъ нѣтъ цѣльности; каждый рядъ ихъ состоитъ изъ отдѣльныхъ движеній, опредѣляемыхъ каждою минутою времени, каждымъ біеніемъ сердца. Отъ того-то, вѣроятно, языкъ сердца отрывчивъ, что и самыя чувствованія его рѣдко, почти никогда не бываютъ опредѣленны.

3. Сія то неопредѣленность и служитъ причиною того, что чувствованія переходя въ область ума теряютъ свою первоначальную живость, они не доступны ни какой наукѣ; только искуство умѣетъ имъ нравиться и ихъ выражать то красками, то мимикою, а особливо тонами. Сродство сердца съ музыкою не постижимо; но оно конечно происходитъ отъ того, что тоны ея своими переливами способнѣе всякаго языка къ выраженію тайнъ сердечныхъ.

4. Сильныя чувствованія всегда быстры. Это огонь, самъ себя сожигающій и потому прекращающій пожаръ душевный въ самую минуту возникновенія. Замѣчаніе сіе всегда надобно имѣть въ виду тѣмъ, которые хотятъ дѣйствовать на сердце рѣшительнымъ образомъ. Здѣсь дорога одна только минута.

5. Ощущенія сердца просты, не разложимы ни на какія части. Это газъ, который добывается изъ разнородныхъ веществъ, но самъ не заключаетъ въ себѣ ничего разнороднаго и сложнаго. Наконецъ

6. Чувствованіе сердечное, какъ ни безотчетно, какъ ни темно и смѣшанно, но сильнѣе, чѣмъ разсудокъ, удостовѣряетъ насъ и въ бытіи свободы, и въ поведеніи другихъ и въ существованіи духовнаго міра. Посему-то и вѣра прививается всегда къ чувству; и нравственность наша держится главнымъ образомъ на немъ же.

§ 158. При общихъ чертахъ сердечной жизни, должны быть законы ея движеній; но они для насъ малоизвѣстны. Знаемъ только, что

1. Чувствованія, сами въ себѣ не уловимыя и неопредѣленныя, опредѣляются внѣшними возбужденіями, которыя въ данное время въ данныхъ обстоятельствахъ и на данное лице дѣйствуютъ такъ, а не иначе.

2. Сила чувствованій всегда соразмѣрна причинѣ оныхъ, а продолженіе ихъ находится къ силѣ въ обратномъ отношеніи. Чѣмъ сильнѣе или напряженнѣе чувствованіе, тѣмъ оно не выдержимѣе и слѣд. быстрѣе. И наоборотъ, чѣмъ сердце глубже чувствуетъ что-либо и не взры-

вается т. е. равнодушнѣе переноситъ, тѣмъ долѣе оно носитъ въ себѣ впечатлѣніе. На этомъ основаніи не надобно бояться людей съ пламенными порывами сердца, но всегда должно опасаться тѣхъ, которые ваши обиды принимаютъ такъ, какъ будто бы они ихъ и не понимаютъ.

3. Глубокія чувствованія всегда тяготятъ человѣка; по этому обыкновенно радость и печаль, въ полной силѣ,—не выдержимы; первая сама собою открывается другимъ, послѣдняя разрушаетъ составъ тѣлесный. Наконецъ

4. Самыя слабыя чувствованія, въ первый разъ коснувшіяся сердца, какъ новые гости, никогда неожиданные, поражаютъ его; напротивъ и сильныя ощущенія, съ которыми свыклось сердце, уже не сильны для него. Тяжело чувство нищеты, но когда человѣкъ привыкаетъ къ ней, оно его менѣе тяготитъ.

§ 139. Чувствованія сердечныя можно разсматривать частнѣе двоякимъ образомъ 1) по отношенію къ предметамъ ихъ и 2) по внутреннему ихъ качеству.

По отношенію къ предметамъ, чувствованія бываютъ а) физическія, б) умственныя, в) нравственныя г) эстетическія и д) религіозныя.

а) Сердечныя чувствованія называются фи-

зическими тѣ, которыя возбуждаются въ душѣ нашей разсматриваніемъ вещей и ощущеніями тѣлесными. Душа наша тѣснѣйшимъ образомъ соединена съ тѣломъ, а чрезъ тѣло и съ вещественною природою; слѣдственно то, что физически совершается съ нами и передъ нами, не можетъ и въ сердцѣ нашемъ не раждать тѣхъ, или иныхъ чувствованій.

б) Умственное чувство есть собственно чувство *истины*. Не одинъ умъ ищетъ истины; она пріятна и сердцу; она родная ему, только затерянная. Какъ сладко душѣ бываетъ, когда мы послѣ долговременныхъ усилій пріобрѣтаемъ, хотя малую прибыль для познаній! Недаромъ Пиѳагоръ принесъ въ жертву Богамъ сто воловъ за математическую истину; сердце его любило и услаждалось мудростію. Странно впрочемъ то, что философы обыкновенно ищутъ истины однимъ умомъ; въ системахъ ихъ нѣтъ мѣста сердцу. Отъ того то онѣ такъ сухи и страшны

в) Чувство нравственное есть чувство, опредѣляющее достоинство и дающее цѣну свободнымъ дѣяніямъ человѣческимъ. Хотя оно, подобно прочимъ чувствамъ, темно и неопредѣленно; тѣмъ не менѣе впрочемъ голосъ его извѣстенъ человѣку, воспитанному въ правилахъ нра-

вственности, когда онъ обращаетъ вниманіе на свои или другихъ людей поступки. Безъ этого чувства не было бы въ душѣ ни стыда, ни раскаянія, ни самодовольства, ни уваженія своихъ обязанностей и правъ ближняго. Потерять его—значило бы потерять благородство, которымъ Творецъ отличилъ насъ отъ звѣрей. Вотъ почему въ сомнительныхъ обстоятельствахъ человѣкъ посылается въ Совѣстный Судъ! Здѣсь его свидѣтель—нравственное чувство, которое, не будучи повреждено, всегда показываетъ истину.

г) Эстетическое чувство есть безкорыстное чувство красоты, доставляющее человѣку благороднѣйшее и возвышеннѣйшее наслажденіе всѣмъ, что носитъ на себѣ печать изящества. Оно освѣжаетъ наше бытіе, одушевляетъ насъ неизъяснимымъ восторгомъ, восхищаетъ изъ обыкновеннаго порядка вещей въ міръ горній, гдѣ царствуетъ гармонія и чистота не земная, и даетъ предощущать то блаженство, которое уготовано чистымъ сердцемъ на небесахъ. Нѣтъ человѣка съ умомъ и сердцамъ, который не имѣлъ бы эстетическаго чувства. Кто можетъ равнодушно смотрѣть на чудеса Божіи, повсюду разсѣянныя во вселенной? Кто не услаждался созерцаніемъ звѣздъ,

картиною солнечнаго восхожденія и захожденія, пѣніемъ птицъ, и такъ далѣе? Кто не благоговѣетъ предъ высокимъ, не поражается трагическимъ, не любуется милымъ, не забавляется смѣшнымъ, и самъ не зная почему? Въ комъ не было никогда охоты къ произведеніямъ изящнымъ если не въ искуствѣ, покрайней мѣрѣ въ жизни практической? Украшеніе домовъ, внутреннее ихъ расположеніе, богатство въ вещахъ и употребленіе ихъ, красота въ одеждѣ, вкусъ въ мебели, въ разведеніи садовъ, все это не есть ли удовлетвореніе эстетическому чувству? Жаль только одного, что большая часть рода человѣческаго, стараясь о пріобрѣтеніи изящныхъ предметовъ не умѣетъ ими наслаждаться эстетически. Вещь сама по себѣ взятая, какъ бы ни прекрасна была, ничего не прибавляетъ душѣ нашей, если въ ней не пробуждаетъ благородныхъ чувствованій; а для этого необходимо эстетическое воспитаніе, котораго главнымъ образомъ, кажется, не достаетъ въ обыкновенномъ воспитаніи дѣтей. И не отъ этого ли люди часто умные и занимающіе почетные должности имѣютъ грубыя чувства, недостойныя чистой нравственности? Нравственность всегда страдала и будетъ страдать отъ неразвитія эсте-

тическаго вкуса. Ибо онъ находится въ самой тѣснѣйшей связи съ нравственнымъ образованіемъ по причинѣ однородности изящнаго съ добрымъ. Кто не находитъ въ благѣ изящества и не чувствуетъ его, тотъ дѣлаетъ и добро не для добра, а по какому либо корыстному побужденію или изъ приличія и боязни отъ другихъ людей укоровъ, и, его нравственность есть нравственность торговая, купеческая.

д) Религіозное чувство есть чувство вездѣприсутствія Божія, сопровождаемое благоговѣніемъ предъ Его безконечными совершенствами и удивленіемъ Его премудрымъ дѣламъ. Создавъ вселенную, Великій художникъ отпечатлѣлъ на всемъ свой безконечный умъ и свою Святую волю; разсматривая творенія Его на землѣ и на небѣ, въ водахъ и подъ землею, кто не воскликнетъ съ Богодухновеннымъ созерцателемъ чудесъ творческихъ: *дивна дѣла твоя, Господи; вся премудростію сотворилъ еси!?* Но ни гдѣ такъ ясно Онъ не открылъ самъ себя, какъ въ насъ самихъ и особливо въ нашей совѣсти, неумолкно побуждающей имѣть предъ очами своими Бога. Къ несчастію, человѣкъ, потерявъ рай въ душѣ, затемнилъ въ сердцѣ своемъ чувство вездѣприсутствія Божественнаго и, забывая о немъ,

предался суетѣ, какъ бы Творецъ этого не видѣлъ. Религіозное чувство, глубже всего внѣдренное въ природѣ души нашей, такъ заглушено въ ней, что рѣдко, рѣдко проясняется и, какъ небесный гость, не надолго посѣщаетъ насъ, приводя въ гармонію всѣ силы душевныя и какъ бы расплавляя ихъ нѣкоторымъ образомъ въ горячее чувство благоговѣйнаго умиленія. Это—счастливѣйшія минуты въ нашей жизни, которыя напоминаютъ намъ потерянный рай и вмѣстѣ даютъ предощущать будущее блаженство. Отъ того онѣ и сопровождаются обыкновенно вздохами и слезами, которыя впрочемъ радостны.

§ 140. Главное и коренное чувствованіе въ душѣ нашей есть *любовь*, связующая иногда одно существо съ другимъ такъ, что ни какія препятствія не могутъ разлучить душъ ихъ отъ взаимнаго единенія. Ее можно назвать жизнію сердца, безъ которой ничто на свѣтѣ не пріятно, по тому, что одно существо, какъ бы оно ни было совершенно, само для себя бѣдно, недостаточно, неполно. Свойство истинной любви весьма высоко; она всегда основывается на честности, поддерживается честностію и продолжается до тѣхъ поръ, пока не нару-

шается честность; она крѣпка, какъ смерть, и переживаетъ все,—не только то, что скоро проходитъ, но и вѣру, и надежду, которыя по свойству своему тоже долговѣчны. Въ сущности своей любовь положительнаго свойства; она животворитъ духъ нашъ; но формы, подъ которыми она выражается, частію положительнаго, частію отрицательнаго, частію смѣшеннаго характера. Отсюда чувствованія, по внутреннему своему характеру, какъ формы или видоизмѣненія одного кореннаго чувства—любви, всегда бываютъ или 1. пріятныя, или 2. непріятныя, или 3. смѣшенныя.

§ 141. 1) Пріятныя чувствованія суть тѣ, которыя услаждаютъ сердце наше или, какъ говорятъ, по душѣ намъ. Они происходятъ отъ причинъ весьма различныхъ и по силѣ, равно какъ по стремительности, много различаются и разнообразятся, обыкновенно переходя въ волненія или а) тихія, но продолжительныя, или б) вдругъ потрясающія сердце, но скоропреходящія.

а) Къ числу тихихъ, но глубокихъ и продолжительныхъ чувствованій пріятныхъ принадлежатъ *радость* и *надежда*. Радость есть пріятное чувство, происходящее отъ ожиданія или полученія вождѣлѣнныхъ пріобрѣтеній. Чѣмъ бо-

лѣе сіи пріобрѣтенія насъ занимаютъ и чѣмъ они вѣрнѣе, тѣмъ глубже радость проникаетъ въ наше сердце и продолжается до тѣхъ поръ, пока мы не испытаемъ полнаго, совершеннаго наслажденія ея плодомъ. Надобно замѣтить впрочемъ, какъ чудно создана природа наша: мы едва ли не всегда болѣе радуемся, когда *надѣемся* получить благо, нежели тогда, когда получаемъ его. *Надежда* есть пріятное чувство, радующее насъ тоже полученіемъ будущаго блага. Она бываетъ весьма различна по предметамъ и находится въ ближайшей связи съ различными состояніями и отношеніями человѣка къ природѣ его окружающей, къ обществу, въ которомъ онъ живетъ, къ званію, которое на себѣ носитъ. Притомъ она бываетъ или опредѣленнаго свойства, или относится къ чему бы то нибыло, только лучшему настоящаго. Во всякомъ случаѣ, надежда, вообще взятая, есть чувство сколько глубокое, столько же и продолжительное: глубокое,—потому что нѣтъ человѣка, который не жилъ бы ею, безъ ея не можетъ существовать наше сердце; продолжительное,—потому что она есть спутница наша отъ младенческихъ пеленъ до самаго гроба.

б.) Къ чувствованіямъ пріятнымъ, хотя силь-

ію потрясающимъ сердце, но не на продолжительное время, принадлежитъ: *веселіе,* обнаруживающееся пѣніемъ, пляскою и восклицаніями. Оно можетъ переходить въ *игривость,* которая выражается острыми, иногда колкими шутками, а у людей необразованныхъ, равно какъ довольно подвеселившихъ себя крѣпкими напитками, нерѣдко доходить до самозабвенія въ словахъ и поступкахъ. Но самый высшій степень веселости есть *восхищеніе,* такъ сильно потрясающее душу, что она вся превращается въ восторгъ, переставая мыслить и желать. Неудивительно, что это чувство, при слабости нервной системы и особливо при своей неожиданности, можетъ причинить смерть человѣку; оно, какъ пламя этны, мгновенно можетъ разорвать слабый составъ человѣческій.

§ 142. 2) Непріятныя чувствованія суть тѣ, кои стѣсняютъ нашу душу, внося въ нее нѣчто чуждое и враждебное сердцу. Они, какъ и пріятныя, бываютъ разныхъ степеней и переходятъ или а) въ тихія и продолжительныя, или б) въ быстрыя и необычайно сильныя.

а.) Непріятныя чувствованія, отличающіяся тихостію и продолжительностію, суть: *печаль, безнадежность* и *ревность.* Печаль есть непріят-

ное состояніе сердца, когда мы разлучаемся съ обладаемымъ нами благомъ. Она называется *скорбію, унынiемъ* и *прискорбіемъ* по силѣ смущенія, происходящаго отъ лишенія блага, и обнаруживается обыкновенно жалобами, плачемъ и стенаніемъ. Цѣль сихъ жалобъ, во всѣхъ ихъ видахъ, есть облегченіе сердца; онѣ же показываютъ, что человѣкъ, какъ ни глубоко проникнутъ печалію, еще не потерялъ надежды къ облегченію своей скорби. Противуположное сему состояніе называется *безнадежностію*, когда несчастный представляетъ свое бѣдствіе такимъ, которому не можетъ найти облегченія ни въ самомъ себѣ, ни въ другихъ людяхъ. Виды безнадежности суть: тайная сердечная *грусть*, которой рѣдкіе, но убійственные для жизни вздохи можетъ лечить одно время; *тоска*, или горесть, соединенная съ сильными муками души и тѣла, происходащими отъ тяжести безотраднаго горя; наконецъ *отчаяніе*, въ которомъ несчастный человѣкъ, лишившись мало по малу всякихъ надеждъ на какую либо отраду для себя въ жизни, ускоряетъ самъ свою погибель, иногда съ желаніемъ, чтобъ гибла съ нимъ вся вселенная. Оно выражается адскимъ хохотомъ и презорствомъ ко всему священному, проливаю-

щему въ душу, всякаго преступника недоведеннаго до отчаянія, сладкое утѣшеніе. Иногда впрочемъ въ безнадежности мѣсто отчаянія занимаетъ *меланхолія,* наполняющая душу несчастнаго одними мрачными думами и принадлежащая уже къ числу душевныхъ болѣзней. *Ревность*, взятая въ благородномъ значеніи ея, есть чувство крѣпкой и здоровой души, побуждающее ее къ защищенію истины, святости и красоты, которыя не могутъ быть непріятны и нелюбезны чистому сердцу. Когда сіе чувство соединяется съ благоразуміемъ, то оно составляетъ добродѣтель, а когда бываетъ не по разуму, то переходитъ въ фанатизмъ. Но есть еще ревность другаго рода; это тягостное, невыносимое состояніе души, мучимой опасеніемъ, чтобы любимое ею лице не возлюбило горячѣе кого-либо другаго. На ревниваго мужа каждое слово, каждая мина жены, особливо въ собраніи многихъ, дѣйствуетъ или какъ врачество, производящее минутное облегченіе отъ неисцѣлимой сердечной болѣзни, или какъ новый ядъ, разтравляющій старыя раны. Онъ готовъ пасть на колѣна предъ своимъ пенатомъ, если онъ угодитъ его подозрительности, но онъ же, обожатель, не замедлитъ излить весь гнѣвъ свой, пустить стрѣлы проклятія,

употребить физическія средства противъ того человѣка, который хотя бы неумышленно подалъ какой либо поводъ казаться ему соперникомъ. Во всякомъ случаѣ если припомнить, что истинная любовь основывается на честности и ею же поддерживается [§ 140], то ревность есть опасеніе самое не разумное; искренняя, основанная на честности, любовь безопасна отъ измѣны; а не искренняя не стоитъ того, чтобы вздыхать объ ея измѣнѣ.

б.) Непріятныя чувствованія на степени сердечныхъ потрясеній суть: *боязнь и огорченіе.* Боязнь есть смятеніе души, происходящее отъ наступающихъ или приближающихся золъ. Виды ея: *страхъ, ужасъ, испугъ* отличаются между собою степенью смятенія; посему, нѣтъ возможности слѣдить мыслію за ними въ быстрыхъ, неуловимыхъ движеніяхъ сердца; обыкновенно описываютъ болѣе тѣ выраженія тѣлесныя, которыми они сопровождаются. Блѣдность въ лицѣ, дрожаніе всего тѣла, отрывчивость и несвязность въ языкѣ, стѣсненіе дыханія, помѣшательство въ памяти, потеря воли,—вотъ обыкновенные признаки страха и ужаса. (*) Испугъ обна-

---

(*) Ужасъ въ войнѣ у древнихъ назывался: **terror panicus.**

руживается еще сильнѣе; онъ производитъ иногда, какъ и необычайный восторгъ, смерть. Это явленіе психологическое подобно тому явленію физической природы, что чрезмѣрный жаръ и холодъ, будучи противуположныхъ свойствъ между собою, равно убійственны. Впрочемъ бывали случаи, что человѣкъ исцѣлялся чрезъ испугъ отъ горячки, отъ падучей болѣзни отъ помѣшательства въ умѣ и отъ состоянія омертвѣлости. Съ этимъ чувствомъ имѣетъ ближайшее сродство *стыдъ*, который можно назвать нравственнымъ испугомъ, впрочемъ онъ выражается на лицѣ краскою, а не блѣдностію. Огорченіе есть оскорбленіе чѣмъ либо сердца, которое легко переходитъ въ *досаду и гнѣвъ*. Досада есть непріятное чувство сердечное, происходящее отъ не исполненія, по какимъ либо маловажнымъ причинамъ, того, что по всѣмъ вѣроятностямъ должно было къ нашему счастію сбыться, и наоборотъ отъ исполненія того, что по всѣмъ нашимъ догадкамъ недолжно было случиться. Посему *раскаяніе* есть нечто иное какъ видъ досады на самаго себя за какой нибудь поступокъ, легкомысленно сдѣланный. Сильная досада падаетъ на сердце, производитъ спазмы, горячку, желтуху, обмороки и даже самую смерть;

нерѣдко также отъ нея бываетъ разлитіе желчи. Но высшій степень огорченія выказывается въ *гнѣвѣ*, гдѣ къ неожиданной досадѣ на обидчика присовокупляется чувство собственной нашей силы какъ моральной, такъ и физической. Ибо слабому ли гнѣваться на сильнаго? Стоитъ только послѣднему посадить его на мѣсто, и для утишенія гнѣвнаго его духа уже много сдѣлано; да и свойство гнѣва таково, что онъ требуетъ необыкновеннаго напряженія силъ, невозможнаго для людей слабой организаціи. Тѣлесное выраженіе гнѣва, отъ какихъ бы онъ причинъ ни происходилъ, страшно и безобразно. (*) Не

(*) Прекрасно описываетъ его Сенека въ слѣдующихъ строкахъ: Flagrant et micant oculi, multus ore toto rubor, exaestuante ab imis praecordiis sanguine; labia quatiuntur, dentes comprimuntur horrent ac subriguntur capilli, spiritus coactus ac stridens, articulorum se ipsos torguentium sonus, gemitus, mugitusque, et parum explanatis vocibus sermo praeruptus, et complosae saepius manus, et pulsata humus pedibus, et

рѣдко хотя онъ бывалъ благодѣтеленъ по своимъ послѣдствіямъ, какъ то: прекращалъ разслабленіе членовъ, освобождалъ отъ горячки и падучей болѣзни; но отъ него же можно получить параличъ, падучую болѣзнь, помѣшательство и особливо легко повредить жизненныя соки.

Съ гнѣвомъ не должно смѣшивать благороднаго *негодованія* противъ поступковъ низкихъ, оскорбляющихъ достоинство человѣческой природы и терзающихъ неиспорченное сердце. Первый зависитъ отъ возвышенной раздражительности, высокомѣрія, своенравія, любви къ покою, живаго воображенія и избалованности; послѣднее раждается изъ любви къ добру и сочувствія къ ближнимъ. Первый безразсуденъ и по большей части вреденъ не только для души, но и для тѣла; послѣднее всегда разсудительно и благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ. Отъ гнѣва всегда должно остерегаться, чтобъ не разрывать

---

totum concitum corpus, magnasque minas agens, foeda visu et horrenda facies depravantium se, atque intumescentium. Nescias, utrum magis detestabile vitium sit, an deforme. De ira lib. 1. c. 1.

напрасно своего сердца; но слышать или видѣть своими глазами несправедливости, вопіющія на небо, безъ негодованія и омерзенія,—это свойство однихъ людей безчеловѣчныхъ. Еще менѣе походитъ на гнѣвъ, такъ называемая, *брюзгливость* старухъ и стариковъ, которая безсердечна, безвредна для тѣла и почти вся состоитъ въ *логомахіи*.

§ 145. 5) Такъ какъ всѣ чувствованія сердечныя суть нечто иное, какъ видоизмѣненія одного кореннаго чувства—любви, то весьма естественно, что одно изъ нихъ сопровождается другимъ, другое третьимъ и такимъ образомъ составляется цѣлый рядъ ощущеній, сливающихся одно съ другимъ. Возмемъ для примѣра ревность; она естественно соединяется съ прискорбіемъ и досадою, съ безнадежностію въ любимомъ лицѣ и гнѣвомъ къ тому, кто ревнивцу представляется его соперникомъ. Мало этого; иногда чувства противуположныя по своему свойству быстро и неоднократно вытѣсняютъ другъ друга, какъ напримѣръ печаль радость, радость испугъ, испугъ веселіе, веселіе досада и т. далѣе. Но всѣ эти смѣны чувствованій нельзя еще назвать чувствованіями *смѣшанными*; ибо пріятное и горькое, вытѣсняя другъ друга

изъ сердца, не въ одно время доходятъ до сознанія нашего и слѣдств. не сливаются въ немъ между собою. Только тѣ чувствованія могутъ быть названы *слышанными*, которыя состоятъ изъ двухъ противуположныхъ началъ, не успѣвшихъ развиться въ своихъ дѣйствіяхъ и въ мгновенной смѣнѣ слившихся въ сознаніи въ одно неопредѣленное ощущеніе. Такимъ то образомъ иногда посѣщаетъ сердце наше томная надежда, иногда радость растворяется грустію, въ восторгѣ льются слезы, и печаль веселится, шутитъ, играетъ.

§ 144. Чувствованія въ порядкѣ сердечной жизни значатъ то же, что вожделѣнія въ жизни практической, а на степени сотрясеній они соотвѣтствуютъ страстямъ. Опытъ показываетъ, что гдѣ бушуютъ страсти, тамъ бываютъ сильныя порывы и тревоги сердечныя. Впрочемъ возмущенія сердца не одно и тоже, что страсти. Ибо

1. Хотя тѣ и другія безразсудны, но возмущенія сердечныя суть собственно движенія сердца, а страсти образуются изъ произвола нашего чаще и чаще удовлетворять своимъ прихотямъ; первыя болѣе раждаются отъ непосред-

ственныхъ потрясеній, причиненныхъ сердцу, а послѣднія изъ привычныхъ наслажденій.

2. Сердце возмущается вдругъ, неожиданно; страсти возникаютъ мало по малу и располагаютъ сердце въ свою пользу.

3. Порывы сердца не предполагаютъ никакого умысла, никакой корысти, и, потому законъ нравственный судитъ объ нихъ снисходительнѣе, чѣмъ о страстяхъ, которыя, будучи медленны въ своемъ развитіи, всегда укореняются съ разсужденіемъ, устремляются къ опредѣленнымъ цѣлямъ, рѣшительно своекорыстнымъ и предосудительнымъ. Наконецъ

4. Вспышки сердечныя какъ скоро появляются, такъ скоро и проходятъ;—это горный потокъ, который въ кипучемъ стремленіи своемъ расторгаетъ оплоты и быстро утекаетъ. Страсти напротивъ медленно возникаютъ, нескоро укореняются, но за то превращаются въ жизнь души и не оставляютъ ее до гроба. По этому не бойтесь людей вспыльчивыхъ: это дѣло минутное, еще болѣе, это признакъ, что въ нихъ немного страстей; но опасайтесь того человѣка, который съ расчетомъ своей страсти бываетъ и въ самыхъ порывахъ своего сердца, или

лучше, у котораго сердце, какъ у инаго судьи, подведено подъ юридическіе законы.

§ 145. Есть соотвѣтственность въ жизни сердечной и съ высшими обнаруженіями какъ познавательной, такъ и желательной способности. Она заключается въ воодушевленіи или энтузіазмѣ [послѣдній отличается одною продолжительностію], составляющемъ высшую степень силы, какую могутъ получить чувствованія сердечныя, обращенныя къ высшему, идеальному порядку жизни. Отличительныя черты его суть слѣдующія;

а.) Энтузіазмъ не есть какая либо мгновенная вспышка горячаго сердца; нѣтъ, это постоянное, покрайней мѣрѣ продолжительное настроеніе его къ истинному, доброму и изящному, которое, мы умѣли дать себѣ въ ясномъ сознаніи своихъ силъ и идей, одушевляющихъ насъ, настроеніе безкорыстное, въ которомъ человѣкъ возвышается надъ требованіями чувственнаго самолюбія и подвизается не столько для своего, сколько для общаго блага.

б.) Энтузіазмъ не довольствуется бездѣйственнымъ вдохновеніемъ; онъ порываетъ человѣка къ произведенію великаго, вливая въ сердце его сладостъ небесныхъ ощущеній. Общественная польза, любовь къ справедливости, патріо-

тизмъ, геройство, мученичество,—вотъ что восхищаетъ человѣка, управляемаго воодушевленіемъ. По этому признаку легко отличить энтузіазмъ истинный отъ поддѣльнаго, фальшиваго. Ибо есть люди, которые не могутъ говорить безъ сердечныхъ порывовъ къ святому и высокому, безъ красныхъ словъ и восклицаній; но этотъ видимый энтузіазмъ и ограничивается только велерѣчіемъ; въ безпрерывныхъ порывахъ своихъ онъ не производитъ ничего великаго, тогда какъ истинный энтузіазмъ тѣмъ дѣятельнѣе и тѣмъ очевиднѣе открывается въ поступкахъ, чѣмъ болѣе предстоитъ ему трудностей, которыя должно побороть.

в.) Энтузіазмъ предполагаетъ въ человѣкѣ свѣтлый умъ и твердую, еще не поврежденную волю. Ибо какое одушевленіе можетъ быть въ человѣкѣ, коего умъ занятъ не высокими идеями, но приготовленіемъ для себя жизненныхъ продовольствій, коего воля, какъ тростникъ, гнется въ ту и другую сторону всякими обстоятельствами!

г.) Энтузіазмъ требуетъ крѣпости силъ тѣлесныхъ, необходимой къ совершенію великихъ дѣлъ; но то ложно, будто онъ разслабляетъ и разстроиваетъ органическія силы. Иначе нельзя

бы было объяснить ни тѣхъ неимовѣрныхъ трудовъ, къ перенесенію которыхъ способны бываютъ энтузіастики, ни той живости силъ органическихъ и воображенія, ни того вдохновеннаго, могущественнаго языка, который проникаетъ въ глубину сердецъ человѣческихъ и разитъ ихъ своимъ побѣдоноснымъ орудіемъ.

д.) Энтузіазма никогда не должно смѣшивать съ фанатизмомъ, хотя то правда, что къ нему иногда примѣшивается *эгоизмъ*. Фанатизмъ есть безразсудная ревность, не имѣющая ни-какого прочнаго основанія [§ 120] и утверждающаяся всего чаще на слѣпомъ довѣріи къ извѣстному лицу, умѣвшему вдохнуть къ себѣ уваженіе средствами, можетъ быть, хитрыми и обманчивыми [Магометъ]. Но энтузіазмъ возникаетъ всегда подъ вліяніемъ разума, поддерживается не хитростями и коварствомъ, но чистосердечіемъ, достигаетъ цѣлей своихъ не употребляя въ орудіе однѣхъ страстей человѣческихъ, но руководясь преимущественно честностію. По сему-то фанатизмъ, какъ дѣло тмы, боится свѣта истины; энтузіазмъ напротивъ въ свѣтѣ ся ходитъ и съ нимъ пребываетъ. Наконецъ

е.) Что касается до нравственнаго достоинства поступковъ, произведенныхъ въ энтузіазмѣ,

то смѣло можемъ утвердить, что онъ нетолько не отнимаетъ у нихъ цѣны, но даже возвышаетъ ее. Ибо то, что дѣлается въ исполненіе только закона, безъ особеннаго расположенія и одушевленія, дѣлается потому только, что законъ повелѣваетъ, а не по внутреннему непреодолимому влеченію. И гдѣ найти примѣръ, чтобы великія и самыя спасительныя дѣла человѣкъ совершалъ безъ энтузіазма? Энтузіазмъ всегда попиралъ зло въ мірѣ, способствовалъ къ распространенію наукъ и искуствъ, къ счастливому преобразованію обществъ, къ посрамленію хитрыхъ и тонкихъ враговъ нравственности, къ исправленію религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій. Самъ Господь, избравъ Пророковъ и Апостоловъ, посылалъ имъ небесное воодушевленіе къ возвѣщанію воли Божественной и къ перенесенію всѣхъ трудностей ихъ призванія.

§ 146. Въ чувствованіяхъ сердечныхъ есть нѣчто особенное, что мы обыкновенно называемъ *предчувствіями*, и что столько же безотчетно, какъ инстинктъ въ способности желательной и чувственное воспріятіе въ способности познавательной. За дѣйствительность и достовѣрность сихъ чувствъ ручаются безчисленные опыты. Нѣжные друзья, вдали живущіе другъ отъ друга, веселы оба, когда

здоровы и счастливы; но, когда одинъ изъ нихъ подвергается безнадежной болѣзни, другой, не зная этого, чувствуетъ грусть и приближеніе какого-то несчастія, которое и сбывается со смертію друга. Нѣкоторые больные въ самомъ началѣ своей болѣзни и, по видимому, здоровые, предчувствуютъ свою смерть! Они не обманываются. И кто изъ насъ на самомъ себѣ не изведалъ, что тайныя предчувствія при отправленіи въ дальный путь, при исполненіи извѣстныхъ дѣлъ, при замѣшательствѣ въ чужія обстоятельства часто очевиднѣйшимъ образомъ оправдывались? Итакъ, что есть и бываютъ предчувствія, это не пререкаемая истина; но какъ ихъ изъяснить? Если вблизи собаки воютъ или воронъ кричитъ на кровлѣ дома, въ которомъ лежитъ больной, ихъ предчувствіе смерти естественно; они имѣютъ тонкое обоняніе мертвечины. Если залеченная рана даетъ предчувствовать перемѣну погоды, это недиво, это живой барометръ. Даже если я предчувствую свое собственное несчастіе, свою собственную смерть, и это нечудно; мое предчувствіе можетъ проистекать изъ разстроеннаго состоянія моей души и начинающагося разрѣшенія организаціи на свои начала, или изъ внутренно—ощущаемаго разъ-

единенія души съ тѣломъ. Но какъ изъяснить предчувствіе приближающагося бѣдствія не нашего, чужаго? Въ этомъ случаѣ обыкновенно прибѣгаютъ къ *симпатіи.*

Симпатія есть нечто иное, какъ сообщеніе одной души съ другою, безъ всякаго посредства физическихъ органовъ, чрезъ нѣкоторое какъ бы осязаніе чисто духовное. Возможность подобнаго сообщенія душъ доказывается одинаковыми ихъ состояніями въ разныхъ мѣстахъ и тѣмъ, что часто, не видавъ никогда человѣка, мы съ перваго взгляду, безъ всякаго размышленія, любимъ его и не обманываемся въ этомъ, или чувствуемъ къ нему отвращеніе безотчетно, по одной *антипатіи*, по не настроенности душъ на одинъ ладъ. Допустивъ симпатію, какъ мы ее понимаемъ, можно основаться въ изъясненіи предчувствій на руской пословицѣ: *сердце сердцу вѣсть подастъ.* Ибо она взята съ опыта и подтверждается нѣкоторымъ образомъ физическими явленіями. Такъ, равнонатянутыя струны издаютъ одинаковые тоны, и движеніе одной изъ нихъ приводитъ въ движеніе другую равно съ нею настроенную. Притомъ же, если грубое тѣло наше служитъ иногда для души поводомъ къ предощущеніямъ, то не болѣе ли и не лучше

ли она, будучи одинаково настроена съ другою, можетъ предчувствовать ея будущее, не связуемая грубою организаціею? Извѣстно, что къ предчувствіямъ особливо способны тѣ люди, которые или умѣли довольно утончить и какъ бы довольно одуховить свой организмъ, или отъ природы имѣютъ слабое строеніе нервовъ и больше чувствуютъ, чѣмъ мыслятъ. У кого много работаетъ голова, у того чувство симпатическое слабѣетъ, притупляется и нисходитъ на степень простаго *сочувствія*, состоящаго въ *сострадании* къ ближнимъ и въ *сорадованіи* съ ними. (*)

§ 147. Если бы симпатія была между всѣми людьми, если бы души ихъ настроены были одинаково и чувствованія сердечныя сливались въ одинъ общій аккордъ, то родъ человѣческій и на землѣ былъ бы счастливъ. Но всего этого къ сожалѣнію нѣтъ, и люди, будучи сами виною своихъ несчастій, повсюду и неумолкно жалуются на свою горькую долю; буду-

---

(*) Въ этомъ, одностороннемъ впрочемъ, смыслѣ принимали нѣкоторые психологи симпатію вообще, не касаясь предчувствій. Псих. Антр. Шульце выпускъ 1. стр. 262.

чи сами злы, ропщутъ не рѣдко на Промыслъ; строя другимъ ковы, негодуютъ на судьбу, когда приводится имъ самимъ попасться въ чужія сѣти. Конечно, трудно опредѣлить отношеніе сладкаго жребія жизни къ горькому, трудно также рѣшить, чтобъ всѣ несчастія происходили отъ насъ самихъ и не было невинныхъ страдальцевъ; по крайней мѣрѣ есть средства къ облегченію страданій какъ 1) отъ насъ самихъ зависящихъ, такъ и 2) отъ тѣхъ, кои состоятъ не въ нашей волѣ.

1. Ты несчастенъ; но что такое счастіе? Знай, что его не могутъ составить ни умственныя стяжанія, ни богатства вещественныя, ни чины и достоинства; оно заключается въ спокойствіи совѣсти, которое сохранить въ твоей власти.

2. Ты несчастенъ; но не навлекаешь ли ты на себя несчастій дурнымъ обращеніемъ съ ближними? Будь ласковѣе, вѣжливѣе, миролюбивѣе, сострадательнѣе, не желай имъ ни какого зла; тогда и самъ избавишь себя отъ многихъ непріятностей.

3. Ты несчастенъ; но не мнимое ли твое несчастіе? Можетъ быть, ты очень счастливъ, только пресытился удовольствіями и потому жизнь тебѣ кажется тягостною.

4. Ты несчастенъ; но нехочется ли тебѣ

счастія, какъ картины безъ тѣней? Это будетъ не въ здѣшней жизни. Здѣсь все ограничено; ограниченъ твой умъ, ограничена твоя воля; какъ же искать неограниченныхъ радостей сердцу?

5. Ты несчастенъ; но трудишься ли ты? Не отъ праздности ли происходятъ твои несчастія? Не думаешь ли ты, получивъ богатое наслѣдство и проживъ его, вновь, какъ съ неба, получить свое счастіе безъ всякихъ заботъ? Повѣрь, что въ трудѣ бездна счастія, и, чтобъ узнать это, для опыта трудись.

6.) Ты несчастенъ; но подумай о своей жизни, которую провелъ; нѣтъ ли въ ней такихъ преступленій, которыя Всевидящій наказываетъ для твоего же исправленія? Ты долженъ знать, что несчастіе часто посылается отъ Бога для блага человѣческаго и слѣдовательно пользоваться имъ, какъ благомъ.

а.) Пусть ты страдаешь невинно; но добродѣтельный, за правду страждущій мужъ знаетъ, что на землѣ все истинное блаженство человѣка заключается въ добродѣтели и что лучше быть мученикомъ, лучше потерять жизнь, чѣмъ роптать на свою участь.

б.) Ты страдаешь невинно; тѣмъ ты счастливѣе, ибо кому, какъ небезвинно страждущимъ

напередъ всѣхъ уготовано блаженство въ будущей жизни! Безъ самопожертвованій ничто не получается земное, благопріобрѣтенное; тѣмъ болѣе для вѣчнаго счастія должно и можно пожертвовать всѣмъ временнымъ.

в.) Ты страдаешь невинно; но будь счастливъ тѣмъ, что еще болѣе не страдаешь; невинныхъ распинали на крестѣ и даже внизъ лицемъ, у невинныхъ по одному члену резсѣкали тѣло, невинныхъ жгли въ раскаленныхъ мѣдныхъ быкахъ, невинные умирали многими смертьми, впрочемъ и тутъ еще не почитали себя несчастными.

Если-бы всѣ мы такъ разсуждали и разсужденія свои прилагали къ сердцу, то нестолько бы слышали другъ отъ друга пустыхъ жалобъ на мнимо-непріятную жизнь.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

О состояніяхъ души человѣческой.

§ 148. Говоря о способностяхъ душевныхъ, нельзя было не коснуться ихъ состояній; но тамъ главный предметъ нашихъ изслѣдованій составляли отправленія психическихъ силъ, а теперь намъ должно обратить вниманіе главнымъ образомъ на состоянія души человѣческой, зависящія не отъ самой души, но отъ внѣшнихъ причинъ, которыя такъ много на нее имѣютъ вліянія. Эти причины, которыми опредѣляются состоянія психическія, суть или 1) нормальныя, обыкновенныя, извѣстныя, или 2) ненормальныя, необычайныя, малоизвѣстныя.

Замѣчаніе. Ученіе о состояніяхъ души человѣческой многіе психологи относятъ къ исторіи духа человѣческаго, какъ особой наукѣ. Но пока у насъ нѣтъ еще этой науки, а предметы ея сколько занимательны, столько и важны для психолога, то хотя кратко сказать объ нихъ, думаемъ, будетъ очень неизлишне.

ГЛАВА 1.

О нормальныхъ состоянiяхъ души человѣческой.

§ 149. Неодинаковость нормальнаго состоянiя душевнаго въ людяхъ зависитъ отъ многихъ причинъ, какъ то: 1) отъ различнаго развитiя тѣлесной системы, 2) отъ здороваго или больнаго состоянiя организацiи, 3) отъ различiя темпераментовъ, 4) отъ различныхъ возрастовъ, 5) половъ, 6) и климата, 7) отъ воспитанiя и наконецъ 8) отъ религiи.

§ 150. 1) Развитiе тѣлесной системы человѣка такъ разнообразно, что нельзя найти ни одного недѣлимаго совершенно похожаго въ этомъ отношенiи на другаго. Ростъ, строенiе и форма черепа, сила и крѣпость тѣла, вообще тѣлосложенiе у каждаго лица свое, и между тѣмъ оно имѣетъ важное влiянiе на состоянiе душевныхъ способностей. Такъ, необычайно великiй и необычайно малый ростъ, равно какъ непомѣрная толщина суть явленiя рѣдкiя въ родѣ человѣческомъ, но вмѣстѣ сопровождающiяся и неблагопрiятными послѣдствiями для души: люди этого рода бываютъ слабыхъ способностей,

какъ и силъ тѣлесныхъ. (*) Строеніе черепа также весьма много значитъ по отношенію къ состояніямъ душевнымъ; гармонія между всѣми частями его весьма благодѣтельна для ума; но нѣкоторыя преимущественно развитыя части, какъ то: слишкомъ высунувшіяся скуловыя кости, выпуклый лобъ и сжатая съ боковъ голова довольно уменьшаютъ красоту тѣлесную и остаются не безъ вліянія на красоту душевную. (**) Крѣпость тѣлесная, состоящая въ развитіи мышечной системы, и вообще крѣпкое и сильное тѣлосложеніе, статный ростъ,

---

(*) Примѣры великановъ находятся какъ въ иностранныхъ Государствахъ, такъ и у насъ въ Россіи. Скелетъ денщика Петра Великаго, хранящійся въ кунтскамерѣ, имѣетъ болѣе 7 футовъ [3 арш. и 3 верш.] росту. Въ Берлинѣ хранятся два скелета въ 7 фут. и 3 дюйма. Петръ Тихановскій сынъ діакона изъ Тульской Губерніи былъ ростомъ 8 фут. и 2 дюйма. [Зоологія П. Горянинова стр. 783].

Въ примѣръ толщины выставляется Англійскій мясникъ, коего трупъ не могли вынести въ двѣри.

(**) Сравнивъ черепъ одного древняго

пропорціональность всѣхъ частей организма, живая физіономія поставляютъ душу человѣка въ состояніе часто завидное, конечно при другихъ условіяхъ. Какъ бодра, свѣжа и сильна бываетъ душа человѣческая, когда организмъ ея устроенъ по ней!

§ 151. 2) Въ умномъ, добромъ, веселонравномъ, но больномъ человѣкѣ таже душа, что была въ здоровомъ, однакожъ состояніе ея значительно измѣняется. Она дѣлается мрачною, унылою, подозрительною, теряетъ участіе къ текущимъ дѣламъ, гнѣвается безъ причины, требуетъ себѣ безпрерывныхъ угожденій, скорбитъ, ропщетъ почти на все. Мысли ея текутъ безпорядочно, несвязываясь логическими законами; желанія превратны и причудливы, вся жизнь сосредоточивается почти въ чувствованіяхъ сердечныхъ, но чувствованіяхъ мрачныхъ, скуч-

---

Река, находящагося въ Б юменбаховомъ собраніи череповъ съ черепомъ Бокотуда, рядомъ лежащаго, съ ужасомъ видимъ, говоритъ Г. Филомафитскій, сколько кости имѣютъ вліянія на физіогномію человѣка и сколько иногда скотскаго можетъ находиться даже въ остовѣ головы человѣческой [часть 1. стр. 98].

ныхъ, рѣдко—рѣдко сколько нибудь сносныхъ для другихъ, здоровыхъ людей.

§ 152. 3) Темпераментами называются разныя обнаруженія жизненной дѣятельности, принадлежащія великому числу людей и зависящія отъ различнаго содержанія между собою твердыхъ и жидкихъ частей въ организмѣ и отъ отношенія матеріальной стороны къ духовной. Въ числѣ ихъ физіологи несогласны между собою, (*) но для насъ все равно, только бы видѣть, какъ много темпераментъ значитъ для душевной жизни; съ этою цѣлію мы обратимъ вниманіе на темпераменты: а) умѣренный б), флегматическій в), сангвиническій, г) холерическій и д) нервный.

(*) Галенъ, слѣдуя древнимъ, принимаетъ четыре темперамента, соотвѣтствующіе четыремъ тогда принимаемымъ главнымъ элементамъ. Мецгеръ, Бартельсъ и другіе принимаютъ два: живой и вялой темпераменты. Рудольфи принимаетъ 8-мь: 1) крѣпкій, 2) грубый или атлетическій, 3) живой, 4) безпокойный, 5) кроткій, 6) лѣнивый, 7) робкій или ипохондрическій 8) и меланхолическій. Г. Филомафитскій пять, которые у насъ исчислены.

а.) *Умпренный или нормальный* темпераментъ есть одинъ собственно темпераментъ, отъ котораго всѣ прочія суть болѣе или менѣе значительныя уклоненія. Совершенное развитіе органическое и пропорціональность всѣхъ частей тѣлесныхъ производятъ то, что люди этого темперамента имѣютъ счастливыя способности и весьма рѣдки. Равнодушіе, постоянство, откровенность, довѣрчивость, веселость и другія подобныя симъ черты возвышаютъ ихъ предъ прочими людьми и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Другіе темпераменты могутъ переходить въ этотъ при благопріятныхъ условіяхъ въ старости, исключая флегматическаго.

б) Флегматическій темпераментъ, отличающій человѣка тучностію, прожорливостію, любовію къ покою и лѣности, сопровождается очень невыгоднымъ вліяніемъ на состояніе душевныхъ способностей. Медленность въ размышленіи, тупоуміе, неразвязность, малодушіе, какая-то безчувственность ко всему и недостатокъ воображенія суть характеристическія черты этого темперамента, почти никогда неизмѣняющіяся до смерти. Особый видъ его составляетъ темпераментъ *атлетическій* или *беотическій*, съ тѣмъ различіемъ, что атлеты великодушны, мужест-

всшны и отважны, они дѣлаютъ все нескоро, за то уже здорово.

в.) *Сангвиническій* темпераментъ, отличающійся наружною красотою, остается не безъ вліянія и на красоту души. У людей этого рода понятія легкія и быстрыя, память счастливая, фантазія игривая и затѣйливая, мысли остры и одна другую упреждаютъ. Отъ сего впрочемъ они бываютъ непонятны, легкомысленны, любятъ чувственныя удовольствія и впадаютъ въ селадонство. Разнообразіе на каждомъ шагу,— это ихъ характеръ; чувствительность души, нѣжность въ любви въ нихъ перемѣнчивы, отвращеніе легко замѣняетъ ихъ наслажденіе; короче сказать,—это любители поэзіи и въ наукѣ и въ жизни, но не философы въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ. Сангвиническій темпераментъ, по большей части наслѣдственный, свойственъ болѣе мущинамъ, чѣмъ женщинамъ, часто соединяется съ холерическимъ и подъ старость переходитъ въ меланхолическій, особливо у женщинъ.

г.) *Холерическій* темпераментъ, дающій человѣку видъ умный, строгій, важный, съ проницательными глазами и рѣзкими чертами лица, поставляетъ особу въ завидное положеніе. Холерики пламенны и не укротимы въ своихъ

страстяхъ, но нетакъ непостоянны, какъ сангвиники; они настойчивы, не утомимы, своенравны, смѣлы, отважны, честолюбивы, предпріимчивы, раздражительны, завистливы, искустны, хитры, ловки и весьма часто неохотники до обществъ. Всѣ геніи, благословляемые и проклинаемые человѣчествомъ—холерики,—люди, принимавшіе часто ужасныя и чудныя средства къ выполненію своихъ замысловъ, понятые только послѣ достиженія своихъ цѣлей. Примѣръ—Сикстъ V, *я папа!* съ надменностью воскликнувшій, послѣ двадцатилѣтняго согбенія и готовности умереть отъ старости. Но одинъ ли этотъ примѣръ? Холерики въ своихъ неукротимыхъ стремленіяхъ часто доводили до разрушенія свой организмъ довольно крѣпкій, какъ орудіе, которое слабо для ихъ мощнаго генія и умирали отъ напряженной собственно дѣятельности. Меланхолическій темпераментъ, кажется, есть испорченный холерическій, отъ сильныхъ домогательствъ превратившійся въ горькую неискательность. Оттого меланхолики мрачны, печальны, подозрительны, ропотливы, на все досадуютъ и ни съ кѣмъ, даже съ самими собою не могутъ ужиться. Жанъ Жакъ Руссо можетъ быть образцомъ этого темперамента. Въ мелан-

холической исповѣди своей онъ предрекаетъ себѣ, что его нѣкогда сочтутъ за чудовища, отравителя, убійцу, что онъ сдѣлается ужасомъ человѣчества, посмѣшищемъ черни, что вмѣсто привѣтствія будутъ на него плевать. Можно судить, какъ много искательства въ недомогательствѣ меланхоликовъ, и недолжно дивиться, что жизнь ихъ есть борьба генія съ несчастіями. Замѣчательно, что и сангвиники, перемѣнившіе горячій климатъ на холодный нерѣдко дѣлаются меланхоликами,

д.) *Нервный или женскій* темпераментъ— скрытый, хитрый, недовѣрчивый, необычайно воспріимчивый и часто злонравный безъ энергіи въ силахъ дѣйствованія, съ развитыми вообще внутренними чувствами, словомъ, болѣзненный, какъ и меланхолическій, встрѣчающійся только въ образованномъ обществѣ, [Вольтеръ, Фридрихъ 11-й]. Отличается онъ впрочемъ тѣмъ отъ меланхолическаго, что наичаще пріобрѣтается сидячею жизнію и бездѣйствіемъ; оттого люди этого темперамента бываютъ горячи, но не ропотливы, немрачны, небрюзгливы.

Замѣчаніе. Исчисленные нами темпераменты не встрѣчаются отдѣльно во всей своей чистотѣ, но по большой части являются въ недѣли-

мыхъ соединенными между собою, какъ то: сангвиническій весьма часто соединяется съ холерическимъ, холерическій съ нервымъ, нервный опять съ сангвиническимъ. Нерѣдко дурноевоспитаніе и поведеніе человѣка такъ искажаютъ его природу, что нельзя понять, какого онъ темперамента.

§ 155. 4) Состояніе души различно и по различію возрастовъ. Ибо

а.) Дѣятельность младенца ограничивается почти однимъ развитіемъ организма.......... Дитя доло просыпается почти для принятія пищи; потомъ мало по малу начинаетъ привыкать къ удовольствіямъ жизни, проливая впрочемъ болѣе слезъ, чѣмъ играя. Не смотря на то, дѣтское состояніе духа весьма завидно; откровенность, невинность, беззаботливость, веселость, незлобивость и послушность суть отличительныя черты сего возраста, которыя къ прискорбію—со временемъ измѣняются и даже вовсе иногда теряются въ человѣкѣ. Оттого-то такъ нравятся намъ дѣти; оттого-то и религія учитъ насъ имъ уподобляться, если хотимъ быть блаженными въ вѣчности.

б.) Отрочество, продолжающееся отъ 7 до 12 и 16-го года, смотря по различію климата

и другихъ обстоятельствъ, замедляющихъ или способствующихъ развитію организма, есть собственно періодъ воспитанія. Отрокъ начинаетъ понимать вещи и судить о нихъ, хотя по дѣтски; переимчивость и острота памяти, ревность къ похвалѣ и охота къ механическимъ упражненіямъ всего свойственнѣе этому возрасту. Въ это время человѣкъ любитъ слушать всѣ разсказы, особливо тѣ, которые отличаются чудесностію или какими-либо странностями и, при хорошемъ наставленіи, мало по малу можетъ привыкать къ занятіямъ дѣльнымъ, требующимъ не одной памяти, но и размышленія. Такъ какъ на юной душѣ отрока, не способнаго еще зрѣло обсуживать предметы и водящагося болѣе довѣріемъ къ своимъ руководителямъ, легко и глубоко напечатлѣваются сообщаемыя ему понятія: то долгъ родителей и наставниковъ заботиться прежде всего о развитіи въ немъ религіозныхъ чувствованій и сообщеніи понятій о предметахъ не столько обширныхъ и блестящихъ, сколько истинныхъ и не шаткихъ. Пробуждающаяся склонность въ отрочествѣ къ другому полу требуетъ бдительнаго надъ нимъ надзора.

в.) При добромъ надзорѣ и воспитаніи изъ рѣзваго, неукротимаго, буйнаго и часто неснос-

наго мальчика выростаетъ бодрый, живой, вѣжливый и внимательный юноша, иногда съ ненаситимымъ любопытствомъ. Статный ростъ, зрѣлость физическихъ силъ, свѣжесть и красота лица составляютъ особенную принадлежность юношескаго возраста. Роскошна и привлекательна юность того человѣка, который въ молодости своей получилъ доброе настроеніе, вступаетъ на поприще жизни общественной съ чистымъ и невиннымъ сердцемъ, съ свѣтлымъ, не отуманеннымъ предразсудками умомъ, съ сильною, но неиспорченною страстями волею, съ пылкимъ, но не отравленнымъ еще нечистыми мечтами воображеніемъ! Но юноша, неумѣющій владѣть своими способностями, дающій волю своимъ безпорядочнымъ движеніямъ воли и сердца есть жалкое созданіе; онъ неуспѣвши созрѣть, блекнетъ; неуспѣвши разцвѣсть, отцвѣтаетъ и никакихъ плодовъ не приноситъ ни себѣ, ни своему семейству, ни обществу. Этотъ возрастъ продолжается отъ 16 до 21 и 24 лѣтъ. Имъ по большей части рѣшается, какъ будетъ водиться человѣкъ въ своей послѣдующей жизни своимъ умомъ и сердцемъ.

г.) Мужество, коего періодъ нельзя съ точностію опредѣлить, заключаетъ въ себѣ про-

странство времени отъ совершеннаго развитія физическихъ и нравственныхъ силъ до упадка ихъ, ясно начинающагося обнаруживаться. [Это отъ 24 лѣтъ до 60—70—80]. Опытность, твердость въ поступкахъ и поддержаніе общественнаго о себѣ мнѣнія составляютъ отличительныя черты мужескаго возраста. Благоразумный мужъ неувлекается потокомъ людскихъ мнѣній, онъ разсудительнѣе юношескихъ головъ, вникательнѣе къ текущимъ обстоятельствамъ, равнодушнѣе къ новостямъ, охотнѣе къ пожертвованію мимолетными наслажденіями; онъ спокойнѣе въ непріятностяхъ, проницательнѣе къ своей будущей судьбѣ; его не кружитъ вихрь свѣта, онъ знакомится съ новыми чувствами и заботами въ кругу своего семейства. Этому возрасту, по справедливости, ввѣряются бразды правленія, воспитаніе дѣтей и вообще болѣе важныя должности въ государствѣ, хотя не безъ исключенія. Мужъ, умѣющій владѣть своими страстями, можетъ достигнуть въ безболѣзненной старости высочайшаго совершенства.

д.) Старость, начинающаяся съ ослабленіемъ всѣхъ силъ, за исключеніемъ иногда душевныхъ, составляетъ періодъ времени самый неопредѣленный; ибо есть примѣры долговѣчности, про-

стирающейся и нынѣ до 150 лѣтней жизни. Какъ бы то ни было, душевное состояніе, какъ и тѣлесное, въ старости значительно измѣняется; воображеніе рѣшительно слабѣетъ, память упадаетъ и малодушнаго старца объемлютъ часто мелочныя, ничтожныя заботы, подобныя дѣтскимъ прихотямъ. Рѣдко этотъ періодъ жизни удерживаетъ человѣка въ томъ счастливомъ состояніи, чтобъ его занимали текущія дѣла, какъ и прошедшія; настоящее, какъ непродолжительное для него, его не много занимаетъ; вспоминая о минувшемъ, онъ гадаетъ о будущемъ и, повинуясь всеобщему закону разрушенія, съ вѣрою и надеждою устремляетъ разумное око свое въ міръ горній, ища тамъ себѣ селенія вѣчнаго и безмятежнаго. Страшно состояніе человѣка, проведшаго вѣкъ свой безъ религіи, безъ нравственности!

§ 154. 5) Родъ человѣческій состоитъ изъ мужескаго и женскаго пола; состояніе душевное въ томъ и другомъ полу сообразно ему одному; рѣдко бываютъ исключенія и они намъ не очень нравятся по своей малоестественности. Какъ ни хвалите женоподобныхъ мужчинъ и мужеподобныхъ женщинъ,—все они нѣчто уродливое въ природѣ. Мущина какъ физіологически,

такъ и психически имѣетъ обыкновенно болѣе развитый мозгъ, нежели сердце, а женщина обратно. Отсюда—онъ не такъ легко раздражается, какъ женщина, а женщина не такъ легко углубляется, какъ мущина. Мущина болѣе дѣйствуетъ по уму или размышленію и волѣ,— а женщина по чувству и склонности. У него характеръ тверже, рѣшительнѣе, постояннѣе, отважнѣе и смѣлѣе въ опасностяхъ, чѣмъ у его подруги; у ней за то хитрѣе, скрытнѣе и измѣнчивѣе, чѣмъ у супруга. Мужа никогда не занимаютъ мѣлочи, какъ его жену; онъ спокойнѣе и равнодушнѣе ея; за то, женщина, жертвуя видимою самостоятельностію въ мысляхъ и чувствованіяхъ стараніемъ угодить ему беретъ надъ нимъ часто рѣшительную власть, такъ, что по ея нерѣдко капризнымъ внушеніямъ и толкамъ рѣшаются весьма важныя дѣла, къ стыду мыслящей головы мужа. Вліяніе женщинъ на общественныя дѣла бывало такъ велико, что не безъ причины многіе обращаются къ нимъ въ важныхъ случаяхъ. Въ честь женскаго пола должно сказать то, что онѣ въ религіозныхъ чувствованіяхъ пламеннѣе, въ неизбѣжныхъ несчастіяхъ терпеливѣе и способнѣе выплакивать свое горе.

§ 155. б) Подъ именемъ климата мы разумѣемъ все, что принадлежитъ какой-либо странѣ и отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ, какъ то ея возвышенное, низкое или ровное положеніе; ея географическую широту и долготу съ горами, лѣсами, озерами и рѣками,—всѣ обстоятельства, опредѣляющія температуру, сухость, влажность, правильность вѣтровъ въ какой-либо странѣ. Чтобы убѣдиться въ важности вліянія, производимаго климатомъ на состояніе душевное человѣка, стоитъ только сравнить обитателей гористыхъ и сухихъ странъ Швейцаріи съ жителями Англіи: первые живы, вспыльчивы, откровенны, довѣрчивы и по преимуществу сангвиники; послѣдніе, подобно всѣмъ народамъ влажныхъ странъ, вялы, важны, подозрительны, скрытны и вообще флегматики. Жители Юга представляютъ также значительную разность въ характерахъ съ обитателями Сѣвера. Первые болѣе нѣжны и чувствительны; послѣдніе, будучи крѣпче тѣлосложеніемъ, болѣе сильны, храбры и отважны. Житель сѣвера, съ кровавымъ потомъ достающій себѣ хлѣбъ изъ нѣдръ земли, окруженный снѣгами, видящій природу почти мертвую не можетъ быть глубоко проникнутъ идеею изящества; его занимаютъ не красоты природы,

но безопасное сохраненіе себя отъ голоду и холоду. Напротивъ, обитатель Юга, большую часть года созерцающій величественныя картины природы, бесѣдующій съ нею лицемъ къ лицу, а неуединившись въ свой кабинетъ, обезпеченный отъ холода и стужи не долго можетъ оставаться холоднымъ зрителемъ окружающихъ его красотъ. Посему-то отечествомъ изящныхъ искуствъ всегда былъ Югъ, хотя природа не совершенно отказала въ оныхъ и обитателямъ холодныхъ странъ.

§ 156. 7) Воспитаніе, принимаемое въ обширномъ значеніи, не ограничивается наставленіями родителей и школою; вся жизнь человѣка есть продолжительное воспитаніе, коего цѣль—совершенство и по преимуществу нравственное. Въ какихъ правилахъ человѣкъ воспитывается, къ чему привыкаетъ, такое направленіе отъ сего получаютъ и его способности; будетъ ли доброе его воспитаніе, онъ съ каждымъ днемъ подвигается къ совершенству; если же оно превратно, воспитывающій себя удаляется отъ своей главной цѣли. Истинное образованіе состоитъ не въ школьномъ только обученіи, не въ пріобрѣтеніи только понятій о разнородныхъ наукахъ, но въ томъ, чтобы получить способность

развивать изъ самаго себя высокія идеи и прилагать ихъ къ практической жизни. Напротивъ, превратное воспитаніе получается тогда, когда оно бываетъ или не въ духѣ народномъ, или увлекается потокомъ временныхъ, модныхъ, но незрѣлыхъ идей, или состоитъ въ знаніи однихъ пустыхъ приличій и обыкновеній свѣта, или наконецъ, что всего хуже, употребляетъ богатство своего ума на ниспроверженіе существующаго порядка общественнаго и ослабленіе коренныхъ, священныхъ истинъ. Судя потому, какими способами и какъ близко приближается человѣкъ къ истинной цѣли просвѣщенія, дѣятельность его душевная въ каждомъ недѣлимомъ должна имѣть особенности и оттѣнки. Дикое и истинно-просвѣщенное состояніе человѣка находятся въ такихъ противоположностяхъ, какъ свѣтъ со тмою. Недаромъ народъ нашъ говоритъ: *ученіе свѣтъ, а неученіе тма.* Но и между ученіями такъ много разницъ, что *сколько головъ, столько и умовъ, что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай.* Изъ этого происходитъ иногда ученіе хуже неученія, свѣтъ темнѣе тмы.

§ 157. Вліяніе религіи на состояніе души человѣческой такъ важно, что не легко обсудить его всестороннимъ образомъ. Впрочемъ

нельзя ничего не сказать о немъ, обративъ вниманіе а) на язычество б) магометанство и в) Христіанство.

а.) Языческая религія, взятая во всѣхъ ея видахъ, если имѣла какое-либо благодѣтельное вліяніе на нравы человѣческіе, то единственно страхомъ предъ грозными и всесильными божествами, который законодатели гражданскіе и старѣйшины народовъ внушали своимъ соплеменникамъ и которымъ угрожали ихъ въ случаѣ неповиновенія власти земной. Что касается до почитанія божествъ, то, будучи болѣе или менѣе всегда искажено, оно оставляло народъ въ душевной слѣпотѣ и выражалось въ обрядахъ и церемоніяхъ, то удовлетворяющихъ страстямъ человѣческимъ, то чисто безчеловѣчныхъ, раздирающихъ душу. Читая исторію языческихъ вѣроисповѣданій, каждый можетъ убѣдиться, какое ничтожное вліяніе имѣла религія на исправленіе нравовъ и какъ много потворствовала страстямъ человѣческимъ, будучи впрочемъ иногда измѣняема по ихъ внушенію и доводима до невѣроятныхъ нелѣпостей.

б.) Магометанская религія, далеко превосходящая языческій политеизмъ, имѣетъ сильное вліяніе на образъ мыслей и чувствованій, на

быть семейственный и общественный, но влія-ніе къ сожалѣнію во многихъ отношеніяхъ не-приносящее чести Магомету. Фанатизмъ, фата-лизмъ, отвращеніе ко всѣмъ неправовѣрнымъ, слѣпая вѣра въ коранъ, многоженство и чувст-венный рай къ чему могутъ привесть человѣка, искренно убѣжденнаго во всемъ этомъ, какъ въ законномъ? Опытъ лучше насъ говоритъ. Фана-тизмъ, какъ не естественное состояніе духа и притомъ не поддерживаемое ничѣмъ, изчезъ въ мусульманахъ; фатализмъ довелъ до оцѣпененія умственныя и нравственныя ихъ силы; слѣпая вѣра въ коранъ раздѣлила слѣпотствующіе умы на множество сектъ; многоженство производитъ смуты; чувственный рай не возвышаетъ помыс-лы магометанина выше земнаго наслажденія.

в.) Самое благотворное вліяніе приноситъ съ собою въ душу религія Христіанская, потому что она одна истинно—Божественная. Чистотою ученія своего Христіанское Откровеніе, не слѣпо, но разумно признаваемое за Божественное, очи-щаетъ и озаряетъ слабый умъ человѣческій, не стѣсняя паренія его мыслей, а только назначая ему должные и естественные предѣлы; святыми заповѣдями своими, противъ которыхъ ни одинъ вольнодумецъ ничего не можетъ сказать, оно ис-

правляетъ нравственность человѣческую, искореняя зло въ самомъ источникѣ его—сердцѣ и насаждая рай добродѣтелей; внушая исполненіе обязанностей единственно изъ любви, по любви и для любви къ Богу—Творцу, Вседержителю, Промыслителю, Всемогущему, Всевѣдущему, нелицемѣрно—Правосудному, Который имѣетъ, какъ Безконечное Существо, безконечныя совершенства, и Который является намъ только въ удободоступныхъ нашему разумѣнію, оно обѣщаетъ и даетъ на землѣ предвкушать небесныя радости, чуждыя всего плотскаго и не выразимыя языкомъ человѣческимъ. Христіанство основано не на какихъ-либо мечтательныхъ идеяхъ, распространено не мечемъ, не хитростію, не фанатизмомъ, укрѣпилось не на короткое время и не между людьми дикими; нѣтъ, оно основано на смерти и воскресеніи Бого-человѣка, распространено Богодухновенною проповѣдію учениковъ Христовыхъ и рѣками крови, пролитой за Христа, принято всѣми образованнѣйшими націями; скоро 18-ть вѣковъ съ половиною будетъ какъ оно явилось, но и теперь еще распространяется, и все ярче и ярче сіяетъ его свѣтъ въ мірѣ, и все глубже и глубже пускаетъ оно корни свои въ общества человѣческія. Надобно быть

Богодухновенномъ, чтобъ изобразить благотворнѣйшее вліяніе Христіанской религіи на состояніе души человѣческой въ настоящей и будущей жизни, на бытъ домашній и общественный человѣка, на благоустройство гражданскихъ обществъ и на отношеніе между ними во время непріязненныхъ случаевъ и битвъ воинскихъ.

ГЛАВА II.

О состояніяхъ души необычайныхъ, не нормальныхъ.

§ 158. Отъ состояній души, обыкновенно зависящихъ отъ показанныхъ условій, различаются необыкновенныя или лучше малоизвѣстныя для науки состоянія ея 1) во снѣ, 2) и въ душевныхъ болѣзняхъ.

§ 159. 1) Сонъ есть естественное и необходимое требованіе природы для возстановленія ослабѣвшихъ органическихъ силъ; но душа во время его не спитъ: ее, часто противъ всякаго желанія, посѣщаютъ, такъ называемыя, сновидѣнія. Откуда, какъ и по какимъ законамъ они совершаются,—это до сихъ поръ мало доступно для самихъ проницательныхъ мыслителей; ибо

сбивчивость фактовъ не даетъ мѣста предположеніямъ, которыя надолго бы остались неприкосновенными. По крайней мѣрѣ, чтобы не пускаться въ ипотезы физіологическія и вмѣстѣ психологическія, (*) лучше дать изъясненіе сновъ, чисто принадлежащее къ нашей наукѣ. По нашему мнѣнію, основанному на наблюденіяхъ Женевскаго Профессора Прево, въ сновидѣніяхъ не достаетъ одной только воли, или лучше, владычества ея. На яву или въ бодрственномъ состояніи мысль наша обращаетъ вниманіе свое на что хочетъ, душа наша желаетъ чего ей угодно, представленія и образы находятся въ нашей волѣ, которая можетъ смѣнять ихъ по своему произволу, но это господство воли во снѣ почи-

(*) Океновa школа объясняетъ сны физіолого-психически, приписывая феномены ихъ какимъ-то умственнымъ способностямъ нервныхъ узловъ, называемыхъ гангліями. Если правда, что во время сна въ мозгу всѣ умственныя отправленія прекращаются, то, при данныхъ психическихъ явленіяхъ сна, можно приписать такую силу и важность гангліямъ. Но подробности сновидѣній сильно противурѣчатъ этой ипотезѣ.

ваетъ; она хочетъ еще повелѣвать, но напрасно. Мыслесцѣпленія, чувствованія и желанія совершаются своею чередою, не достаетъ имъ одной стройности, потому что они совершаются сами собою, по законамъ памяти и воображенія а не по силѣ воли. Если разсудокъ не разувѣряетъ насъ въ существенности образовъ, видимыхъ во снѣ,—опять по той же причинѣ. Ключь къ уразумѣнію нашего настоящаго состоянія и различенію его дѣйствительнаго отъ соннаго находится во *вниманіи*, при недостаткѣ котораго мы существенность смѣшиваемъ въ сознаніи съ мечтою и мечту съ существенностію предметовъ. Но какое вниманіе можетъ быть безъ владычества воли? Такимъ образомъ, если допустимъ, что во время сна воля теряетъ власть свою надъ размышленіемъ, что образы смѣняются одинъ другимъ по связи идей и вниманіе наше не останавливается на нихъ, то легко будетъ понять, какъ мы становимся игрушкою воспоминаній и нестараемся разувѣрить себя въ дѣйствительности представляющихся образовъ. Бываетъ, что иногда забываемъ сонъ, а иногда помнимъ: это происходитъ тоже отъ степени вниманія, которое въ просонъѣ или въ несовершенномъ снѣ пробуждается.

§ 160. Такъ какъ воображеніе наше неможетъ представить ничего безъ образовъ, существующихъ въ видимомъ мірѣ, то грезы по необходимости должны имѣть нѣкоторую связь съ жизнію дѣйствительною.

И въ 1-хъ) онѣ болѣе или менѣе отвѣчаютъ чувствованіямъ нашимъ въ бодрственномъ состояніи. Такъ склонности и побужденія почти никогда не измѣняются во снѣ; лица, потерявшія извѣстное чувство видятъ или слышатъ то, что имъ чрезъ органы потерянные извѣстно было до лишенія оныхъ.

2.) Все, что имѣетъ вліяніе на бодрственное состояніе нашей души, какъ то: климатъ, здоровое или не здоровое положеніе организаціи, полъ, возрастъ, образованіе, званіе, занятіе, костюмъ,—все имѣетъ отношеніе и нѣкоторымъ образомъ повторяется въ сновидѣніяхъ.

3.) Всего страннѣе, есть связь нашихъ заботъ дневныхъ съ грезами, иногда разрѣшающими важныя задачи. Шекспиръ правду сказалъ, что есть вещи, о которыхъ умъ нашъ не смѣетъ бредить; но можно и обратно сказать, что умъ иногда лучше бредитъ, чѣмъ на яву разсуждаетъ. Тутъ много скрывается для насъ неразгаданнаго въ этой жизни!

4.) Иногда сонъ разыгрывается, какъ нѣкоторая драма въ нѣсколькихъ лицахъ и дѣйствіяхъ, даже продолжается не одну ночь. Это зависитъ отъ давленія души нашей на яву какими-либо сильными чувствами, помыслами и расположеніями, вліянію коихъ много благопріятствуютъ самыя внѣшнія обстоятельства дневной жизни. Если мы влагаемъ въ сей драмѣ свои слова въ уста другихъ лицъ, весьма неудивительно; ибо въ дѣйствительной жизни мы знаемъ, что вдохновенной драматургъ говоритъ за представляемыя лица своими словами, забывая что они его, а не подслушанныя у нихъ.

5.) Поелику чувства наши часто не крѣпко покоятся во снѣ, то вообще замѣчаютъ, что вещи, воспринимаемыя ими въ это время, мѣшаются въ наши грезы. Когда я нахожусь въ теплой постели, не удивительно, если видится мнѣ, что купаюсь въ самой холодной водѣ и не чувствую ея холода. Если лежитъ подлѣ меня кошка и мяучитъ, не диво, что на вопросъ мой во снѣ, кто нибудь отвѣтитъ въ родѣ мяучанья кошки.

6.) Бываютъ впрочемъ случаи, въ которыхъ ощущенія внѣшнія кажутся чисто механическими и душа какъ-будто совершенно отвлекается

отъ чувственнаго въ грезахъ. Одному человѣку, разсказываетъ Прево, выжигали во время сна на ногѣ затвердѣлость, и эта операція не только не оставила въ немъ ни малѣйшаго воспоминанія, но даже не помѣшала его пріятнымъ грезамъ, хотя въ продолженіе ея нога болѣзненно содрогалась.

7.) Еще страннѣе, въ просоньѣ можно иногда не только сомнѣваться въ дѣйствительности своихъ сновидѣній, даже быть увѣрену, что они суть одна греза. Здѣсь душа борется сама съ собою, какъ бдѣніе съ сномъ, какъ день съ ночью, какъ свѣтъ съ тяжестію. Если воля ея восторжествуетъ надъ органическимъ ослабленіемъ, грезы разсыпаются въ прахъ; если же нѣтъ, то мыслесцѣпленіе продолжается до тѣхъ поръ, пока вновь придетъ бодрость силъ органическихъ, или необычайное напряженіе воли прекратитъ сонъ.

§ 161. Нельзя рѣшительно отвергать сновъ въ духѣ пророческомъ; ибо такого рода сны подлинно бывали и могутъ быть по какимъ либо важнымъ причинамъ, при особенныхъ условіяхъ и для особенныхъ цѣлей наставленіями самаго Промысла, пекущагося о благѣ человѣческомъ. При всемъ томъ недолжно слѣпо вѣ-

рить въ сны и пускаться въ снотолкованія, хотя-бы случайное согласіе сновидѣнія съ позднѣйшимъ событіемъ и заставляло къ этому порываться. Иначе суевѣріе можетъ далеко завлечь насъ и сдѣлать смѣшными. Замѣчательно впрочемъ, что тѣ вещи, которыя привыкли люди вѣрующіе въ сны считать знаками добрыми для себя или недобрыми, какъ-будто по ихъ вѣрѣ, грезятся имъ въ предзнаменованіе ихъ радостей или печалей.

§ 162. Снохожденіе, *Сомнамбулизмъ* или *лунатизмъ* есть явленіе не рѣдкое, съ давнихъ временъ замѣчаемое и бывающее не только ночью, но и днемъ, даже когда человѣкъ исправляетъ какое-либо дѣло. Его можно раздѣлить на *естественный* или здоровый, и *больной* или *припадочный*. Первый бываетъ во снѣ съ здоровыми юношами, особливо холерическаго и меланхолическаго темперамента,—или днемъ, когда человѣкъ съ утомительнымъ напряженіемъ силъ исправляетъ свое дѣло. Такъ иногда ряды воиновъ подвергались сомнамбулизму во время походовъ. Что касается до болѣзненнаго лунатизма, то онъ встрѣчается подъ слѣдующими обстоятельствами.

1. Лунатики, какъ спящіе, вѣруютъ до про-

бужденія своего въ истину мечтаній, но пробудившись забываютъ о томъ, что они дѣлали во время сна или что съ ними и чрезъ нихъ совершалось.

2. Дѣйствія, совершаемыя лунатиками во снѣ, всегда отвѣчаютъ ихъ занятіямъ на яву. Они ходятъ по мѣстамъ знакомымъ имъ, играютъ на инструментахъ, поютъ, сочиняютъ, рисуютъ, дѣлаютъ выкладки на счетахъ, составляютъ лѣкарства, трудятся надъ проповѣдью, впрочемъ только тогда, когда они неоднократно это дѣлали въ бодрственномъ состояніи.

3. Касательно ослабленія или возвышенія умственной дѣятельности, относящейся къ принятію внѣшнихъ впечатлѣній, не только многіе лунатики, но и одинъ и тотъ же въ разныхъ припадкахъ показываетъ величайшую разницу. Общее здѣсь то, что у каждаго лунатика есть непремѣнно какое-либо чувство несовершенно закрытое во снѣ отъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. У одного не спитъ осязаніе и произвольно раздражаются мышцы лица, туловища, конечностей; онъ ворочается во снѣ, дѣлаетъ разныя гримасы, или встаетъ съ постели, ощупью идетъ въ отдаленныя мѣста, ловко взбирается на высоты, опасныя для него самаго въ бодрствен-

номъ состоянiи. У другаго открытъ слухъ, такъ что онъ слышитъ звуки и самъ отвѣчаетъ на нихъ, плачетъ, смѣется, поетъ, иногда вступаетъ съ кѣмъ-либо знакомымъ въ связный и довольно длинный разговоръ.

4. Въ сомнамбулизмѣ воображенiе, соединяясь съ неспящимъ чувствомъ, даетъ представленiямъ необыкновенную степень ясности и живости. Отсюда лунатики видятъ, слышатъ, вообще ощущаютъ то, что входитъ въ планъ ихъ воображенiя и сходится съ образами, присущими въ ихъ умѣ. Вотъ почему они иногда складываютъ салфетку вмѣсто письма, пьютъ вино вмѣсто воды, нюхаютъ молотый кофе вмѣсто табаку и т. д.

5. Смыслъ, разсудокъ и воля у лунатиковъ, кажется, болѣе обнаруживаются дѣятельными, нежели у простыхъ сновидцевъ. Иногда сомнамбулы опредѣленно предсказываютъ время, въ которое припадокъ ихъ долженъ кончиться или даютъ вѣдать дѣйствiями приближенiе сего окончанiя. Впрочемъ предсказанiя этого рода основываются, по всей вѣроятности, на перемѣнѣ болѣзненныхъ чувствъ въ болѣе или менѣе прiятныя и слѣд. на состоянiи организацiи во время припадка.

6. Наконецъ образованіе нравственное всегда имѣло вліяніе на образъ дѣйствій, усматриваемый въ лунатикахъ, и находилось въ большой соотвѣтственности съ послѣднимъ. Сравнительно говоря, лунатики благочестивѣе во снѣ своемъ, чѣмъ люди грезящіе въ обыкновенномъ снѣ. Ихъ сны складнѣе, сходнѣе съ жизнію бодрственною и совершенно свободны отъ картинъ сладострастія. Природа, давъ болѣе воли человѣку въ припадкахъ сомнамбулизма, позаботилась, кажется, о томъ, чтобы дѣйствія его не втайнѣ совершаемыя, но часто при наблюдателяхъ, не послужили соблазномъ для другихъ. (*)

§ 163. 2) Нѣтъ поразительнѣе зрѣлища, которое представляетъ намъ домъ сумасшедшихъ. Кому хочется смотрѣть на страсти, какъ онѣ есть, безъ разума, безъ разсудка—иди въ домъ ума лишенныхъ. Гордость, мщеніе, самолюбіе, корыстолюбіе, зависть и ненависть, всѣ волненія души, сокрушающія жизнь человѣческую, обнаруживаются здѣсь въ чрезвычайной силѣ. Одинъ призываетъ небесный огонь, молніи и

(*) О снѣ магнитическомъ не говоримъ, потому что онъ составляетъ предметъ доселѣ не разрѣшенныхъ споровъ между учеными.

громы для истребленія его враговъ; другой, сидя въ оковахъ и воображая себя полководцемъ, думаетъ полсвѣта завоевать мѣчемъ; третій, почитая себя богодухновеннымъ, отважится исправить цѣлый свѣтъ въ нравственности; иной бѣснуется отчаяніемъ, иной безумно мечтаетъ повелѣвать вселенною, иной въ глупой важности презираетъ своихъ товарищей. Здѣсь сидитъ живая статуя, тамъ—изсыхающій отъ жару совѣсти своей хладнокровно расчитываетъ послѣднюю минуту жизни, приготовляя съ нѣкоторою радостію ужасныя средства къ разлученію съ міромъ. Вотъ, одинъ находится въ безпрестанномъ гнѣвѣ, кричитъ, грозитъ, оскорбляетъ, бьетъ и умерщвляетъ каждаго. Другой, для исправленія рода человѣческаго, хочетъ крестить весь свѣтъ крещеніемъ крови и въ жертву неистоваго фанатизма своего принесъ уже дѣтей. Но истинѣ, страненъ, трогателенъ и ужасенъ взглядъ на человѣка, въ которомъ угасъ огонь небесный, въ которомъ помрачился образъ Божій! Слѣды ума, слѣды душевнаго благородства и особливо проясненіе сознанія въ нѣкоторые періоды времени дѣлаютъ человѣка еще болѣе достойнымъ сожалѣнія; ибо онъ сознаетъ свое состояніе и удостовѣряется въ своемъ сумасше-

ствія. Кто имѣетъ сердце, тотъ не можетъ безъ огненныхъ слезъ смотрѣть на орду существъ безумныхъ, равнявшихся, въ свое время, можетъ быть, знаменитѣйшимъ умамъ, величайшимъ геніямъ.

§ 164. Причины душевныхъ болѣзней заключаются, какъ 1) въ организмѣ тѣлесномъ, такъ 2) и въ психической жизни.

1.) Органическія причины суть: неправильное обращеніе нервныхъ соковъ; разстройство или во всѣхъ системахъ тѣла или въ одной какой-либо изъ нихъ,—мозговой, симпатической, брюшной; врожденные и наслѣдственные недостатки, приливъ крови въ головѣ, всякое непомѣрное раздраженіе нервовъ, страданія внутреннія—и чрезвычайное разгоряченіе себя особливо хмѣльными напитками, утомительное и изнурительное движеніе тѣла, быстрая смѣна жару на холодъ, и холоду на жаръ, геморроидальные и симъ подобные припадки, имѣющіе вліяніе часто на мозгъ, накожныя болѣзни, обнаруживающіяся сыпью, нарывами и не остающіяся безъ послѣдствій вредныхъ для души человѣческой.

2.) Но большею частію душевныя болѣзни и заражаются въ самой душѣ; онѣ происходятъ или отъ безразсудной мечтательности, или

отъ воображаемыхъ бѣдствій, или вообще отъ сильныхъ волненій чувствъ. Сколько несчастныхъ страдаетъ сумасшествіемъ отъ ревности въ потерянной любви, отъ нищеты, оскорбленія чести, внезапныхъ перемѣнъ счастія! Трудно впрочемъ пересказать всѣ движенія души, зависящія отъ многостороннихъ почти до безконечности причинъ, и падающія тяжелымъ камнемъ на здравомысліе человѣка.

§ 165. По крайней мѣрѣ, должно замѣтить, что на характеръ душевныхъ болѣзней имѣетъ вліяніе и духъ вѣка, и возрастъ, и полъ, и народность, и даже самое сословіе. Именно:

а) Въ вѣка просвѣщенія и сильнаго движенія сердецъ больше бываетъ сумасшедшихъ, нежели тогда, когда люди живутъ въ невѣжествѣ, не постигая того, что не достаетъ одного только ума, съ котораго можно сойти и сдѣлаться жалкимъ созданіемъ.

б) Поэтому-то дѣти, въ которыхъ еще неразвитъ смыслъ, никогда не бываютъ сумасшедшими, хотя могутъ быть малоумными, слабоумными, или глупыми. Возрастъ, въ которомъ чаще обнаруживаются душевныя болѣзни въ людяхъ, опредѣляется отъ 20 до 50 лѣтъ, когда сильнѣе дѣйствуютъ страсти въ душѣ человѣ-

ческой и когда болѣе занимаетъ ее теченіе настоящихъ дѣлъ.

в) Касательно половъ, должно замѣтить, что женщины болѣе имѣютъ припадковъ сумасшествія отъ безотрадной жизни, а мущины отъ честолюбивыхъ замысловъ, которые имъ не по головѣ. Сравнительно, мущинъ болѣе сумасшедшихъ, нежели женщинъ здоровыхъ, но съ крѣпкимъ умомъ.

г.) Народы грубые, въ душу которыхъ не проникли еще склонности, изнѣживающія сердца человѣческія и отуманивающія мозгъ, менѣе способны къ сумасшествію, нежели просвѣщенные. У дикарей сумасшествіе рѣдкость—самая рѣдкая. Но и въ самомъ сумазбродствѣ оказывается что-то національное. Французу естественнѣе сойти съ ума отъ любви, чѣмъ отъ набожности, Англичанину отъ скуки, Испанцу отъ религіознаго иступленія, Нѣмцу отъ философіи и т. далѣе.

д.) Наконецъ справедливо замѣчаютъ, что въ сословіи ученыхъ и особливо артистовъ съ пылкими, огненными душами болѣе сумасшедшихъ, нежели въ прочихъ классахъ людей. Это очень понятно. Постоянное и сильное напряженіе умственныхъ способностей ослабляетъ нервы; идеалы фантазіи крушатъ голову; частые поры-

вы души сушатъ сердце: а бореніе генія съ несчастіями до чего не можетъ довесть человѣка?

§ 166. Не входя въ подробное изслѣдованіе психическихъ болѣзней, которымъ занимается Психіатрія, намъ нельзя не сказать, что онѣ имѣютъ отношеніе ближайшее къ тремъ системамъ организма, къ тремъ главнымъ способностямъ души, и, хотя иногда всю душу—во всѣхъ силахъ разстроиваютъ, но чаще обнаруживаются въ одной которой либо сторонѣ ея,—мысленіи, желаніи, или чувствованіи. Отсюда болѣзни душевныя можно разсматривать какъ болѣзни 1) ума, 2) воли и 3) сердца.

§ 167. 1) Разстройство ума болѣзненно обнаруживается въ а) умоисступленіи и б) безумствѣ.

а.) Умоисступленіе состоитъ въ излишне-напряженной дѣятельности воображенія, которое заводитъ умъ за разумъ. Умоисступленные живутъ въ мірѣ очаровательныхъ мечтаній и, забывая о дѣйствительности, воображаютъ себя въ близкихъ отношеніяхъ съ духами, толкуютъ съ ними, смѣются, плачутъ, поютъ и говорятъ нескладныя рѣчи иногда въ стихахъ.

б.) Безумство состоитъ въ превратномъ образѣ сужденія, иногда объ одномъ, иногда о

многихъ или о всѣхъ предметахъ, такъ, что въ семъ припадкѣ человѣкъ приписываетъ самому себѣ и вещамъ такія качества, какихъ въ нихъ вовсе не замѣчается, разсуждаетъ о такихъ планахъ и предначертаніяхъ, которыя никогда неэбыточны. Сумазброды почитаютъ себя королями, папами, полководцами, князьями и даже не земными существами, или занимаются открытіями въ наукахъ и искуствахъ, какъ то: изобрѣтаютъ новыя посылки для силлогизма, достаютъ воскъ изъ сала, опредѣляютъ квадратуру круга и тому подобное.

§ 168. 2) Болѣзни воли суть: а) манія и б) смертонеистовство.

а.) Манія или бѣшенство обнаруживается въ стремленіи больнаго все попадающееся ему разрушать, драться съ другими, и терзать даже свое тѣло. Страшно смотрѣть на человѣка, въ которомъ, кажется, самъ бѣсъ сидитъ и какъ левъ рыкая ищетъ кого-нибудь поглотить. Въ другихъ родахъ сумасшествія нравственныя качества его не извращаются; но въ бѣшенствѣ готовъ онъ убить отца съ матерью, дѣлается безстыденъ, наглъ до отвратительности; самыя невинныя особы женскаго пола теряютъ тутъ всю свою стыдливость.

б.) Смертонеистовство состоитъ въ превратномъ мнѣніи о жизни и стараніи освободить отъ нея смертію людей, чтобы они не развратились. Больной долго борется съ самимъ собою, призываетъ на помощь религію, сказываетъ о своей ужасной думѣ другимъ, проситъ ихъ, чувствуя приближеніе своего неистоваго припадка удалиться отъ него; но когда наступила эта роковая минута, онъ со всѣмъ хладнокровіемъ берется за ножъ, убиваетъ съ адскою улыбкою хотя бы-то невинныхъ чадъ своихъ, расказываетъ о своемъ поступкѣ всѣмъ и съ радостію готовится итти на казнь, чтобъ и самому не-обремениться болѣе жизнію.

§ 169. Болѣзни сердечныя суть: а) ипохондрія и б) меланхолія.

а.) Ипохондрія имѣетъ основаніе свое въ мрачномъ расположеніи духа, зависящемъ отъ преувеличенія въ воображеніи—органическаго разстройства и отъ опасенія за жизнь свою тогда, когда еще она не находится въ опасности. Ипохондрикъ мало по малу увеличиваетъ разстройство какъ тѣлесное, такъ и душевное, чувствуя мнимо—великую болѣзнь свою неизлѣчимою и не надѣясь на помощь врачей, которымъ иногда нечѣмъ остается лѣчить его, какъ толь-

ко моральными средствами. Ибо есть такого рода больные, которые воображають, что напримѣръ въ животѣ ихъ сидять лягушки, что ноги у нихъ хрустальныя, что они не имѣютъ головы и т. подобное.

б.) Меланхолія составляетъ особый видъ ипохондріи, когда человѣкъ, подвергшись несчастію, получилъ уже непреодолимую склонность тосковать и печалиться, противъ которой воля его несильна востать. Подверженный этой болѣзни несчастный заключается въ своемъ безотрадномъ сердцѣ, бѣгаетъ всякаго общенія съ людьми, бродитъ разсѣянно по лѣсамъ, полямъ и кладбищамъ; видъ его безпорядоченъ и страшенъ, рѣчь безсвязна; во всемъ замѣтно какое-то отчаяніе и, если религія оставляетъ меланхолика,—онъ легко посягаетъ на свою собственную жизнь.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

О цѣли существованія человѣческаго.

§ 170. Такъ какъ цѣль бытія нашего познается изъ разсматриванія свойствъ и способностей душевныхъ, а достигается не въ здѣшней, но другой жизни, то въ сей части Психологіи должно намъ говорить во 1-хъ) о цѣли существованія нашего на землѣ, во 2-хъ) о безсмертіи души человѣческой.

ГЛАВА I.

О цѣли существованія нашего на землѣ.

§ 171. Подъ цѣлію существованія нашего на землѣ разумѣемъ тотъ конецъ, для котораго Творецъ создалъ насъ и поставилъ въ этомъ мірѣ въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, съ которыми мы должны неотмѣнно сообразоваться въ своей дѣятельности и всегда имѣть въ виду для своего блага и счастія. Эта цѣль или этотъ конецъ различно былъ понимаемъ философами, судя по различнымъ взглядамъ на душу и жизнь человѣческую. Тѣ, которые не могли

возвыситься до идеальныхъ помысловъ, полагали, что человѣкъ живетъ на землѣ для наслажденія благами; другіе думали, смотря на поврежденность силъ души человѣческой, что Богъ послалъ ее въ этотъ міръ для очищенія отъ грѣховъ и возсоединенія съ Нимъ по исправленіи; а иные, видя зависимость человѣка отъ внѣшнихъ силъ, подчинили его року и судьбѣ (fatum), при которыхъ онъ никакъ не можетъ знать къ чему предназначенъ. Но всѣ сіи взгляды далеки отъ совершенной цѣли нашего существованія здѣсь на землѣ; она состоитъ въ уподобленіи Богу чрезъ развитіе высшихъ помысловъ, идеальныхъ требованій, благороднѣйшихъ чувствованій, отъ котораго уподобленія зависитъ и происходитъ наше блаженство. Къ этой цѣли влечетъ насъ А) природа нашего духа, Б) побуждаетъ природа внѣшняя и В) приуготовляетъ религія Откровенная.

§ 172. А) Какъ ни много стремленій въ душѣ человѣческой развивается и какъ ни далеко они завлекаютъ иногда человѣка отъ истинной цѣли, не смотря на то, внимательное разсмотрѣніе показываетъ, какія изъ нихъ благопріятствуютъ намъ къ достиженію послѣдней цѣли нашего бытія и слѣд. должны быть не

подавляемы, но чрезъ всю жизнь питаемы хотя бы то насчетъ другихъ требованій души же нашей. Ибо:

Во 1-хъ) Въ разумѣ нашемъ есть непреодолимое влеченіе къ истинѣ; ложь, если находитъ себѣ поборниковъ, то подъ видомъ той же истины; обмана нелюбятъ въ другихъ даже тѣ, которые на каждомъ шагу сами лгутъ. Посему истина не есть ли цѣль разумной нашей жизни? искать ее въ самомъ источникѣ—Богѣ, любить и прилѣпляться къ ней не значитъ-ли уподобляться Тому, Кто есть истинна и животъ? И не счастіе ли человѣка, когда онъ ходитъ не во тмѣ, когда истина въ немъ пребываетъ и онъ всегда съ нею?

2.) Въ свободной волѣ нашей естьнеистребимое влеченіе къ добру; хотя оно можетъ быть искажено сильными страстями, но въ сознаніи человѣка всегда остается, что есть призваніе—быть добрымъ. Конечно, кто изъ насъ вѣренъ этому призванію? Зато не часто ли тайный голосъ взываетъ каждому изъ людей:» ты не то дѣлаешь, что долженъ дѣлать, ты не въ томъ поставляешь благо свое, твоя воля не къ тому должна стремиться, что страсти тебѣ повелѣваютъ исполнять, ты рабъ чувственности?

Итакъ, поступать по совѣсти, жить свято,—не есть-ли цѣль всей нашей практической дѣятельности въ настоящей жизни? И чѣмъ ближе мы можемъ возвышаться до подражанія Божественнымъ совершенствамъ, какъ не своими добродѣтелями? Не къ этой-ли главной цѣли направлено самое умственное наше образованіе, которое безъ нравственнаго совершенства теряетъ свою цѣну? Сократъ необманывался, когда знаніе называлъ добродѣтелію; ибо истинное знаніе, которое одно можно назвать мудростію, неразрывно съ добродѣтелію, потому что сія необходимо предполагаетъ въ человѣкѣ самосвѣдѣніе, совершенное уразумѣніе своей зависимости и тѣсной связи съ Божествомъ, своего назначенія и образа дѣйствій, свойственнаго Существу разумно-свободному.

3.) Въ сердцѣ человѣческомъ есть стремленіе къ невозмущаемымъ радостямъ; не говоримъ о томъ, чтобъ это стремленіе истинно понимали люди; напротивъ, они часто ищутъ счастія не того, для котораго они созданы, и полагаютъ едва не во всемъ, кромѣ того, въ чемъ оно состоитъ. Но тысячелѣтніе опыты подтверждаютъ, что наше счастіе заключается не въ вещахъ и не въ удовлетвореніи чувственнымъ склонностямъ души;

оно состоитъ въ наградѣ за добродѣтельную жизнь ненарушимымъ спокойствіемъ совѣсти, въ пламенной любви къ Создателю и единеніи съ нимъ, какъ источникомъ всякаго блаженства. Итакъ не тамъ ли цѣль нашего сердца, гдѣ находятъ ее для себя разумъ и свободная воля? Не тамъ ли наше блаженство, гдѣ высочайшая Истина и Благо верховное? Такъ; оно заключается въ Богѣ, единственно въ Богѣ и слѣд. чѣмъ болѣе мы къ Нему приближаемся нравственными своими совершенствами, чѣмъ яснѣе око ума нашего Его можетъ созерцать, чѣмъ пламеннѣе къ нему горитъ наше сердце; тѣмъ мы ближе къ блаженству, не возмущаемому никакими скорбями; тѣмъ надежнѣе идемъ къ послѣдней цѣли бытія своего. Короче сказать,—изъ разсматриванія существа души нашей познается, что цѣль бытія нашего есть участіе въ безконечномъ блаженствѣ Существа безконечнаго, имѣющее быть пріобрѣтеннымъ чрезъ уподобленіе себя Творцу на землѣ въ мысляхъ, желаніяхъ, чувствованіяхъ и во всей дѣятельности.

§ 175. Б.) Такъ какъ родъ человѣческій не всегда вѣренъ своему предназначенію, но часто сбивается съ истиннаго пути къ нему, то, по премудрому устроенію Божію, самая внѣш-

няя природа заставляетъ своего питомца помнить о цѣли его существованія а) то награждая и ободряя его, то б) наказывая физически.

а.) Въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ нравственно совершенъ, то онъ властелинъ природы и она вѣрная—покорная его рабыня. Физическія силы ея и самые непремѣняемые законы когда не повиновались силамъ нравственнымъ, имѣющимъ довольно крѣпости? Опытомъ дознано, что огонь не смѣлъ иногда палить человѣка, ядъ не производилъ своего дѣйствія, левъ не дерзалъ пожирать его, змій жалилъ и не вредилъ ему, вода принимала его и опять извергала на берегъ. Все это чудесно для насъ, но не потому-ли наипаче, что нравственныя силы наши немощны и весьма—весьма далеки отъ того, чтобы торжествовать надъ физическими законами? Между тѣмъ сіи дивныя явленія въ природѣ не суть ли награда ея человѣку за истинно добродѣтельную жизнь и наука быть болѣе и болѣе нравственно—совершеннымъ? Природа нѣма; но каждое дѣйствіе ея говоритъ языкомъ понятнымъ для всякаго простолюдина. Если всѣ наши обстоятельства жизни, зависящія сколько нибудь отъ нея, текутъ по нашему желанію,—это знакъ, что мы должны быть благодарны словами и дѣ-

лами своему Создателю,—это знакъ, что мы должны преуспѣвать болѣе и болѣе въ добродѣтели.

б.) Впрочемъ кто не понимаетъ кроткихъ и благотворныхъ внушеній природы, того она научаетъ добродѣтели страшными и грозными уроками. Опустошительные пожары, моровыя язвы, томительный голодъ, происходящій отъ засухи или отъ раззоренія полей саранчею, необычайныя наводненія, причиняющія сильныя скорби, землетрясенія и низверженія огнедышущихъ горъ, отъ которыхъ гибнутъ цѣлые города,—что означаютъ всѣ эти явленія природы, какъ не наказанія Божіи за грѣхи человѣческія и не спасительныя средства ея побуждающія насъ къ нравственному исправленію? Напрасно жалуются на зло физическое; оно никогда бы не существовало, если бы не было зла нравственнаго. Самое ужасное зло изъ золъ—сумасшествіе, и оно впрочемъ происходитъ изъ нравственной порчи человѣка, который если бы не палъ, то незналъ бы никакихъ скорбей физическихъ, ни разстройства душевнаго. Но когда зло нравственное разлилось рѣкою по всему міру, то какое лѣкарство для безчувственныхъ сыновъ Адама лучше золъ физическихъ? Что можетъ скорѣе возбудить въ нихъ благоговѣйныя чувствованія и исправить

хотя на нѣкоторое время нравственность, какъ не судорожныя движенія природы, которыми она и наказываетъ ихъ, и укоряетъ за себя, какъ бы говоря: »Вы наказываетесь чрезъ меня за тяжкія свои вины, а я вмѣстѣ съ вами воздыхаю и стенаю безвинно; долго ли вы не освободите себя и меня отъ рабства грѣховнаго, долго ли будете блуждать по распутіямъ, забывая о предназначеніи своемъ—идти путемъ добродѣтелей въ царство славы?»

§ 174. В) Наконецъ религія Откровенная нетолько намъ указываетъ на сію цѣль, не только поощряетъ къ ней, но и даетъ средства къ достиженію ея самыя дѣйствительнѣйшія. Банею крещенія она омываетъ насъ отъ первороднаго грѣха и бдитъ на каждомъ шагу жизни за исполненіемъ нравственныхъ обязанностей, подавая немощнымъ силы, наставляя невѣдущихъ, утѣшая страждущихъ, исправляя падающихъ, очищая недужныхъ, доставляя всѣмъ все нужное для нравственнаго совершенства. Одного только она отъ насъ требуетъ,—чтобы мы возлюбили добро для Бога, ревностно искали его въ Богѣ и для соединенія съ Богомъ не страшились скорбнаго пути добродѣтелей, къ Нему ведущаго.

ГЛАВА II.

О безсмертіи души человѣческой.

§ 175. Сколь несомнѣнно то, что цѣль жизни нашей есть нравственное совершенство и изъ него проистекающее блаженство, стольже непреложно и то, что эта цѣль недостижима здѣсь на землѣ, а только еще начинаетъ достигаться. Опытъ показываетъ, что люди добродѣтельные умираютъ съ пламеннымъ желаніемъ дѣлать болѣе добра, стремиться къ высшему совершенству и вмѣстѣ съ познаніемъ глубокой немощи своего естества. И удивительно ли? Идеалъ совершенства, къ которому мы предназначены, есть Существо безконечное,—полнота всѣхъ возможныхъ совершенствъ. Посему настоящая нравственная жизнь наша не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только приготовленіемъ къ новой, будущей жизни. Отвергнувъ это, должно бы отвергнуть начатки нравственнаго развитія на землѣ, какъ начало безъ цѣли, какъ сѣмя безъ жизни, безъ прозябенія. Но кто можетъ истребить въ душѣ своей сознаніе нравственныхъ потребностей, какъ основаній, на которыхъ зиждется все, что есть похвальнаго и прекраснаго

въ мірѣ? Итакъ необходимо предположить безсмертіе души человѣческой.

§ 176. Всѣ народы всѣхъ временъ вѣрили въ безсмертіе души человѣческой; не было ни въ одномъ безбожникѣ той мысли, что душа уничтожится съ тѣломъ. Но неизвѣстность судьбы ея за гробомъ и тѣсная связь съ тѣломъ привела мыслителей къ понятіямъ о безсмертіи, сколько разнообразнымъ, столько же иногда и грубымъ.

Такъ а.) матеріалисты,—не говоря, что душа можетъ уничтожиться, ибо примѣровъ уничтоженія нѣтъ въ самой природѣ вещественной, утверждали, будто она, какъ тончайшее тѣло, вмѣстѣ съ организмомъ разрѣшится на части и какъ нѣжный воздухъ разліется. Но невещественность души человѣческой, чуждая всякой воображаемой сложности частицъ или физической простоты, несомнѣнна [§ 20]; слѣдовательно душа не можетъ умирать физическою смертію.

б.) Древніе мудрецы, думая, что душа человѣческая послана въ этотъ міръ Богомъ для очищенія грѣховъ, допустили переселеніе душъ человѣческихъ и сроднили ихъ съ душами животныхъ. Но это мнѣніе о безсмертіи души, по нынѣ существующее на Востокѣ, только страшитъ

простой народъ переселеніемъ души въ какое нибудь нечистое животное и удерживаетъ отъ необузданности, а само въ себѣ взятое, сколько грубо, столько же и далеко отъ всякой вѣроятности. Опытъ свидѣтельствуетъ, что между душею человѣческою и животною находится бездна, на вѣки ихъ раздѣляющая. [§ 26].

в.) Новѣйшіе натуралисты, предполагая развитіе души человѣческой изъ всеобщей жизни природы, принимаютъ безсмертіе души, но отнимаютъ у нея личность, усовершимость и награду за добродѣтель. По ихъ понятіямъ, не *мы* имѣемъ душу, но *насъ* имѣетъ духъ, тотъ самый, которымъ живутъ всѣ царства природы и который, въ первый разъ сознавая себя въ человѣкѣ, выходитъ изъ него по разрушеніи организма и дѣлается всеобщимъ. Такимъ образомъ, въ природѣ все живетъ, но ничто не имѣетъ своей собственной жизни, наши заботы о исправленіи нравовъ и улучшеніи своего состоянія, наши взаимныя поощренія къ добродѣтели, наши радости и печали намъ не принадлежатъ, какъ недѣлимымъ; это дѣло всеобщаго, вѣчнаго, всегда самому себѣ равнаго духа природы. Складно, но не ладно. Ибо

1. Въ сознаніи человѣка глубоко лежитъ

убѣжденіе, что его *я*, а не *другое* какое-либо существо за него дѣйствуетъ; безъ сего убѣжденія вся жизнь наша уподоблялась бы драматическому сну, разъигрываемому чрезъ насъ, но не нами.

2. Если всеобщій духъ, не сознавая себя ни въ камняхъ, ни въ растеніяхъ, ни въ животныхъ, сознаетъ себя въ организмѣ человѣческомъ, то сознаніе это зависитъ отъ развитія организаціи; а этотъ духъ, по ученію натуралистовъ, то же, что Богъ,—слѣдствіе очевидно.

3. Откуда зло нравственное и какъ родилось понятіе о наградахъ и наказаніяхъ, если духъ человѣческій есть мгновенное проявленіе абсолютнаго, лишенное личности, свободы, разумности? Странно почитать всеобщій духъ и безконечнымъ и ограниченнымъ, и совершеннѣйшимъ и несовершеннѣйшимъ, началомъ добра и источникомъ безпорядковъ!

г.) Наконецъ Мистики допускаютъ безсмертіе души, полагая блаженство, какъ награду за отрѣшеніе ея отъ всего чувственнаго, въ непосредственномъ соединеніи съ первосущимъ, такъ что, при семъ соединеніи, должно исчезнуть въ насъ всякое сознаніе своей личной самостоятельности и существо души должно слиться въ

одно существо съ Божествомъ, погрузиться въ Немъ, какъ капля въ океанѣ, забыться, расплавиться въ наслажденіяхъ. Мистики утверждаютъ, что это блаженное состояніе можно предъ испытать даже въ настоящей жизни. »Но каково-бы ни было блаженство, безъ самосознанія оно не не существуетъ; а коль скоро есть какое либо самосознаніе, при немъ не можетъ быть слитія личности съ Божествомъ. Да и съ чего взяли Мистики называть блаженнымъ какое-то состояніе, котораго они не сознаютъ? Почему они знаютъ объ немъ, когда не сознаютъ?

§ 177. Вѣрнѣе всего полагать, что безсмертіе души человѣческой состоитъ въ нескончаемой жизни за гробомъ, въ которой она остается та же по существу своему, съ разумностію и свободою, тожествомъ сознанія и личностію; измѣняется только ея состояніе по причинѣ перемѣны духовно-физическаго существованія—на чисто духовное. Объяснимъ наше опредѣленіе.

a.) Душа человѣческая, по существу своему, есть духъ, коего дѣйствованіе въ чувственномъ мірѣ и на физическіе предметы не можетъ выражаться безъ земныхъ органовъ. Сіи-то органы его постоянно измѣняются, растутъ, развиваются,

слабѣютъ и умираютъ, а вмѣстѣ съ тѣломъ и самыя обнаруженія духа отъ нихъ много зависятъ. Посему съ разрушеніемъ организаціи естественно прекращается чувственная жизнь души; она не можетъ смотрѣть на этотъ міръ, не можетъ осязать, обонять и вообще ощущать; никакія ощущенія жажды, холода, зноя, болей не могутъ возмущать ея спокойствія. Но расторгаясь съ чувственными органами, и прекращая чувственную жизнь, она какъ духъ, остается неизмѣнна, такъ какъ не можетъ быть ни болѣе ни менѣе духовною, и слѣдовательно по существу своему безсмертна.

б.) Разумность души человѣческой составляетъ существенное ея свойство, безъ котораго она была-бы душею не человѣка, но животнаго [§ 26]. Впрочемъ по опыту извѣстно, что обнаруженія разумности, какъ то: разсудокъ, смыслъ, умъ много, весьма много зависятъ отъ организаціи; вмѣстѣ съ нею они развиваются, укрѣпляются, слабѣютъ и разстроиваются, какъ наприм., въ душевныхъ болѣзняхъ. Отсюда что заключить? Не то, что, какъ матеріалисты думаютъ, душа вмѣстѣ съ тѣломъ исчезаетъ; но то, что, съ разрушеніемъ организаціи, для разумности человѣка непригодны тѣ формы мышленія, по-

средствомъ которыхъ она поставлена въ соотношеніе съ міромъ вещественнымъ; для другаго міра должна существовать другая Логика, тогда какъ самая разумность въ себѣ взятая всегда остается разумностію, не уменшаясь и не увеличиваясь въ существѣ своемъ, какъ бы формы ея не измѣнялись, и слѣд. составляетъ вѣчную, никогда неотъемлемую принадлежность нашей души.

в.) Свобода, какъ и разумность, свойственна душѣ человѣческой по самой природѣ; но она выражается въ этой жизни не иначе, какъ подъ формою выбора и воли. Предметовъ желаній нашихъ такъ много въ семъ мірѣ, что часто мы развлекаемся или колеблемся въ душѣ, что избрать и что отвергнуть, на что рѣшиться и что исполнять; да и всегда тотъ или другой рядъ дѣйствій по своему посильному сужденію мы избираемъ для себя, какъ лучшій. Такъ какъ сей выборъ воли нашей несущественно принадлежитъ душѣ, но есть слѣдствіе отношенія ея къ внѣшнему міру, то естественно со смертію прекращается. Что же касается до свободы самой въ себѣ, а не въ обнаруженіяхъ ея, и до самообразованія оной въ характеръ, то здѣсь нечему прекратиться; напротивъ свобода, несвязуемая болѣе выбо-

ромъ, и образовавшая въ себѣ характеръ добрый или злой должна развивать его положительно и во всей ясности. Короче сказать, человѣкъ въ нравственной дѣятельности своей можетъ быть болѣе или менѣе свободенъ, но свобода наша сама въ себѣ ни прибываетъ, ни убываетъ, а составляетъ всегдашнее, неизмѣняемое свойство души и слѣд. безсмертие.

г.) Нельзя и того предполагать, чтобы душа по смерти тѣлесной стала сознавать себя не тою, которая существовала въ этомъ мірѣ, но другою по природѣ и забыла бы все, что она ни дѣлала въ продолженіи земной своей жизни. Если существенныя свойства ея не могутъ уничтожиться, то и сознаніе тожества въ существѣ своемъ должно непремѣнно остаться при ней, не смотря на перемѣну ея состоянія, точно такъ, какъ состояніе отрочества, юношества, мужества и старости совершенно различны, но сознаніе наше говоритъ намъ, что мы одни и тѣже во всѣхъ сихъ возрастахъ. Можно сказать, что въ будущей жизни мы еще болѣе, нежели въ настоящей, отождествимся съ своими дѣйствіями, совершенными и, можетъ быть, забытыми. Теперь вниманіе наше развлекается безчисленнымъ множествомъ разнородныхъ явленій, внѣ насъ со-

вершающихся и предметовъ, имѣющихъ къ намъ близкое отношеніе; намъ нѣтъ возможности углубиться въ однихъ самихъ себя, погрузиться въ самопознаніе. Напротивъ, съ смертію тѣла душа разлучается съ внѣшнимъ міромъ и его суетными попеченіями; единственный предметъ для ея занятій остается—она сама. Кора чувственности спадаетъ съ умственнаго ея ока, она обозрѣваетъ весь рядъ дѣйствій своихъ въ минувшей жизни и узнаетъ въ нихъ себя такъ ясно, будто она въ ту минуту все созерцаемое сдѣлала.

д.) Впрочемъ если сознаніе тожества души, остающееся по смерти, доказываетъ ея безсмертіе, то личность ея требуетъ онаго еще въ настоящей жизни. По существу души, люди всѣ одинаковы, всѣ они одарены разумностію и свободою; но въ поступкахъ своихъ, въ томъ, какъ они пользуются дарами природы, всѣ различны, такъ, что нельзя исчислить степеней нравственнаго ихъ совершенства. Такимъ образомъ міръ нравственный не менѣе разнообразенъ въ своихъ явленіяхъ, какъ и физическій. Поелику же всякое нравственное явленіе проистекаетъ изъ свободной самоопредѣляемости человѣка, то не можетъ и не должно оставаться безъ добрыхъ или дурныхъ для него послѣдствій. Этого требуетъ за-

конъ справедливости, въ нашей совѣсти неизгладимо напечатлѣнный; этого не можно отмѣнить самъ Богъ, какъ судія нелицепріятный, мздовоздаятель правосуднѣйшій. Но гдѣ соотвѣтственность между поступками и наградами въ этомъ мірѣ? Всего чаще, порокъ въ славѣ здѣсь торжествуетъ, а добродѣтель облеченная въ хламиду безславія, покрытая терновымъ вѣнцомъ несчастій, предается на поруганіе свѣту. Итакъ, необходимо допустить вѣчную жизнь за гробомъ, въ которой праведные и нечестивые люди получатъ должное мздовоздаяніе; правосудіе Божіе будетъ удовлетворено, и въ мірѣ водворится совершеннѣйшій порядокъ.

§ 178, Не только душа наша безсмертна, но и тѣла человѣческія, згнившія въ землѣ нѣкогда воскреснутъ. Разумъ по себѣ ничего неможетъ сказать въ подтвержденіе сей истины, но въ природѣ видимой есть на нее ясные и разительные намеки. Ласточки, зацѣпляясь ноготками одна за другую, а первая за вѣтки при берегахъ рѣчныхъ почти въ водѣ, вѣреницами зимою замерзаютъ, а весною оживаютъ. Шелковичный червь самъ изъ себя развиваетъ куколку, пеленается своими нитями, дѣлаетъ изъ нихъ себѣ домъ и гробъ, замираетъ на зиму въ своей ткани и вес-

ною снова возвращается къ жизни, перерождаясь изъ личинки въ прелестную бабочку. Жукъ, приближаясь къ смерти, закапывается въ навозѣ, погребается въ немъ, землей покрываетъ гробъ свой, а въ весеннее время изъ сѣмени своего при помощи влаги вновь возраждается. Хомяки, кроты и хорьки по 6-ти мѣсяцевъ лежатъ мертвые и возраждаются. Тушканчики, горные кролики и свистунчики также обмираютъ зимою и оживаютъ весною. Говорить ли о томъ, что міріады насѣкомыхъ между зимней и лѣтней порой во время стужь засыпаютъ и при тепломъ комнатномъ воздухѣ даже зимою оживаютъ? Кто не знаетъ, что полевое зерно, брошенное на землю не оживаетъ, если сначала не умретъ? Такъ и тѣло наше разрушается и обращается въ прахъ не для вѣчнаго тлѣнія, но для воскресенія, для того, чтобы изъ тлѣннаго ему сдѣлаться—нетлѣннымъ. [§ 35].

§ 179. Надобно замѣтить однакожь, что разумъ нашъ не можетъ удостовѣрить насъ въ безсмертіи души до того, чтобы не оставалось никакихъ недоумѣній касательно этого предмета. Всѣ народы во всѣ времена гадали о судьбѣ человѣка, вѣрили въ награды и наказанія въ будущей жизни; но когда наступала торжественная

минута смерти, тогда и самые мудрѣйшіе изъ рода человѣческаго колебались въ своей вѣрѣ. Жертва Сократа, принесенная на смертномъ одрѣ Эскулапу, едвали не скорѣе можетъ быть изъяснена изъ его смущенія души, чѣмъ изъ насмѣшки надъ языческими божествами. И если бы Откровеніе насъ не удостовѣряло не только въ безсмертіи души, но и въ воскресеніи тѣлъ нашихъ, то сколько бы ни былъ твердъ умъ человѣческій, сомнѣнія одолѣли бы его. Къ счастію рода нашего, Богъ открылъ намъ, сколько нужно знать о судьбѣ человѣческой за гробомъ. Исторически непререкаемо извѣстно, что были опыты воскресенія мертвыхъ—да и такихъ еще мертвыхъ, которыхъ составъ тѣлесный уже смердѣлъ отъ безжизненности и разложенія его на составныя части. Самъ Основатель нашей религіи умеръ и воскресеніемъ своимъ доказалъ побѣду надъ смертію. Его-то Божественное ученіе не оставляетъ и тѣни сомнѣній въ истинѣ безсмертія души и воскресенія мертвыхъ, такъ, что христіанинъ вѣрующій переходитъ въ жизнь вѣчную, какъ путникъ, утомленный скорбями въ свое отечество, а беззаконникъ нечестивый при всемъ своемъ невѣріи, если онъ только теоретически знаетъ Евангельскія истины, погибаетъ

въ душѣ ранѣе небеснаго осужденія.

§ 180. Многіе, охотно вѣря въ блаженную жизнь за могилой, не хотятъ допустить вѣчности мученій, утверждаясь на томъ основаніи, что будто бы несообразно съ безпредѣльною благостію Божественою за временныя преступленія подвергать человѣка вѣчному осужденію и проклятію. Но 1) грѣхъ должно осуждать не по продолжительности только времени его дѣйствія, но болѣе по внутреннему его характеру; можно въ одинъ часъ сдѣлаться преступникомъ противъ Бога болѣе, нежели въ цѣлую жизнь столѣтнюю. 2) Конечно при оцѣнкѣ поступковъ важно и то, сколько времени человѣкъ чернилъ себя грѣхами, но несравненно важнѣе то, кто противъ кого, при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ явился не благодарнымъ.

3) Откровеніе предупреждаетъ каждаго, внушая, что за грѣхи опредѣлено вѣчное мученіе въ будущей жизни; слѣдовательно преступникъ Божескихъ велѣній добровольно идетъ на вѣчныя мученія и достоинъ ихъ потому самому, что знавши о нихъ не хотѣлъ себя сохранять отъ нравственнаго зла.

4) Предположивъ конецъ мученіямъ въ вѣчности, должно предположить конецъ и блажен-

ству праведныхъ; если же праведные не вѣчно будутъ блаженствовать, то за что и какъ нечестивымъ вкушать райскія удовольствія?

5) Впрочемъ всего несомнѣннѣе, что души нечестивыхъ, напитанныя и проникнутыя зломъ, по своей природѣ не способны будутъ къ наслажденіямъ духовнымъ. Кто развилъ въ себѣ характеръ положительно—злой, въ чьей душѣ расплодились, возрасли и созрѣли сѣмена нечестія, тотъ можетъ ли услаждаться безконечною истиною, безпредѣльнымъ благомъ и неописанною лѣпотою?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Послѣ наблюденій за душею человѣческою и соображеній нашихъ, теперь не трудно отвѣтить на тѣ задачи Психологіи, которыя нами предложены вначалѣ. § 17.

1) Что такое душа человѣческая въ самой себѣ (in subtvato) взятая? это духъ, которому существенно принадлежатъ: разумность, свобода, тожество сознанія и личность.

2.) Какъ живетъ сей духъ, поставленный въ соотношеніе съ міромъ физическимъ чрезъ организацію, которая дается ему на землѣ? Онъ выражаетъ свою дѣятельность посредствомъ силъ, коихъ развитіе зависитъ, какъ отъ него самаго, такъ и отъ физическихъ причинъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ оными. А именно: разумность въ отношеніи къ внѣшнему, вещественному міру выражается способностію чувственнаго воспріятія, воображеніемъ, памятію и разсудкомъ; свобода произволомъ, сердце пріятными или непріятными чувствованіями. Но духъ живущій въ человѣкѣ и составляющій половину его нелишенъ сообщенія и съ міромъ духовнымъ; это сообщеніе возможно чрезъ разумъ, свободную волю и любовь. Плоды

душевной дѣятельности и внѣшнихъ ея условій суть различныя состоянія души, иногда для нея пріятныя, иногда непріятныя, трогательныя и даже ужасныя.

3.) Какая цѣль или назначеніе души человѣческой? Безконечное совершенствованіе въ добрѣ, недостигаемое не только здѣсь на землѣ, но и въ вѣчности слѣдовательно предполагающее вѣчную, никогда нескончаемую жизнь человѣка, въ которой, судя по развитію добраго или злаго характера, онъ будетъ или вѣчно блаженствовать, или безконечно страдать — мучиться.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

О СПОСОБНОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ.

3) Свободная воля.

ГЛАВА III.
О СПОСОБНОСТИ СЕРДЕЧНАГО ЧУВСТВОВАНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.
О СОСТОЯНІЯХЪ ДУШИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

Содержаніе этого отдѣленія Психологіи.

ГЛАВА I.
О НОРМАЛЬНЫХЪ СОСТОЯНІЯХЪ ДУШИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

ГЛАВА II.
О СОСТОЯНІЯХЪ ДУШИ НЕОБЫЧАЙНЫХЪ, НЕ НОРМАЛЬНЫХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О ЦѢЛИ СУЩЕСТВОВАНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

ГЛАВА I

О ЦѢЛИ СУЩЕСТВОВАНІЯ НАШЕГО НА ЗЕМЛѢ.

ГЛАВА II.

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечат.	чит.
Стр. 10 оно	она
—25 способность	особность
—50 чувственность	чувствительность
—73 въ вещахъ	въ вещахъ и
—83 приходитъ	привходитъ
—155 порознь, для	порознь! Для

2007113300